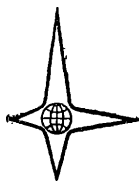

Случай Ковальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« М И Р »

СЛУЧАЙ КОВАЛЬСКОГО

*Сборник
научно-фантастических
рассказов*

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА
1968

Перевод
Е. ВАЙСБРОТА

Послесловие
Г. ГУРЕВИЧА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

СЛУЧАЙ КОВАЛЬСКОГО

В наше время нелегко стать героем. Другое дело прежде. Достаточно было улану пять минут прогарцевать по полю брани с саблей наголо — и он на всю жизнь обрел славу в глазах окружающих (разумеется, если только выходил из атаки живым). Но теперь нет войн, и того, кому станут сниться добытые таким путем лавры, немедленно подвергнут тщательному психиатрическому обследованию, а потом изолируют от общества. Бывали, конечно, оказии и для геройских поступков, так сказать, мирного характера. Один вытаскивал ребенка из-под колес поезда. Другой, сидя за рулем автомобиля, намеренно врезался в дерево, чтобы не сбить шедшего по шоссе старика. Ну, а сейчас техника уже на том уровне, что даже сама мысль о возможности подобных катастроф кажется смешной. Да вы и сами знаете: за последние двадцать лет не было ни одного несчастного случая даже на космическом транспорте. На Земле люди умирают лишь в постелях... Это неромантично, но это так.

Я, собственно, хотел рассказать вам о Янеке Ковальском. Слышали о таком? Вы думаете — я о Ковальском из Влоцлавка, что работает на автоматической фабрике пищевого белка? Нет, не о нем. Впрочем, среди поляков Ковальских хоть пруд пруди, как у англичан Смитов, а у русских Кузнецовых. Я хочу рассказать о моем друге Янеке Ковальском, переводчике, который работает на фабрике информации. Другого Ковальского там нет — на таких фабриках вообще немного работников, да и фабрика информации в Польше одна. Большие государ-

ства имеют в составе единой государственной информационной сети по несколько таких фабрик, соединенных с сетью международной, а нам достаточно и одной. Здесь следовало бы сказать, как говорят в математике: необходимо и достаточно. Достаточно потому, что мы развиваем только некоторые отрасли промышленности — в условиях тесного международного сотрудничества это наиболее разумно, а необходимо, чтобы не допустить дублирования научных исследований и промышленных разработок. Весь мир страдает от недостатка специалистов, и, несмотря на автоматизацию умственной работы — а кто знает, может быть, именно поэтому — количество требующих решения научных и технических проблем растет значительно скорее, нежели кадры специалистов. Каждый ученый или конструктор, решая уже существующие проблемы, создает втрое больше новых. В такой ситуации государство, которое позволит своим специалистам дублировать уже проделанные где-либо работы, неминуемо отстанет от большого мирового семейства. Впрочем, это чисто теоретические рассуждения: все страны равно заинтересованы в прогрессе и делают все возможное, чтобы обмениваться результатами своих исследований.

Так вот, Янек Ковальский — дежурный смены на такой фабрике информации. Дежурных там двое, но, на мой взгляд, там и одному делать нечего. Все там автоматизировано. Входной отдел связан непосредственно с телекоммуникационной центральной, которая по всем каналам доставляет информацию машине. Здесь происходит тематический разбор информации. Интересующие нас сообщения направляются в отдел переводов, где все статьи, заметки, справки переводятся на польский и сокращаются. Оригиналы идут в архив, а рефераты немедленно передаются заинтересованным учреждениям и ли-

цам. Так это выглядит в общих чертах. Тысячи вычислительных машин по всей стране разрабатывают программы исследований и планируют выпуск текущей продукции именно на основании информации и научных и технико-экономических данных, полученных с фабрики. Таким образом, эта не такая уж и большая по размерам фабрика играет весьма существенную роль и в народном хозяйстве, и в повседневной жизни страны. Она занимается всем — от производства присыпки для новорожденных, планирования сети школ и учебной помощи детям и до прогнозирования потребности в специалистах.

Так вот, Янек раз в три дня восемь часов просиживает на фабрике, читая или занимаясь. В вину ему этого никто не ставит, так как машины сами отлично со всем справляются. Янек нужен просто на тот случай, если вдруг — что мне кажется совершенно невероятным — машины не в состоянии будут оценить пригодность той или иной информации. Даже при очень малой вероятности потери необходимой информации экономически выгодно занять специалиста высокой квалификации, даже двух, только затем, чтобы иметь абсолютную уверенность, что ни одно принятое сообщение не останется без внимания.

Коллега Янека по смене — человек болезненный, ему трижды заменяли сердце. Врачи давно уже хотели освободить его от работы, но связанные с освобождением эмоциональные сдвиги могли оказаться для Петровского гораздо опаснее, чем усилия, прилагаемые во время дежурства. И, несмотря на инструкции, все смотрели сквозь пальцы на то, что Петровский уходит с работы на два или три часа раньше. Ковальский тоже не протестовал. Помощь ему не требовалась. Во всяком случае, до среды 12 июля. Именно в этот день нарушилась работа фабрики информации. Поскольку это событие внутреннего характера, то пресса о нем не писала, Я узнал о случив-

шемся всего несколько дней назад от товарищей Янека.

Петровский ушел в одиннадцать, а спустя сорок пять минут сигнал на контрольном щитке сообщил об отсутствии информации в отделе переводов. За шесть лет это у Янека случалось лишь дважды: пять лет назад, когда подземный толчок повредил кабель между фабрикой и телекоммуникационным центром, и три года назад из-за нелепого замыкания в аварийном контуре. И на этот раз Янек сделал все необходимое: нажал кнопку вызова технической команды, продиктовал рапорт директору и начал искать место повреждения. Через минуту должны явиться инженеры, а еще через две все вернется в нормальное состояние. Предварительная память обеспечивает десятиминутный перерыв в работе без потери информации. (Надо сказать, проектировщики фабрики, конечно, не думали, что такой перерыв возможен на самом деле.)

Диагностический циферблат показывал на повреждение в отделе сортировки информации. Прошло пятьдесят семь секунд с момента аварии: Янек совершенно точно видел это на большом секундомере, автоматически включающемся одновременно с сигналом. Техническая группа еще не появлялась. В чем причина повреждения? Может, в каком-либо из больших кристаллов, исполняющих функции сложных элементов вычислительной машины? Может...

Автоматический секретарь сообщил, что рапорт не передан, так как директор срочно вылетел в Варшаву; секундомер показывал минуту и тридцать девять секунд. Ковальский напряженно смотрел на дверцу лифта.

Минута и сорок три секунды, сорок четыре, сорок пять... Группа уже запаздывает на несколько секунд. Ковальский вторично нажимает кнопку вызова. Двенадцать секунд... пятнадцать... двадцать... Инструкция не преду-

смаатривает каких-либо действий при таком опоздании, она просто не предвидит его. Что могло случиться? Раздумывать некогда: надо что-то предпринимать. Ковальский диктует сообщение главному инженеру и нажимает кнопку на щите. Раздвинувшаяся стена открыла пульт, на котором световые надписи указывали последовательность операций ручного контроля. Однажды Янек присутствовал при учебном контроле, поэтому он знал, что в серьезных случаях для диагностики нарушения используют мозг — человек последовательно подключает себя вместо одних узлов аппаратуры, проверяя таким образом исправность других.

Пять минут и двадцать секунд! Уже все должно было быть исправлено, а между тем технической группы до сих пор нет. Автоматический секретарь не подтвердил передачи рапорта главному инженеру. Правда, емкости предварительной памяти хватит еще на четыре минуты с секундами, а этого вполне достаточно для ликвидации аварии, если техническая группа явится в течение двух ближайших минут. А если не явится? Впрочем, это немислимо, как немислимо и ее опоздание, но последнее, увы, уже стало фактом.

Пять минут и пятьдесят девять секунд. Емкость предварительной памяти все уменьшается. Абоненты не получают информации уже шесть минут. По всей стране замерли вычислительные машины. Под угрозой оптимальная производительность предприятий, но десятиминутный перерыв в поступлении информации не принесет им больших потерь. Значительно хуже с транспортом...

Кончается восьмая минута! Янек, словно обреченный, смотрит на секундомер. На станциях, аэродромах и космодромах страны все громче воют сирены тревоги. Машины, управляющие подземным, наземным и воздушным транспортом, останавливают корабли и поезда. Никто

никуда не может попасть. Ничего куда нельзя доставить. Жизнь страны застыла...

Янек решительно надевает на голову шлем с электродами и подсоединяется к выводам на щите. Ни он, ни кто другой никогда не делал ничего подобного. Не известно, поможет ли это, как не известно и то, чем это грозит человеку. Может быть, мозг будет поврежден...

— Что ты чувствовал? — спрашивали Янека.

— Трудно сказать, трудно определить словами, — рассказывал он. — Все перемешалось. Я чувствовал сильную головную боль, утомление было большим, чем когда я готовился сразу к трем экзаменам. Где-то в подсознании — но это я понимаю только теперь — я чувствовал страх и паническое желание освободиться от электродов. В то же время я не мог ни на чем сосредоточиться. Словно кто-то думал за меня, точнее, принуждал меня мыслить. Тысячи вопросов, сотни тем. Казалось, что прошло несколько часов. Однако когда мне удалось открыть глаза, я поразился: стрелка секундомера передвинулась всего на несколько делений. Потом опять наступило отупение, но в то же время это было нечто совершенно противоположное интеллектуальной неподвижности. Состояние, в котором я находился, можно, пожалуй, сравнить с состоянием, когда сбегашь с крутой горы и ноги вынуждены двигаться быстрее, чем им это свойственно. Не помню, когда появились инженеры и как меня отключили от щита. Я пришел в себя уже на носилках среди людей в белых халатах...

Пресса не писала о случившемся. И, пожалуй, это правильно. В конце концов нарушение коснулось лишь внутренней работы фабрики информации. Автоматика управления повседневной жизнью страны обладает определенной инерционностью, которой оказалось достаточно, чтобы выдержать десятиминутный перерыв в поступле-

нии данных, а вот если бы он длился дольше... Случай Ковальского... Ну что ж, ведь есть множество случаев, о которых можно было бы писать. Я сам слышал о некоторых. Во время бурения тоннеля под Балтийским морем из стенок выработки произошел выброс каких-то ядовитых газов. Инженеры, управлявшие машиной, потеряли сознание. Нельзя было терять ни минуты. Некто Савицкий, не имея достаточной защиты, добрался до отравленных и спас их. А в Лодзи, например, случилась авария магнетогидродинамического генератора на городской электростанции. Инженер Борович, несмотря на строжайший запрет, ликвидировал ее, предотвратив многодневный простой. В результате он получил нагоняй за нарушение инструкции: никакая материальная потеря не оправдывает действий, связанных с опасностью для человеческой жизни. Борович и не ожидал награды. Он считал, что обязан так поступить.

В наше время нелегко стать героем. Может, именно потому, что люди просто выполняют свой долг, как сделал это Янек Ковальский.

ЗЕМЛЯ ЕГО ПРЕДКОВ

— Застегнуть ремни, — приказал автомат.

Я выполнил указание и посмотрел в окно. Уже четко вырисовывались очертания Земли. Я даже различал известные мне по атласам контуры материков. Было такое ощущение, будто я вижу все это не в первый раз. Впрочем, этого можно было ожидать. Об экскурсии на Землю я мечтал давно: собирал книги, путеводители, проспекты. Я столько раз всматривался в экран киноощущений, что, когда мечты стали действительностью, был совершенно обескуражен: стоило ли так долго лететь с Венеры, чтобы увидеть уже давно известное?

Тем временем пилот произвел маневр, утомительно описываемый во всех репортажах: изменил положение ракеты, включил тормозные двигатели и автопилот № 3. Теперь оставалось только ждать.

Мы пришвартовались к спутнику старого типа — большому правильному тороиду. Начались нудные формальности, санитарный и радиационный контроль. Потом оказалось, что стратоплан по каким-то там причинам опоздал. И только через два часа мы опустились на Старую планету.

Должен признаться, эту первую непосредственную встречу с Землей я представлял себе совершенно иначе. Я думал, что, овеваемый знаменитым полевым ветром, увижу кровавый заход солнца или сразу же отправлюсь в одинокое увлекательное странствование по — как они называются?... — улицам городов. Между тем планета приветствовала меня ярко освещенным современным за-

лом космодрома и услужливыми чиновниками, перекидывавшими меня друг другу, как мячик: «Ваша багажная квитанция?», «Где вы намерены остановиться?», «Вы заказали номер в отеле „Атлас“?», «Гарантируем полный комфорт», «Вы первый раз на Земле?»

— Да, — ответил я, немного растерявшись, хотел еще о чем-то спросить, но вдруг почувствовал, как меня всосало в террокар и осторожно притянуло к креслу. Рядом сидел землянин, возвращавшийся, как оказалось, из какой-то служебной командировки. Он на минуту выключил нивелятор ускорения и сказал:

— Вы в «Атлас»? Сейчас будем на месте. Уже тормозим.

Действительно, через минуту дверь открылась и меня выдуло наружу. Так прямо с межпланетной трассы меня переправили в один из наиболее известных отелей, не дав даже ступить на поверхность Земли. Горя нетерпением скорее познакомиться с планетой, я не считал возможным уклониться от формальностей, тем более что имел поручение весьма деликатного свойства. Честно говоря, я был далек от восторга, когда ко мне обратились с этим поручением, однако согласился, так как оно было связано с долгожданной поездкой на Землю.

Задумавшись, я не заметил, как подошла моя очередь. Работник отеля настойчиво повторил:

— Ваша комната 2-С-31. Ваши вещи будут туда продунуты. А вот ваша память... — и он подал мне что-то вроде легонького шлема, снабженного небольшими присосками. — Наденьте на голову, нажмите рычажок, и электроды включатся автоматически.

Видимо, решив, что я заколебался, он добавил:

— Это безопасно и безболезненно.

Оказавшись в своей комнате, я надел шлем, решительно нажал рычажок и принялся лихорадочно искать

то, что было мне поручено. Еще не зная устройства памяти, я пробегал всякого рода информацию, несомненно весьма интересную, но в данный момент мне совершенно ненужную. От сообщений об эпохе ликвидации войн я перескакивал к данным об использовании морских глубин, от предложений Земного бюро услуг — к списку заповедников. Настойчиво, как припев песенки, повторялись слова приветов: «Ты наш гость, которого мы ценим и уважаем. Мы хотели бы, чтобы пребывание на Старой планете было для тебя по возможности приятным. Сообщай нам обо всем, чего желаешь!»

Если бы я не был заранее предупрежден, то мог подумать, что они ответят мне на любой вопрос! А ведь никому из наших бесчисленных дипломатов и ученых, посещающих Землю, не удалось ничего узнать о тайне величайшего сокровища ее обитателей — о загадке счастья. В ответ на этот вопрос земляне только улыбались или говорили что-то весьма туманное и невразумительное. Они не скрывали от нас никаких технологических тайн, никаких новых открытий и изобретений, передали нам даже код развития своих организмов. Только одного мы не могли у них узнать — как программируется счастье. Все усилия наших ученых были бесплодными. Земляне, казалось, не проводили в этом направлении никаких научных работ, однако ухитрялись погружать себя в то удивительное, как нам представлялось, состояние, которое называется счастьем.

Мое увлечение Землей и несколько научных работ, посвященных традициям землян, по-видимому, обратили на меня внимание в авторитетных кругах, и мне решили поручить раскрытие этой земной тайны. Я не сразу принял предложение, хотя выполнение самого поручения не казалось мне особенно сложным. Земляне не передают информацию непосредственно мозгу, как это делается на

Венере; они пользуются дополнительно подключаемой искусственной памятью. Что может быть проще, чем внимательно покопаться в такой электронной памяти, найти нужную информацию и соответствующим образом интерпретировать ее...

Так мне казалось перед отлетом. Однако врученная мне администратором отеля память заставила меня попотеть. Старательно копаясь в информации, я напрасно потерял несколько часов и в конце концов решил соединиться с дирекцией. На экране появилось уже знакомое улыбающееся лицо:

— Что угодно?

— Прошу сменить мне памяти! — попросил я. — Эта недозаряжена.

Теперь лицо служащего выражало удивление, причем не без примеси сожаления.

— Памяти для космических гостей заряжаются специально расширенным объемом сведений и втроекратно проверяются.

— В таком случае прошу дать мне земную память. Моя просьба явно удивила служащего.

— Земных программ памяти чрезвычайно много. Опасаюсь, что в большинстве своем они не особенно интересны для туристов. Однако если вы этого желаете, мы доставим вам память, приготовленную для участников ежегодной конференции исследователей вымерших животных.

Следующие несколько часов я старательно считывал записанные в новой памяти рефераты о лошади, как тягловом животном, о неизвестных мне даже понаслышке животных, именуемых «блбхи» и живших, видимо, в ту же эпоху, что и мамонты. Когда наконец я добрался до информации организационного порядка и узнал, что будет подано к столу на торжественном обеде, я сдался: чтение следующих сообщений было пустой тратой вре-

мени. Следовало что-то предпринять, что-то решить..., но что?

После некоторого раздумья я пришел к выводу, что надо искать в памяти обыкновенного землянина, который благодаря постоянной жизни на Старой планете способен испытывать состояние счастья. Однако вряд ли первый встречный землянин одолжит свою память чужаку из космоса. Следовало с кем-нибудь познакомиться, познакомиться. Но как?

Рассчитывая на случайность, я вышел на улицу и тут же забыл о порученном мне деле.

Хотя наши датчики ощущений позволяли нам достаточно точно и технически безупречно представить себе земные города, непосредственное восприятие было совершенно другим. На Венере земное строительство казалось смешным, странным и устаревшим: стоит ли тратить драгоценную освещаемую солнцем поверхность планеты на сооружение жилищ, если их можно размещать под нею. На Земле же огромные и одновременно легкие здания, которые вращаются вокруг своей оси вслед за Солнцем, показались мне прекрасным решением. Я даже стал понимать, почему земляне не увлечены туризмом на Венеру. Для них, выросших под настоящими лучами солнца, наши подземные города с искусственным освещением должны были казаться гигантскими норами. Во всяком случае, меня уже не поражали подвижные тротуары, переполненные толпами пешеходов, подвешенные на рельсах вагончики городской дороги и все то, что до этого представлялось остатками прошлого.

Растерявшись от уличного оживления, я встал не на тот тротуар, и меня тут же сбросило на землю. Рядом потирала ушибленную руку девушка, с которой я так неожиданно столкнулся. Мы поднялись, укоризненно глядя друг на друга. Зная о вошедшей в поговорку га-

лантности землян, я старался подыскать слова извинения. Увы! Память участника конференции исследователей вымерших животных все время подсказывала мне выражения, меньше всего подходившие к данному моменту: «Мой глубокоуважаемый предшественник простит мне, если я...», «Любезный оппонент изволил забыть, что...» Окончательно отчаявшись, я произнес несколько подобных фраз. Это повергло девушку сначала в состояние непередаваемого изумления, а потом — неудержимого веселья. Почувствовав весь комизм положения, я неожиданно для себя тоже рассмеялся.

Так завязалось мое знакомство с Аней — самой прелестной землянкой, какую только мне приходилось встречать. Ее глаза были, как весеннее небо (отенок, известный только на Старой планете), волосы — цвета спелой пшеницы, которую, кстати, Аня не замедлила мне продемонстрировать, потащив на экскурсию в резервацию древних растений. Гордая своей планетой, Аня старалась показать мне как можно больше. Мы посетили старые города с узкими тенистыми ущельями улиц, вздымающимися многоэтажными домами и висячими садами — воплощением древней человеческой мечты; пролетели над обширными районами заводов-автоматов и опускались на дно океана, чтобы осмотреть подводные рудники, плантации и питомники. В расположенном где-то в Европе зоологическом саду я наконец собственными глазами увидел лошадей, собак и кошек, знакомых мне по рассказам прадеда.

Между прочим, эта экскурсия принесла мне особое удовлетворение. Используя специальную память исследователя вымерших животных, я блистал эрудицией, очень удивившей Аню. Вначале она не подавала виду, но любопытство — это ставшее поговоркой свойство женщин Земли — взяло верх. Она захотела сама прове-

рять информацию в используемой мною памяти. Разве можно отказать женщине? Нет! Я уже был во власти земных традиций!

Кончилось тем, что мы обменялись шлемами памяти. И как я сразу не сообразил, что мне представляется неповторимая возможность. Память землянки! То, о чем я мечтал, пришло совершенно неожиданно. Я начал лихорадочно перебирать записи. «Классики средневековья: Бальзак, Толстой, Хемингуэй...» Аня была филологом. Это облегчало положение. Я быстренько пролетел сквозь лабиринт специальной информации, чтобы добраться наконец до отдела повседневной жизни. Вот: „Обслуживание вибратора: 1) нажать кнопку с надписью «Калибрация»...“ Не то. Дальше! «Рецепт сырника по-старопольски: на килограмм творога взять десять яиц, полкилограмма сахара, пол-литра молока...» Нет, не то. Может быть, во временной памяти? «Спросить у Марыси, где она достала такой хорошенький гарнилон на платье...» Я покраснел: информация становилась слишком интимной, чтобы можно было читать дальше, не опасаясь совершить бестактность.

Аня обратила внимание на мое замешательство, но истолковала это по-своему.

— Тебя что-нибудь беспокоит? — спросила она. — Может быть, плохо чувствуешь себя в земном климате?

Этот вопрос помог мне выбраться из неловкого положения.

— Ничего особенного, — ответил я, — небольшая психическая депрессия, возможно, от того, что отсутствует профилактическое облучение, к которому я привык у себя на Венере. Достаточно лишить венерианина облучения, чтобы у него тут же появились признаки сомнений, экзальтации и других нарушений психического равновесия. Вы еще не ввели у себя подобных облучений?

— Нет, — вздохнула она. — Наши психологи утверждают, что надо пользоваться ПВН.

— А что это?

— ПВН, — сказала Аня, — это программа возбуждения настроений. О ней начали думать довольно давно, еще во времена так называемого «алкогольного наводнения», однако ввели только несколько лет назад.

Мы шли, держась за руки, и я неожиданно почувствовал, как мне это приятно.

— ПВН передается централизованно, через стационарные спутники, — продолжала она, а я, делая вид, будто внимательно слушаю, всматривался в ее тонкий, чистый профиль. — С помощью карманного приемника каждый может принять программу. В зависимости от того, какой род музыки и какие изображения выберешь, через несколько минут ты уже весел или серьезен, чувствуешь наплыв энергии или, наоборот, хочешь спать. Я всегда с утра настраиваюсь на отличное настроение и потом уже все время чувствую себя прекрасно. Может, что-нибудь принять и тебе? — спросила она, вынимая из сумочки маленькую плоскую коробочку.

— Настрой мне счастье.

Она удивленно подняла глаза. Я пояснил:

— Я слышал, на Земле, кажется, существует такое ощущение, но я совершенно его не представляю. Мне хочется хоть раз быть счастливым.

Она рассмеялась.

— О, это очень приятное ощущение, но ПВН не может его вызвать.

— А как же вы его создаете? — спросил я. — Химическим путем? Или, может быть, у вас есть какой-нибудь орган счастья?

— Счастье возникает в нас самих, — ответила Аня задумчиво,

— Вы программируете его одновременно с развитием организма?

— Нет... Во всяком случае я об этом не слышала, — ответила она, захваченная врасплох.

Не знала или тоже не хотела сказать? И вообще, программируется ли счастье?

Вот вопросы, над которыми я раздумывал на протяжении следующих дней и на которые так и не мог найти ответа. А тем временем мое пребывание на Земле подходило к концу. Надо было еще совершить несколько официальных визитов и проделать формальности, связанные с выездом.

Мы бродили по парку Природы.

— Сегодня наш прощальный вечер, Аня, — сказал я. — Через три дня отлет.

Она не ответила.

— Я очень рад, что добрый случай позволил мне узнать тебя. Пребывание на Земле не было б и в десятую долю таким интересным и приятным, если бы ни твое присутствие.

Я не в состоянии был сказать ей все, что хотелось бы. Мне казалось, что эти округлые фразы произносит кто-то посторонний, а совсем не я. Впервые в жизни в голове моей был полнейший сумбур, какая-то досада и предчувствие поджидающей меня пустоты. Возможно, это было вызвано длительным перерывом в облучении, иным климатом.

— Я хотела бы родиться венерианкой, — неожиданно сказала Аня.

— Но ваша земная жизнь мне кажется полнее и интереснее, — заметил я.

— Я хотела бы родиться венерианкой, чтобы не переживать всего того, что способны переживать на Земле. У вас гораздо проще... Чувствами полностью командуют

химия и физика. Синтетическая радость, синтетическая любовь... и только тогда, когда надо, и ровно в той мере, в какой надо.

Что она имела в виду? Откуда в ее словах взялась эта горечь? Неужели?.. Это было совершенно невероятно, но предположение, что я ей могу быть нужен, что она не хочет оставаться одна, доставило мне огромное удовольствие. Я чувствовал, что способен, подобно землянину, танцевать и петь, хотя никогда прежде не понимал, как можно делать что-либо подобное. Наверно, это было вызвано земной природой: неожиданно я заметил, что солнце светит очень ярко, а зелень деревьев и голубизна неба невероятно выразительны. Пахли цветы и травы, пели птицы.

Все это я прекрасно знал из производителей ощущений, однако даже в самых совершенных нуленейтронных производителях я не чувствовал себя так радостно, легко, весело, не желал всеми силами, чтобы мгновение длилось вечно. «Что со мной делается? — думал я. — Откуда это необыкновенное, неизвестное мне настроение?»

Что-то сверкнуло. Это солнце отразилось от стекол высокого, стройного небоскреба. Я отвернулся и увидел хлопотливую пчелу, кружившуюся вокруг головы девушки. Глаза Ани больше, чем когда-либо, отражали голубизну неба. Вдали блеснула ракета межконтинентальной связи. Доносились голоса играющих детей.

Так вот ты какая, прекраснейшая из всех своих сестер, самая старшая и одновременно вечно молодая, полная простоты в своих тайнах, колыбель цивилизации, мать человеческая — Земля моих предков!

БУТЫЛКА КОНЬЯКА

Мак Крайг-старший взглянул на нахала и спросил:

— Откуда вы взялись?

В его голосе не чувствовалось зла, скорее всего в нем было удивление, даже любопытство.

— Вы уговорили их или подкупили? Не поверю, чтобы вам удалось их обмануть.

Молодой человек пожал плечами:

— Ваши... сторожа нечувствительны, как камень, а если бы я располагал достаточной суммой для их подкупа, то не стал обращаться к вам. Я вошел через окно.

Мак Крайг рассмеялся.

— Через окно? В комнату, находящуюся на двенадцатом этаже небоскреба с гладкими стенами из стекла и алюминия?

Юноша молчал. В этом молчании было что-то заставившее Мак Крайга еще раз взглянуть на непрошеного гостя. По сути дела то, что кто-то может прорваться сквозь кордон агентов охраны, казалось ему столь же невероятным, как и проникновение через окно. Однако юноша стоял перед ним. А поскольку Мак Крайг не верил в сверхъестественные силы, он был склонен лишиться некоторой суммы ради того, чтобы раскрыть загадку.

— Как вы сюда попали? Даю сто долларов за идею. Гарольд!

В дверях смежной комнаты появился молчаливый Мак Крайг-младший.

— Выпиши чек на сто долларов.

— Не надо. Достаточно, если вы уделите мне десять

минут,— юноша без приглашения уселся в кресло и положил на колени пухлую картонную папку.

— Вы не отвечали на мои письма и телефонные звонки... — начал он.

— Это, вероятно, не имеет отношения к делу? — прервал Мак Крайг-старший.

— Представьте себе, что имеет, — спокойно возразил юноша.— Я хотел лично вам предложить изобретение, которое может сыграть важную роль в развитии цивилизации...

Мак Крайг-старший, привыкший к подобным предложениям, коротко сказал:

— Хорошо — что это за изобретение?

— Таблетки... антигравитационные таблетки, — сказал юноша.— Приняв такую таблетку, человек уже не подчиняется силе притяжения Земли, ему достаточно легчайшего толчка, чтобы оказаться на значительной высоте. Есть такой вид спорта — джумпинг. Он основан на уравнивании веса тела шаром, наполненным газом. Человек, подвешенный к такому шару, словно получает семимильные сапоги. Так вот одна моя таблетка без всяких хлопот открывает перед вами гораздо большие возможности.

Он на минуту замолчал, а Мак Крайг-младший, до сих пор только слушавший, спросил:

— Не понимаю... вы собираетесь свести спорт к глотанию пилуль?

Юноша обиделся:

— Мои таблетки имеют колоссальное практическое значение! Перемещение в пространстве без помощи каких-либо аппаратов решит транспортные проблемы в болотистых и горных районах. Станет рентабельной разработка труднодоступных месторождений. Значительно облегчится вербовка рабочих на некоторые предприятия,

поскольку отпадут заботы с доставкой. Я мог бы привести вам тысячи примеров, но ограничусь еще одним: таблетки будут особенно полезны для тренировки космонавтов, отправляющихся на Луну.

— А не могли бы вы сказать, мистер... — начал Мак Крайг-младший.

— Моя фамилия Форнсуорн.

— Я просто хотел бы узнать: человек, проглотивший пилюлю, заболевает, простите мне подобное выражение, невесомостью на всю жизнь или время действия ваших пилюль ограничено?

— Увы, ограничено, — признался Форнсуорн, — но при массовом производстве стоимость таблеток будет настолько мала, что даже их частое употребление не составит финансовой проблемы.

— Я боюсь не этого, — сказал Мак Крайг-младший, — а последствий потери невесомости человеком, который оказался на высоте, скажем, двадцати метров. Падение с такой высоты — верная смерть; это было бы не очень удачной рекламой для нашей фирмы.

— О, можете быть совершенно спокойны! Переход из состояния невесомости происходит постепенно — человек плавно снижается и мягко опускается на землю.

— Хорошо, а не можете ли вы продемонстрировать действие вашей пилюли?

— Но ведь я попал сюда, воспользовавшись одной из них, — сказал Форнсуорн. — Я оттолкнулся достаточно сильно, а оказавшись напротив окна, ухватился за раму. К счастью, окно было раскрыто, так что войти в комнату уже не составило труда.

— Вы запатентовали свое изобретение? — спросил Мак Крайг-младший.

— Увы, у меня нет денег для оплаты патента. Опыты съели все. Я вынужден продать изобретение. Надеюсь,

что представляемый вами концерн «Дженерал Обструкшн» во имя интересов человечества и фирмы...

— Мистер Форнсуорн, — прервал Мак Крайг-старший, — я хотел бы увидеть, как действуют антигравитационные таблетки.

Форнсуорн смутился:

— К сожалению, из-за материальных затруднений и высокой стоимости опытной продукции я сделал всего две таблетки. Одну я использовал для того, чтобы попасть к вам, а вторую...

Он начал шарить по карманам, наконец в отчаянии сказал:

— Именно этого я боялся: я оставил ее в лаборатории. Но если вы хотите, то я сейчас...

— Не надо! — прервал его Мак Крайг-старший.

— Но здесь, — Форнсуорн хлопнул ладонью по папке, — теоретические выкладки и описание технологического процесса. Правда, у меня не было денег на перепечатку, но если бы вы пожелали с этим ознакомиться... Конечно, этого недостаточно для получения патента, но я могу в любой момент...

— Не надо, — Мак Крайг-младший повторил слова отца. Однако тот с некоторым интересом спросил:

— Сколько вы хотите за свое изобретение?

— Миллион... полмиллиона? — Форнсуорн вопросительно взглянул на него. — Изобретение стоит гораздо больше, но я в затруднительном положении.

— Я дам вам за эту папку десять тысяч долларов.

— Да вы смеетесь! — возмутился изобретатель.

— Послушайте, Форнсуорн. Вы сами сказали — того, что в этой папке, недостаточно для патентной заявки. Я не могу наскрести из этого и доллара, а вам плачу десять тысяч. Прежде чем мои люди реализуют ваши бумаги, вы, имея деньги, без труда получите патент. Что

вы с ним сделаете — ваше дело. Хотя нет, вы должны выкупить патент, но деньги я дам при условии, что позже вы обратитесь к Бульверу из «Спойлерс энд компани». Согласны?

— Это же ваши конкуренты!

— Это уж мое дело. Согласны?

Форнсуорн протянул папку.

— Мальчик мой, выпиши чек на десять тысяч, — Мак Крайг нажал кнопку звонка.

— Вот чек, — сказал Мак Крайг-младший, — учитывая все, мистер Форнсуорн должен поставить тебе рюмку коньяку.

— Целую бутылку! — пообещал изобретатель.

В кабинет вошел начальник охраны.

— Мистер Барнер, — обратился к нему Мак Крайг-старший, голос которого теперь не обещал ничего хорошего, — вы проводите нашего гостя и вернетесь сюда. Я хочу вам кое-что сказать.

Мак Крайги ждали возвращения Барнера.

— Отец, ты действительно веришь в изобретение этого парня? Думаешь, папка стоит десяти тысяч?

— Мой мальчик, я заплатил эту сумму, чтобы доказать Барнеру, что он даром ест хлеб. Теперь он вывернется наизнанку, чтобы реабилитироваться, а мне именно этого и надо. А антигравитационные таблетки... — Мак Крайг-старший встал, как бы взвешивая в руке полученную от Форнсуорна папку, и, выйдя из-за стола, бросил ее в горящий камин. — Этот тип — обычный мошен...

Его прервал стук в окно. Оба Мак Крайга обернулись. За стеклом с бутылкой коньяка в протянутой руке висел в воздухе Форнсуорн.

КАБИНЕТ БЕЗУПРЕЧНОЙ КРАСОТЫ

— Что ж, кое-что за это время у меня изменилось, — вздохнул он.

Такое начало не очень обнадеживало. И не удивительно: в конце концов это была самая обычная встреча людей, не видевшихся много лет. Выглядело все совершенно банально: какое-то кафе, взаимные похлопывания по плечу, «как дела, старик?», «да ты совсем не изменился!» и, наконец, неуклюжие попытки в двух словах рассказать о большом отрезке жизни, попытки, сводящиеся, как правило, к тому, что тот продвинулся по службе, а этот женился.

— Знаешь, я женился, — сказал он.

Ну, а сейчас он скажет, что у него двое детей и шеф к нему придирается!

— Ты, наверно, помнишь, что я был в меру симпатичным, достаточно бесцеремонным и весьма избалованным вниманием женщин. Может, поэтому я и не особенно торопился обзавестись семьей и, окончив институт, решил немного покопаться в науке. В то время молекулярная биология делала свои первые шаги, эта область меня заинтересовала, я оборудовал себе частную лабораторию, довольно, впрочем, скромную, и взялся за исследования... Кельнер! Ромовую бабу! Понимаешь, жена не позволяет мне есть мучное — боится, что я чересчур располнею!

Отступление было довольно неожиданным, но я слушал дальше.

— У тебя другая специальность и другие интересы,

так что не стану надоедать тебе подробностями; важно одно: я выбрал совершенно иное направление исследований, нежели мои коллеги. Они занялись вопросами генетики, а я — возможностью воздействия на уже существующие полные сил организмы. И мне повезло — совершенно неожиданно повезло! Я нашел метод, позволяющий в короткие сроки тормозить или стимулировать развитие тканей живого организма. Причем если ожиревшего человека заставить худеть, то, потеряв в весе полсотни килограммов за несколько недель, он рискует жизнью. А мой метод позволяет полнеть или же, наоборот, худеть абсолютно без всякого вреда для здоровья пациента. Но и это еще не все: я научился вызывать сжатие старческой кожи и делать ее эластичной, тормозить или ускорять рост отдельных костей без хирургического вмешательства, быстро и безболезненно. Уверяю тебя, если бы я остановился на этом и опубликовал результаты своих исследований, то, конечно, получил бы Нобелевскую премию. Но я, — он вздохнул, — я пошел дальше...

Он занялся ромовой бабой, а я усиленно перебирал в памяти все прочитанное когда-либо об открытиях, сделавших переворот в науке. Однако ни одно открытие, насколько я мог припомнить, не было связано с именем моего приятеля.

— Я решил, — сказал он, проглотив последний кусок, — моделировать живые организмы, исправлять природу. Что мне стоило укоротить чересчур длинный нос или сгладить слишком выступающие скулы! Ведь уже первые опыты на животных доказали, что живой материал в моих руках — то же, что глина в руках скульптора. Тогда я отважился «прикоснуться резцом» к человеку. Это оказалось непросто. Трудности, с которыми я столкнулся, были не столько научного, сколько организацион-

ного характера. У меня почти не было практики в области пластической хирургии (впрочем, мой метод не имел ничего общего с хирургией), кроме того, я не хотел раньше времени поднимать шум. К счастью, у меня были деньги, поэтому я просто-напросто решил выплачивать некоторое вознаграждение за согласие на процедуры. Но и это не помогло.

В качестве модели — или, вернее, объекта — я взял девушку из какого-то богом забытого закутка. У нее было лицо прямо-таки первобытного человека: низкий скошенный лоб, почти полное отсутствие подбородка, торчащий нос, кривые и большие зубы. Я сделал ей лицо, ну, среднее, обычное, но не безобразное. И что ты думаешь: она взглянула в зеркало и... разревелась! Она почувствовала, что потеряла свою индивидуальность, стала такой, как другие. Пришлось возвращать ей первоначальный вид.

После этого я пришел к выводу, что еще не настала пора практического применения моего метода — мало уничтожить безобразие, надо еще придать каждой пациентке яркую индивидуальность. Однако, чтобы добиться этого, нужно было поработать!

Я не особенно полагался на собственный вкус и использовал последние достижения кибернетики и биологии, сконструировав специальную электронную машину для программирования красоты. Чтобы выработать определенные критерии, я ввел в нее репродукции скульптур и женских портретов, созданных величайшими мастерами различных эпох: от Венеры Милосской, «Мадонны» Боттичелли, разумеется, Джоконды, «Махи обнаженной» Гойи до шедевров более поздних художников. Пикассо и его учеников я избегал, чтобы не наделить кого-либо из пациентов носом на щеке.

Короче говоря, все было готово, чтобы приступить к

делу. Мои приборы гарантировали достижение безупречной неповторимой красоты форм и черт, красоты голоса и взгляда! Теперь я мог рассчитывать на успех моего метода, на славу, известность... и деньги. Но, поверь, я стремился не только к этому: я жаждал сделать прекраснее весь род человеческий, помочь десяткам миллионов людей избавиться от омрачающих их жизнь комплексов. Теперь требовалось экспериментально подтвердить, что вызванные изменения со временем не стираются. Необходимо было «переформировать» первую пациентку и затем хотя бы в течение трех месяцев понаблюдать за ней. Но где ее найти?

Помог случай. Однажды вечером, возвращаясь пешком домой, я вытащил почти из-под колес автомобиля девушку. Это было достойное сожаления существо, казалось, она совмещала в себе все возможные физические недостатки: была горбата, толста, кривонога и на редкость безобразна. Девушка плакала и вырывалась. Когда мне удалось наконец ее немного успокоить, я узнал, что беднягу бросил парень, бросил ради другой... Ей не помогло ни то, что она окончила философский факультет, ни то, что знала на память сотни лирических стихов. Она не могла примириться с мыслью, что мир любви для нее закрыт, поэтому решила покончить с собой.

Не стану тебе рассказывать, как мне удалось ее уговорить принять участие в моем эпохальном опыте; важно одно: она согласилась. С дрожью в сердце я приступил к эксперименту... Он длился несколько дней, которые показались мне вечностью... Но результат — результат поразил меня самого!

Моя маленькая уродка превратилась в образец идеальной красоты. Ни одна ее черта не подлежала критике. Я, ее создатель, был обезоружен. Она, потрясенная, счастливая и не верящая собственным глазам, не отсту-

пала от меня ни на шаг, словно опасаясь, что чары развеются.

Это меня устраивало: я мог постоянно наблюдать за своим первым «произведением». Ежедневно я подробнейшим образом записывал результаты наблюдений и сравнивал их. Чем больше проходило времени, тем больше я убеждался в устойчивости внесенных изменений. Как ученый я имел право быть довольным. Но как человек...

Ее первые шаги в новом воплощении были очень робкими, но постепенно она становилась все увереннее, перестала избегать людей... А я, ловя восхищенные взгляды мужчин, начал страдать. Я узнал, что такое сомнения и ревность. Я просто влюбился в нее и боялся, что потеряю. Трехмесячный срок подходил к концу, и я понял, что единственный способ удержать ее — это объяснить.

— Что ты и сделал, — вставил я.

— Что я и сделал. И мое признание было принято благосклонно. У нас двое чудесных ребятишек. Она заботится обо мне — следит, чтобы я не располнел.

Он искоса взглянул на тарелку с крошками от румовой бабы и добавил:

— Я был бы совершенно счастлив, если бы не отвратительные условия на работе. Шеф ко мне придирается.

— Не понимаю... У тебя есть шеф? А как же твой кабинет безупречной красоты?

— Все пришлось уничтожить. Только с таким условием она и вышла за меня. Неужели ты хоть на минуту мог предположить, что даже красивейшая в мире женщина способна примириться с мыслью о соперницах?..

КРЫЛЫШКО ГЕРМЕСА

Он рассказал мне это на корабле, плывшем из Пирея на Кипр. Не знаю, что его побудило к откровенности, не знаю даже, все ли я правильно понял. Как и большинство греков, он говорил по-английски с характерным акцентом, выговаривая «ш» вместо «с», и, не задумываясь, употреблял греческие слова везде, где ему не хватало английских. Можете представить, что это была за мешанина!

Вот что мне удалось из нее уловить.

Параксипулосу было двадцать шесть лет, когда он получил должность гида в Акрополе. Он бегло говорил по-французски, рожденный и воспитанный в Афинах, знал в Акрополе каждый камень, и, кроме того, достаточно хорошо владел предметом. Впрочем — о Зевс! — разве обязательно много знать. Всем туристам повторяешь одно и то же, даже теми же словами: «...прошу обратить внимание на колонны. Видите разницу между ионическим и дорическим стилем?.. Да, это Пропилеи, слева мы видим Эрехтейон с характерными фигурами кариатид, справа Парфенон, сейчас я расскажу вам о нем подробнее. Отсюда открывается изумительный вид на Афины, вон там холм Ликабетт, на котором возвышается...».

Основную массу туристов составляли американцы и скандинавы, которых по городу водили гиды из «Chat Tours». Немало было и французов, итальянцев, а также людей, национальность которых сразу не определишь. Обычно туристы спешили, поглядывая на часы: про-

грамма отводила на Акрополь лишь два часа, затем их ожидал обед в таверне «Звуки и свет» и старательно отрежиссированная «Ночная жизнь города». Бывали, конечно, иногда отклонения, но невероятное событие случилось только однажды.

Параксипулос в тот день замещал коллегу, которого семейные дела вызвали на Корфу. Он устал — с утра на него свалились три группы туристов из Франции и одна экскурсия итальянских студентов. «У вас клиент. Один человек». Он обрадовался, такие были редкостью, они больше расспрашивали, поэтому меньше надо было говорить самому. Но этот пожилой человек с морщинистым лицом, молчаливый и задумчивый, был каким-то особенным. Параксипулос говорил, но лицо гостя не отражало никаких признаков заинтересованности.

— Вы меня понимаете? — спросил он наконец.

— Да, отлично, продолжайте, пожалуйста.

Параксипулос продолжал:

— Если спуститься вниз вон по той тропинке, можно дойти до узилища Сократа...

— Вы ошибаетесь, Сократ там не жил, — прервал клиент.

— Но так утверждают научные светила, месье.

— И они ошибаются, — брезгливо ответил иностранец.

— Вы тоже профессор, месье?

Слово «тоже» было произнесено так, чтобы турист почувствовал, что даже его предполагаемое ученое звание не дает ему патента на большую безгрешность, нежели его коллегам. Ответ был поразительным:

— Нет. Просто я здесь в то время жил.

Не похоже было, что клиент шутит. Параксипулосу стало не по себе, однако он решил продолжить лекцию:

— Там, внизу, расположен вход в «Звуки и свет».

Открывающееся оттуда зрелище позволит вам ощутить дух древности...

— Я же сказал, что жил здесь в то время, — прервал незнакомец.

— Ах, вы, вероятно, верите в перевоплощение душ!

— Глупости! — поморщился клиент. — Причем здесь перевоплощение?

Он осмотрелся и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжил:

— Я не хочу никаких сенсаций, но скажу вам, что именно меня в древности называли Гермесом, посланцем богов. Это я помогал вашим предкам транспортировать материалы при строительстве Парфенона...

Видя смущение на лице Параксипулоса, незнакомец протянул руку к большой мраморной плите.

— Не правда ли, этот камень весит не меньше тонны?

— Думаю, да, — согласился гид.

— Смотрите!

Незнакомец буквально повел пальцем, и плита послушно передвинулась на несколько метров. Параксипулос протер глаза... Сомнений не было: мраморная глыба была сдвинута с места, где пролежала многие столетия. Параксипулос вскрикнул и бросился бежать. Он большими прыжками промчался по ступеням мимо изумленных туристов, свернул влево и по тропинке добрался до Пропилей.

— Куда спешишь? — спросил сторож. — Если тебе еще что-то нужно от своего клиента, ты опоздал: он ушел несколько минут назад.

Параксипулос неровным шагом проследовал до служебного помещения и, сославшись на сильную головную боль, отправился домой.

Было уже совсем темно, когда он немного пришел в себя. Несомненно, вся история со странным туристом ему

привиделась. Игра воображения. Порой у всех пошаливают нервы. Надо будет сходить к врачу, может, даже на неделю выехать в деревню. Он встал с кровати, зажег свет... Опять галлюцинация?

В кресле сидел его сегодняшний клиент.

— Вы? Как вы меня нашли? Как сюда попали?

Только выпалив это, он сообразил, что говорит по-гречески. Нежданный гость ответил на том же языке:

— Я хочу, чтобы вы сопровождали меня в прогулке по сегодняшним Афинам. Мне необходимо побеседовать с современным человеком.

— Но как вы сюда попали? Ведь дверь была закрыта.

— Это мелочь, не забывайте, что я не человек и могу без труда проникать сквозь ваши стены.

Он встал с кресла, подошел к стене и просунул сквозь нее руку.

Параксипулос отер пот. Прежде чем он успел спрятать платок в карман, незнакомец опять оказался в кресле.

— Разумеется, я мог бы вас принудить, но я просто прошу вас, чтобы вы пошли со мной. Согласны?

Параксипулоса хватило только на то, чтобы кивнуть.

С площади Омония они вышли на улицу Стадиу и направились к дворцу Конституции, молча пробираясь сквозь шумную толпу гуляющих, которые, как обычно в теплые вечера, заполняли эту оживленную, освещенную неонов улицу. Миновали могилу Неизвестного солдата; на перекрестке пришлось остановиться — путь преградил тройной поток автомобилей. Однако Гермес, не обращая внимания на светофор, ступил на проезжую часть улицы. Параксипулос успел заметить изумленное лицо водителя большого такси, который уже видел неизбежность несчастного случая и...

Того, что должно было произойти, не случилось. Бли-

жайшие автомобили резко затормозили, давая Гермесу дорогу; казалось, их остановила какая-то невидимая могучая рука. Водители выскакивали из машин, оживленно жестикулируя и пытаясь разобраться в случившемся. Однако прежде чем прибывшая полиция смогла навести порядок на перекрестке, Гермес и его спутник направились к старому району Плаки.

Здесь не было, как в центре, ярких реклам, но жизнь шла не менее оживленная. Торговцы, вывесив товар прямо на улице, стояли или сидели на порогах лавок в ожидании покупателей. Зеленщики громкими голосами расхваливали свои фрукты. Люди с лотками предлагали лотерейные билеты, веерами прикрепленные к длинным шестам. В кафе и тавернах с широко раскрытыми на улицу дверьми завсегдатаи, попивая вино и кофе, играли в кости, камни. Еще выше в сторону Акрополя, в районе старых домов, посреди узких улочек играли дети, сплетничали соседки, на балкончиках сушилось белье.

Гермес останавливался, осматриваясь по сторонам, раздумывал, видимо вспоминая прошлое и сравнивая с настоящим. Параксипулос тоже размышлял, пытаясь понять невероятные явления, невольным свидетелем которых он стал. Разумеется, странный клиент заслуживал уважения, коль ухитрился совершать такое, что, казалось, превышало человеческие возможности. Сам он, Параксипулос, пожалуй, был нормальным, так как случившемуся на перекрестке было много свидетелей. По тем же соображениям следовало исключить вероятность гипноза. Если так, то либо все ему снится, либо... Он сильно ущипнул себе щеку. Стало больно. Значит — не сон.

Они повернули в сторону Ликабетта и по серпантину ступеней поднялись до самого храма. Отсюда открывался изумительный вид на залитую тысячами огней столи-

ду. Только теперь Параксипулос осмелился заговорить:

— Прошу вас, не сочтите это за признак дурного воспитания, но меня с детства приучили к тому, что верования наших предков — миф. Лишь теперь я убедился, что боги действительно существовали.

— Боги? О каких богах вы говорите?

Параксипулос на минуту онемел.

— Ну... об олимпийцах, о Зевсе, Гере, многих других... о Гефесте, о вас, месье Гермес.

Гермес рассмеялся.

— Не кидайтесь из одной крайности в другую. Мы не боги. Мы живые существа, такие же, как и вы, люди.

Параксипулос вздохнул. Это было выше его понимания. Все-таки придется пойти к врачу...

— Но мы не с Земли, и вообще не из вашей солнечной системы, — продолжал Гермес. — Мы заселяем несколько планет, обращающихся вокруг звезды, которую вы называете тау Кита.

— Тау Кита... — повторил Параксипулос: он имел весьма туманное представление об астрономии.

— Эта звезда находится на расстоянии одиннадцати световых лет от Солнца, — нетерпеливо сказал Гермес. — Впрочем, мы там поселились сравнительно недавно — несколько десятков тысяч наших поколений назад. Вы, разумеется, не слышали о кочующих цивилизациях? Нет, откуда вам слышать: по космическим масштабам ваша цивилизация юна и вы еще долго сможете жить в своей солнечной системе, пока условия в ней не изменятся настолько, что людям придется искать другое место во Вселенной, иначе они погибнут. Впрочем, вы цивилизация слабообразованная, но энергичная. Я думаю, больше того, я убежден, что прежде чем возникнет необходимость покинуть солнечную систему, вы будете к этому полностью подготовлены. Нам тоже... — он замолчал.

— Прошу закончить вашу мысль, — попросил Параксипулос.

— Нам тоже пришлось в свое время искать другую систему. Между прочим, именно поэтому мы обратили внимание на Солнце. Сюда прибыла группа, в которой был и я... Это случилось примерно три тысячи ваших лет назад. Вы в то время были уже существами разумными, но еще более примитивными, чем сейчас. Земля показалась нам весьма перспективной планетой. Конечно, мы могли с легкостью вас уничтожить, но это противоречило нашим правилам, могли предоставить собственной судьбе, но это не соответствовало нашим интересам. Поэтому мы некоторое время оставались на Земле, вначале наблюдая и изучая, а затем немного помогая вам. Вот и все.

Наступило молчание, нарушаемое стрекотаньем цикад и долетающим издали шумом большого города. Параксипулос задумался, потом спросил:

— Вы говорите, что прибыли сюда три тысячи лет назад. Значит, все-таки правы были наши предки, утверждая, что вы познали секрет бессмертия?

— Поденка живет день, люди — десятки лет. Если бы поденки были разумными существами, они считали бы вас, людей, бессмертными. Поколение каждого вида живых существ имеет свой средний срок жизни. Продолжительность нашей жизни составляет примерно десять-пятнадцать ваших тысячелетий. В тот период, когда мы находились на Земле, ваши предки редко доживали до тридцати лет. Сорокалетний мужчина считался почтенным старцем. Вы никогда не ели досыта, вас мучили болезни... Стыдно признаться, мы навлекли на вас столько бедствий... То, что для нас было безопасным, для вас оказалось смертельным...

— Ящик Пандоры! — воскликнул Параксипулос.

— Да, ящик Пандоры. У вас одно поколение сменялось другим, а мы жили, не изменяясь. Вы были для нас однодневками, мы для вас — бессмертными богами.

— Ящик Пандоры... — еще раз задумчиво повторил Параксипулос. — Это значит, что наши мифы отражают давно прошедшие, но реальные события.

— Отражают события, искаженные невежеством и фантазией ваших предков.

— Почему вы прибыли именно к нам, грекам? — спросил Параксипулос.

— Но ведь надо же было где-то остановиться. Однако мы бывали и в других местах. Это мы помогали ставить статуи на острове Пасхи. Не хвалясь, скажу, что я сам принимал в этом участие, как и в строительстве Колосса Родосского.

Беседуя, они направились к улице Лукиана.

— И долго вы были на Земле?

— Несколько сотен лет. Потом в нашей группе началось то, что бывает и у вас: распри, склоки. Вы оказались жертвой. Мы восстанавливали вас друг против друга...

— Значит, прав был старик Гомер!

— Прав, — согласился Гермес. — Но это противоречило нашим правилам, поэтому спустя некоторое время мы вынуждены были покинуть Землю, хотя нам здесь было очень хорошо, а я лично не видел более прекрасной планеты. Однако лишь теперь мне разрешили побывать здесь...

— Вы прибыли один или вместе с другими богами..., я хотел сказать, с вашими друзьями?

— Один. Зевс уже умер, впрочем недавно — лет семьсот назад. Гера в страшном отчаянии. Афина Паллада... не хочу показаться нетактичным, но у нее какие-то семейные неурядицы... Должен сказать, она наконец вышла замуж. Арес не получил разрешения на проезд. Наши

власти считают, что у людей и без него забот хватает. Гефест сейчас пытается запатентовать новое изобретение, а у нас с этим всегда волокита. Вот и получилось, что у каждого какие-то свои заботы, поэтому я вырвался один.

— Как же вы сюда прибыли? Ведь нас разделяет огромное расстояние?

— Ах, это мелочь, средствами перемещения в космосе со скоростью, близкой к скорости света, мы овладели давно. Не забывайте, мы представители значительно более древней, чем ваша, и более развитой цивилизации. Наши необъяснимые для вас возможности, отражение которых можно найти в мифах и проявление которых так удивило вас сегодня, не содержат в себе ничего сверхъестественного; это просто свидетельство того, что мы лучше вас poznali законы природы и полнее научились их использовать. Впрочем, не стану посвящать вас в подробности, это еще более бессмысленно, чем раскрытие секрета радиосвязи человеку, вырванному из мрака вашего средневековья. Я только скажу, что мы можем — это покажется вам невероятным — изменять свой облик. Вид современного человека я принял, разумеется, лишь затем, чтобы не обращать на себя внимания. Раньше, как вы знаете, я выглядел иначе.

— А не можете ли вы хотя бы на мгновение принять прежний облик?

— Ну, разумеется, охотно! — воскликнул Гермес и тут же на глазах потрясенного гида превратился в высокого, прекрасно сложенного юношу в набедренной повязке, сандалиях и шлеме. Он снял шлем и, отломив одно из украшавших его крылышек, вручил Параксипулосу.

— Возьмите это на память... и в благодарность за то, что вы сопровождали меня сегодня.

Параксипулос хотел ответить, но юноша исчез.

В этот момент на корабле кто-то крикнул: «Родос!» И действительно, с правой стороны появился гористый, хотя и не очень высокий остров, покрытый как бы запыленной зеленью. Спустя несколько минут стал виден плоский мыс, а за ним город: маленькие домики и несколько современных строений, разбросанных словно изюмины в тесте, видимо административные здания и отели. На пляже были видны маленькие, словно муравьи, фигурки людей и множество цветных зонтов. Вода в заливе отличалась по цвету от ультрамаринового моря. Вдали от берега среди строений возвышался бастион, сохранившийся, наверно, еще с турецких времен; немного выше, дальше от моря, вздымалась квадратная цитадель.

Пассажиры бросились к борту — щелкали фотоаппараты, трещали кинокамеры. Параксипулос, воспользовавшись тем, что никто не обращал на нас ни малейшего внимания, вынул из кармана небольшую коробочку и, открыв ее, показал мне мастерски отлитое из серебра крылышко размером с детскую ладонь. Изумительно тонкая работа напоминала изделия, которые удивляли меня в антикварных магазинчиках на улице Ифест.

ТРЕТЬЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Виноват я. Только я. Я обязан был предвидеть возможность несчастного случая. Помощи ждать не от кого. Никто меня не найдет в этой ловушке.

Я сам попал в такое идиотское, безнадежное положение. Как бы я ни пытался оправдаться, как бы ни старался убедить себя, что именно Ортен спровоцировал меня на этот безумный шаг, — все равно я знаю, что только сам виноват в случившемся.

Глупо и безвыходно. Собственными силами мне отсюда не выбраться. Попался, как муха на клей.

Все же никто умышленно не расставлял мне западни. Это исключено. Просто случайность. Они вообще перестали мною интересоваться. И это самое ужасное, так как практически означает смертный приговор.

Я не рассчитываю на помощь с базы. К чему обольщаться. Правда, порой случается и не такое, но в данном случае... Кислорода осталось едва на пять часов...

Я решил продиктовать на ленту все, что передумал. Времени у меня мало, а хотелось бы оставить после себя какой-то след. Тот, кто когда-нибудь отыщет мое заключенное в коконе скафандра тело, узнает, что произошло в действительности...

Все началось со злополучной стычки с Ортенем, после того как анализатор впервые вычертил кривую Кроненберга — Грибова. Но кто мог тогда предположить, что существует еще и третья возможность?..

Кислорода осталось на пять часов...

Чем больше я думаю о своем положении, тем меньше верю, что кто-то найдет эту запись. Нет, я неточно выразился: не кто-то вообще, а кто-нибудь из людей! Но ведь есть еще ОНИ! А может быть, ОН? Тот, кто связался с нами? Конечно, ему не все будет ясно, но, быть может, благодаря этой ленте ОН легче поймет разницу между нами и вицинианами... Словом, надо по возможности яснее, в хронологическом порядке изложить важнейшие факты.

С момента прибытия нашей экспедиции в систему 70 А Змееносца по земному счету прошло пятьдесят три дня, а по вицинианскому календарю — сто семьдесят шесть дней. О существовании Вицинии мы — жители солнечной системы — знаем уже почти сто двадцать лет. Вицинианская цивилизация — первая внесолнечная цивилизация, с которой удалось установить межзвездную связь.

Через тридцать три года после того, как с помощью самого большого в то время радиотелескопа мы послали стандартную серию сигналов в направлении двадцати шести звезд, пришел ответ из системы 70 Змееносца. Он содержал повторение нашей серии, а кроме того, ряд чисел, которые без труда были расшифрованы, как периодическая система элементов. Вслед за этим мы получили «подарок»: нам сообщили изотопный состав внешних слоев атмосферы Солнца и такие же данные о звезде А двойной системы 70 Змееносца. Далее, как можно было догадаться, шли серии чисел, относящихся к строению атмосферы планеты, с которой были переданы сигналы, а также к минералогическому составу ее поверхности и недр. Правда, некоторые группы сигналов расшифровать не удалось.

В ответ наши отцы передали на таинственную планету данные, касающиеся Солнца и Земли, а также «пред-

ложение» перейти на передачу двумерных изображений, разлагая их на светлые и темные точки. Серии подвижных и неподвижных рисунков и снимков должны были помочь нашим «межзвездным собеседникам» познакомиться в основных чертах с жизнью и цивилизацией обитателей Земли.

Мне было два года, когда пришел ответ. Жители планеты Вициния — так ее называли наши предки — еще раз продемонстрировали высокую сообразительность, расшифровав наш метод визуальной связи, и на той же основе передали изображение своего мира.

Таким образом, когда наша межзвездная экспедиция отправлялась в путь, о Вицинии и ее обитателях мы знали уже немало, и, казалось, каких-либо принципиальных неожиданностей, коренным образом изменяющих наши представления, ожидать не приходится. Эта уверенность подкреплялась еще и тем, что, несмотря на отсутствие биологического сходства, существовали значительные совпадения в функционировании форм развития цивилизации. Разумеется, это была цивилизация, совершенно отличная от человеческой, к тому же трудно оценить степень совпадений и отличий, основываясь лишь на телевизионных изображениях. Тем не менее казалось несомненным, что основные закономерности у наших двух миров одинаковы.

Это не значит, что картина Вицинии, переданная с помощью электромагнитных волн, не была лишена серьезных пробелов и неясностей. Так, например, казался по меньшей мере странным разрыв между высоким уровнем развития техники, промышленности и поразительно низким материальным уровнем жизни обитателей планеты. Оставался открытым и вопрос об искусстве в вицинианском обществе. Правда, трудно было делать какие-либо предположения относительно литературы или музыки,

поскольку не было известно даже, имеют ли вициниане подобие звуковой речи. Высказывались предположения, что можно будет выявить некоторые элементы пластической гармонии, изучая принятые изображения. Однако ничего подобного обнаружить не удалось, если не считать урбанистического оформления больших промышленных комплексов. Но это еще ни о чем не говорило: ведь гармония свойственна внутреннему устройству и пчелиного улья...

Нашлись люди, утверждавшие, что вицинианская цивилизация вообще не создала искусства, иначе говоря, искусство не составляет неизбежный продукт развития разумных культур. Высказывались разнообразнейшие соображения относительно возможных путей общественного развития и даже вырождения организационной структуры государств, в которых технический прогресс из средства превращается в цель развития цивилизации. Однако это были неприкрытые спекуляции.

Как же далека от предполагаемой оказалась действительность... Это не значит, что вызывает сомнения точность передававшихся изображений. Тем не менее прибытие нашей экспедиции на Вицинию не разрешило ни одной из основных проблем, возникших в ходе радиотелевизионной связи. Наоборот, мы оказались перед лицом фактов, которые вместо того, чтобы подтвердить наши представления об этой далекой цивилизации, развеяли их в прах.

Источником сигналов, передаваемых в сторону солнечной системы, была гигантская конструкция, установленная на Северном полюсе Вицинии. Именно с ее помощью уже в начальной фазе торможения мы наладили связь с обитателями планеты. Совместно мы разработали что-то вроде словаря основных понятий, позволившего применить лингвистические машины. Хотя число выра-

жений было достаточно скромным, а значения не всегда адекватны, все же такой словарь мог облегчить взаимопонимание при непосредственном контакте. По крайней мере так нам казалось до первой попытки высадиться на планету.

Началось с того, что мы не получили конкретного ответа на предложение о непосредственном контакте между представителями разумных существ обеих «рас». На экране упорно появлялась лишь громадная антенна, передающая направленное электромагнитное излучение, используемое вицинианами для межзвездной связи. Самым тревожным было то, что все попытки наладить радиосвязь в обход этой антенны не дали никакого результата. Чтобы выйти наконец из тупика, мы решили высадить исследовательскую группу в пустынном экваториальном районе, сравнительно близко от крупного промышленного центра, который мы приняли вначале за город. Однако установить взаимопонимание с жителями планеты так и не удалось.

Эти небольшие, едва доходящие нам до колен существа своим поведением совершенно опрокидывали наши понятия о представителях высокой цивилизации. По своему интеллектуальному развитию они ненамного обогнали наших земных человекообразных обезьян. Если они и проявляли к нам интерес, то весьма поверхностный и кратковременный, напоминающий любопытство собаки, которая, обнюхав незнакомого прохожего, через минуту бежит дальше. В то же время как коллектив эти существа проявляют весьма высокую степень организованности. Их общество, несомненно, представляет собой структуру с колоссальной точностью и целенаправленностью действий. В их подвижности нет ничего от хаоса и случайности. Если даже иногда, особенно при попытках вмешательства с нашей стороны, на мгновения нарушалось

взаимодействие, сбивался ритм, то уже через несколько секунд все возвращалось в исходное состояние.

Муравьи! Вот что пришло мне в голову уже после первых попыток установить контакт с этими существами. Я, разумеется, прекрасно понимал, что это подобие только внешнее. Наши наблюдения были поверхностными, мы не знали структуры вицинианского общества и, естественно, не могли еще говорить об аналогиях с «обществом» муравьев или пчел. Но я ухватился за эту аналогию, как за единственный — так мне тогда казалось — ключ к пониманию явлений, свидетелями которых мы были.

Совершенно ясно, что такая гипотеза опиралась на весьма шаткие основы. Мы не обнаружили никаких признаков биологического разделения функций между отдельными особями или группами, обслуживающими машины. Даже вициниане, выполняющие в этом обществе роль связных, или, может быть, инженеров, ничем не отличались от остальных работников.

Могло ли коллективное руководство сложными приборами и производственными процессами носить инстинктивный характер? Думать так не было никаких оснований. Наоборот, эти существа, как я уже говорил, проявляли своеобразный разум, были способны к обучению и передаче опыта другим группам, делали выводы из совершенных ошибок.

Я, например, проделал такой эксперимент: подал одному вицинианину фонарик, который до того зажигал и гасил в его присутствии. Некоторое время вицинианин ощупывал фонарик своими хватательными конечностями, потом начал крутить выключатель и наконец зажег его. После нескольких попыток он отдал мне фонарик и вернулся к своей группе. Не прошло и пяти минут, как ко мне подошел другой вицинианин — я заметил, что он был как бы руководителем этой группы, — и протянул «лапу»

за фонариком. Взяв фонарик, он сразу же, без лишних манипуляций, зажег и погасил его. Повторив этот «маневр» несколько раз, он вдруг перестал интересоваться фонарем, возвратил его мне и вернулся к работе.

Ничто не указывало на то, что способности управлять машинами были у вициниан врожденными, унаследованными, а не приобретенными. Более поздние тщательные наблюдения показали, что «обучение» молодых индивидуумов происходит почти в каждой рабочей группе. Мы также не замечали, чтобы непосредственно родители передавали опыт детям. Самое любопытное, что кормлением и воспитанием потомства занимаются здесь поочередно все взрослые. Так что тут нет никаких специализированных мамок, нянек или учителей.

И все же я чувствовал, что в организации этого общества есть что-то от муравьев.

Но тогда кто разговаривал с нами через гигантскую направленную антенну? Несомненно, где-то должен был существовать центр управления этим обществом, центр вполне сознательный, стремящийся к познанию мира и мыслящий подобно человеку.

Упрек Ортена, что я считаю вициниан муравьями, был глупейшим измышлением. Такой гипотезы не выдвинул бы ни один здравомыслящий биолог. Если я говорю о «структуре муравейника», то только в смысле некоторых чисто внешних аналогий в поведении этих существ и муравьев. В действительности я лишь предположил, что до сих пор мы имели дело только с частью общества, исполняющей производственные функции, и что этими существами управляет центр, состоящий из других существ, быть может даже особого вида, наделенных разумом, подобным нашему. Правда, такого руководящего центра мы нигде не могли обнаружить, но я был глубоко убежден, что он существует и его можно найти.

Ортен тоже придерживался такого мнения. Но он питал слабость к автоматам и, как математик и кибернетик, выдвинул гипотезу, согласно которой хозяевами планеты являются не вициниане, а искусственный мозг с разбросанными повсеместно исполнительными органами и нелокализованной памятью. Этого «великого робота» могли, по его мнению, создать далекие предки вициниан. А сами вициниане в конце концов превратились в невольников робота и постепенно деградировали в результате симбиоза с автоматами.

Гипотеза не выдерживала критики уже хотя бы из-за резких контрастов в уровне техники, особенно автоматизации, а также из-за той роли, которую исполняли живые вициниане почти во всех областях производства и даже в ядерной энергетике. Правда, Ортен именно это считал доказательством регресса, утверждая, что исполнение вицинианами функций, типичных для автоматов, является проявлением тенденции «великого робота» перекладывать элементарные общественные задания на плечи живых существ, одаренных способностью саморепродукции и большой универсальностью. Создание самовоспроизводящихся искусственных систем, даже относительно простых, с узкой специализацией не окупалось бы на современном уровне вицинианской техники.

Свою гипотезу Ортен пытался довольно искусственно увязать с результатами археологических исследований. Еще во время предварительных планетологических съемок группа Кольца обнаружила среди разросшихся промышленных центров руины каких-то древних строений. Были найдены и другие значительно лучше сохранившиеся постройки в некоторых пустынных районах и джунглях Вицинии.

В течение шести недель трудно составить себе истинное представление о путях развития незнакомой цивили-

зации, тем не менее обработка данных показала, что структура вицинианских обществ двадцать тысячелетий назад принципиально отличалась от современной. Строе-ния, обнаруженные Кольцем, вероятнее всего, некогда были чем-то вроде дворцов, в которых жило небольшое число лиц. По уровню развития они были несравненно выше нынешних обитателей Вицинии. Кто-то из группы даже предположил, что «дворцы» — не что иное, как укрепления, где обитала тогдашняя вицинианская элита, управлявшая обществом, члены которого жили в гораздо худших, чем она, условиях. Нам до сих пор не удалось отыскать следы строений, служивших жилищами для других общественных групп древней Вицинии. По-види-мому, это были сооружения весьма примитивные, не вы-державшие испытания временем.

В одном месте среди руин был найден подземный зал, а в нем тридцать две хорошо сохранившиеся статуи древних властителей Вицинии. Как показало просвечива-ние, статуи оказались саркофагами. Очевидно, на Вици-нии существовал обычай покрывать тела умерших кера-митовой оболочкой, очень устойчивой к коррозии. Интере-сно, что почти все скелеты на несколько сантиметров больше среднего роста современного вицинианина и от-личаются, как правило, некоторыми особенностями строе-ния черепа. Уровень техники периода «дворцовой куль-туры» был относительно высоким, особенно в области биохимии, но мы нигде не нашли следов современной ав-томатизации. Следовательно, если и можно было гово-рить о регрессе, то скорее общественно-биологического, а не технического характера. Мне рассуждения Ортена ка-зались чересчур надуманными. Прежде всего я не видел смысла в гипотезе о существовании «великого робота» как системы, распыленной по всей планете. Мои мысли подтверждались скрупулезным, многодневным изучени-

ем каналов связи между отдельными промышленными центрами — после передачи анализатору собранных автоматами данных мы получили в результате кривую Кроненберга — Грибова. Она свидетельствовала о существовании автономных систем и вздорности гипотезы Ортена.

Анализатор не мог ошибиться, и все-таки этот упрямый осел Ортен не сдавался!

И проиграл! Проиграл! Проиграл??

Нет! Проиграл я!

Я только зря нервничаю и теряю время. Кислорода осталось меньше чем на четыре часа, а ведь то, что я продиктовал — всего лишь вступление. Буду краток.

Итак, началось с кривой Кроненберга — Грибова. Ортен был упрям. Впрочем, если бы речь шла о чем-либо другом, все могло обернуться иначе... Ортена я невзлюбил с начала экспедиции. Пожалуй, это не совсем точно. Первое время я пытался с ним поладить, завязать дружбу или хотя бы товарищеские отношения. Но из этого ничего не вышло. Он никогда не отличался искренностью. Ортен не из тех людей, которые выставляют свое Я для всеобщего обозрения. Его надо сначала раскусить, но, и раскусив, не будешь уверен, понял ли этого человека до конца.

Конфликт между нами возник уже в первые месяцы полета. Правда, до открытого столкновения не дошло, однако обоим было ясно, что о дружбе не может быть и речи.

Ортен не мог простить мне моей инициативности. В то время он замещал руководителя исследовательской группы и на каждом шагу критиковал мои проекты и взгляды. Я старался быть объективным, особенно в научных вопросах, но человек всегда остается человеком и,

естественно, нервы иногда сдавали. Не знаю, что бы вышло из нашего сотрудничества тут, на планете, но, к счастью, через три дня после первой высадки проект Ортена — воздействия помехами — не прошел. После этого он решил, что задета его честь и отказался от обязанностей руководителя. Его место заняла Зама, которая, правда, поддерживала проект Ортена, но в несколько измененном виде. В конце концов большинством голосов мы решили, что начнем с изучения каналов связи.

Ортен, конечно, торжествовал. Первой проверялась его гипотеза. Однако мне было ясно, что толку из этого не выйдет и мы зря теряем время.

Мои предположения полностью подтвердились. Спустя шесть недель после прибытия на Вицинию наши работы зашли в тупик. Правда, нам удалось установить, что ни один из промышленных центров не пользуется непосредственной радио- или проволочной связью с другими пунктами и тем более с каким-либо одним или несколькими — как утверждал Ортен — центрами управления.

Несмотря на это, Ортен по-прежнему держался своей первоначальной точки зрения. Однако в новом варианте гипотезы роль связных — носителей информации между центрами управления искусственного мозга — он возложил непосредственно на вициниан.

Гипотеза была столь искусственной, нелепой и вздорной, что мне без труда удалось добиться прекращения дальнейших исследований. Ортен не мог этого простить и открыто обвинил меня в том, что я руководствуюсь личными интересами, так как сам не в состоянии выдвинуть какого-либо конструктивного предложения или хотя бы просто дополнения к его плану.

Это было уже слишком. Я заявил, может быть несколько опрометчиво, что если получу свободу действий и никто не станет вмешиваться в мои исследования, то

берусь в течение трех дней самостоятельно разгадать тайну Вицинии.

Что тут началось.... Часть товарищей с Ортеном во главе восприняла мое заявление как вызов, брошенный всему коллективу. Другие, подозревая, что я уже сделал какие-то открытия и стремлюсь только собрать недостающие данные, предложили мне свою помощь. Увы, в то время я не считал возможным принять ее. Я не хотел, чтобы Ортен думал, будто я ищу с ним примирения. Правда, я не отказался категорически и даже поблагодарил за доверие, однако вопрос о помощи фактически оставил открытым.

Напряженная атмосфера все же несколько разрядилась. После короткого обсуждения было принято мое предложение, но с условием, что я не стану применять средства, которые могли бы вызвать конфликт между нами и вицинианами. На это я, разумеется, без колебаний согласился.

Честно говоря, я оказался в весьма незавидном положении. У меня не было не только конкретного плана, но даже его наметок. Просто я был глубоко убежден, что разумное существо или коллектив таких существ, установивших связь с Землей, должны находиться где-то в определенном пункте планеты. Главное — локализовать район исследований и найти правильный путь.

Ключ к решению подсказал мне сам Ортен, когда пытался видоизменить свою гипотезу, окрестив вициниан «носителями информации». Его ошибка состояла в том, что он пытался отыскать руководящие центры путем анализа ультрастабильности вицинианского общества. В то же время простейшим путем — ибо он, несомненно, вел к центру, наделенному сознанием, — были входы и выходы большой антенны. Конечно, эта мысль родилась не только в моей голове. В самом начале наших поисков мы

пытались именно так отыскать решение загадки. Однако оказалось, что локальные входы и выходы гигантского приспособления на полюсе предназначены, вероятнее всего, для связи с центром или центрами управления и принимают и передают лишь весьма слабые сигналы, причем в форме модуляции очень широкого участка электромагнитного спектра. В таких условиях о локализации направления сигналов методом экранирования не могло быть и речи, и мы быстро отказались от этого пути.

Пытались мы также получить более определенные сведения непосредственно от неизвестных существ, поддерживая с ними связь с помощью большой антенны. Но на наши вопросы о том, как выглядит приемо-передаточное устройство, с которого они управляют ретрансляционной станцией, на экране упорно появлялись ряды голов вициниан. А так как на словесный вопрос, кто управляет вицинианским обществом, мы также постоянно получали ответ, что управляет им... общество вициниан, мы решили, что тут кроется какое-то терминологическое недоразумение.

Но возвращаясь к событиям, происшедшим десять дней назад. О появлении кривой Кроненберга — Грибова и предположении Ортена, что, быть может, вициниане являются «носителями информации», я знал за двенадцать часов до совещания. Тогда мне пришло в голову, что передача информации не обязательно должна происходить с помощью органов слуха, зрения или осязания. А не происходит ли передача электромагнитных сигналов непосредственно от мозга к мозгу? Я находился в тот момент на базе на самой Вицинии и провел необходимые эксперименты.

Результат был положительный. Тогда мне стало ясно, что означают таинственные головы на экране. Это было не недоразумение, а ответ, которого мы просто не смог-

ли понять. Наш словарь был слишком убог, чтобы с его помощью объяснить сложную причину ошибки.

А не мог ли я заблуждаться? Мог. Но я поставил все на одну карту и... выиграл! В ту же ночь, через несколько часов после «разговора» с вицинианами, во время которого я пытался как можно точнее объяснить, что меня интересует: где, в каком пункте планеты находятся эти «передающие головы», я получил ответ — вдали от гигантских промышленных центров, в горной котловине. Несколько неказистых плоских строений — и все. Разве кто-нибудь мог предполагать, что это именно там?

Собственно, я должен был сразу же связаться с товарищами. Я уже предвкушал победу над Ортенем, но, несмотря на убедительные факты, подтверждавшие мою правоту, не решился сообщить друзьям что-либо о результатах исследований. Я просто боялся, что опять произошло какое-то недоразумение: уж слишком легко дался успех...

Наконец я решил, что прежде сам все проверю, соберу необходимые доказательства, а через два-три дня выступлю с детально обоснованным сообщением. Я лег спать, но уснуть не мог, меня мучила мысль, не ошибаюсь ли я.

В конце концов я решил полететь на Вицинию этой же ночью. Я написал Заме: «Лечу ТУДА. Никому ни слова. Вернись не позже десяти».

Прежде чем отправиться в путь, я переслал в сторону «большой антенны» рисунок, изображающий мой полет к котловине, а также краткое словесное пояснение, переданное с помощью аппарата-переводчика. Кроме того, я включил устройство, излучающее с интервалами в две минуты стандартную серию сигналов: один короткий, два длинных, три коротких, один длинный, два коротких, три длинных, один короткий и так далее. Мне казалось,

что это должно было помочь вицинианам установить мою личность при непосредственном контакте.

Кто же мог предвидеть, что сигналы станут причиной столь невероятного открытия, по сравнению с которым «великий робот» Ортена окажется наивно простым и вполне реальным существом.

Я полетел.

Что это?! Включаю радио — два, два, два! Алло! Алло! Вызываю — четыре, пять! Алло! Четыре, пять! Алло! Тут кто-нибудь есть? Алло! Алло!..

Видимо, показалось... Или вициниане скребут чем-то в этой липкой мази. Мне почудилось, словно что-то шевельнулось. Я включил радио, но этот шум все заглушает. Где-то тут должно находиться дьявольски искрящее устройство.

Указатель кислородомера уже пересек цифру 70. Мне остались еще три с половиной часа. Могу не успеть.

На чем я кончил?.. Ага, так я опустился на небольшой площадке вблизи этих плоских построек. Из улочки между ними вышло несколько вициниан, они с интересом присматривались к ракете. Я подумал, что это прибывшая приветствовать меня делегация, но они только обошли машину вокруг и вернулись к своим делам. Это были такие же вициниане, как и те, которых мы встречали тысячами в других районах планеты. Они остановились, осмотрели мой скафандр, а потом занялись своими делами, словно меня и не было.

Я решил, что это наверняка не те мыслящие жители планеты, с которыми я «разговаривал» по радио. И все же у меня было убеждение, что где-нибудь здесь я встречу и их. Следом за одним из вициниан я вошел через узкое отверстие в ближайшее здание. Темный коридор.

со слабо отсвечивающими зелеными стенами довольно круто спускался вниз и кончался просторным, но низким залом, в котором несколько десятков вициниан занимались чем-то вроде ручной лепки странных глыб из пластической массы. Тут интерес к моей особе был еще меньшим. Более того, вициниане даже оказывали сопротивление, когда я пытался отвлечь их от этого занятия.

Из зала в различных направлениях разбегались другие коридоры, которые, как правило, вели в такие же залы, большие или меньшие по размеру. Я спускался все ниже и ниже, везде наталкиваясь на вициниан, занятых тем же делом.

Проблуждав часа два, я решил возвратиться. Меня охватило все возрастающее беспокойство. Не потому, что я боялся заблудиться — ботинки скафандра оставляют при каждом шаге химический след, регистрируемый на обратном пути специальными приемниками системы ориентации. Просто я был в отчаянии от того, что открытие, которое, думалось, было уже в руках, может оказаться иллюзией. Вместо того чтобы раскрыть тайну, я предстал еще перед одной загадкой, только увеличивающей нашу беспомощность.

На обратном пути я решил внимательнее присмотреться к тому, что делают вициниане. Работа, выполняемая ими, в принципе очень однообразна и, как кажется, лишена смысла. Это ни в коей мере не изготовление каких-либо предметов потребления или искусства, а как бы игра, построенная на незначительном изменении внешнего вида куска пластика. Я нигде не встретил «готовой продукции». Некоторые вициниане прерывали работу и, спеша, покидали помещение, но это происходило только после прихода сменщика.

Наконец я опять добрался до выхода. Ни с чем вернуться на корабль было бы капитуляцией. Я решил еще

раз осмотреть, хотя бы поверхностно, несколько других помещений, чтобы убедиться, не отличаются ли они по назначению. Однако везде я заставлял одно и то же — вициниан, занятых лепкой странных глыб.

Я измучился и чувствовал, что сойду с ума, если не перестану блуждать по этому лабиринту. Усевшись на пол в одном из залов, чтобы передохнуть, я смотрел на быстрые движения «рук» стоящего рядом существа, и во мне начала расти ненависть к этим «муравьям», занятым своими делами и не видящим за ними мира.

И именно тогда... Вначале я не отдавал себе отчета... Это было как прозрение.

Движения стоящего неподалеку вицинианина были удивительно ритмичными. Одно движение, второе, третье, потом длительная пауза и снова троекратное прикосновение к глыбе, на этот раз как бы более сильное и продолжительное.

Я стал присматриваться внимательнее. Вициниане ритмично двигали хватательными органами. Некоторые дублировали движения моего соседа, некоторые касались глыб только по два или одному разу с длинными перерывами. Сомнений не было: действия их были как-то синхронизированы, взаимно дополняли друг друга.

Неужели мне показалось? Нет! Тут явно чувствовался цикл: короткое прикосновение, два длинных, три коротких, одно длинное, два коротких, три длинных и так далее. Я проверил по часам: каждые две минуты начинался новый цикл!

Это было отражением сигналов, которые передавал оставленный мною автомат! Сигналов, идущих с нашего корабля, через космическое пространство в направлении Северного полюса Вицинии... Моих сигналов!

Усталость как рукой сняло... Мне казалось, я на пороге разгадки. Внимательно осмотрев ближайшие поме-

щения, я обнаружил, что только в одном зале все вициниане заняты приемом моих сигналов.

Тогда я решил подождать, пока не придет смена, чтобы, быть может, таким образом узнать что-то новое, что приблизило бы меня к разгадке.

Однако сменщик одного из «моих» вициниан явился лишь через два часа. Передача обязанностей не принесла ничего неожиданного. Поэтому я отправился следом за вицинианином, который покидал зал. Мне с трудом удавалось поспевать за ним, так как вициниане передвигаются очень быстро.

К счастью, «гонка» длилась недолго. Выйдя из строения, вицинианин побежал к большой площади на краю поселка и нырнул в одно из отверстий, ведущих под землю. Не теряя ни минуты, я последовал за ним. В глубине крутого хода было значительно темнее, чем в «рабочем» зале. Вскоре мы попали в просторное, но низкое помещение, где можно был передвигаться только на четвереньках. В центре зала находилось углубление, заполненное до краев какой-то темной жидкостью. Погрузив в нее рыльца, сидело несколько вициниан. Увы! Это была всего лишь вицинианская «столовая». Тут мне нечего было искать.

У меня мелькнула мысль взять пробу черной жидкости — подобного питательного вещества мы еще нигде не встречали. Я достал пробоотборник и, опершись рукой о край «бассейна», наклонился над ним. И вдруг я почувствовал, что сползаю по скользкой поверхности и погружаюсь головой в густую, грязеобразную смолистую массу, которая мгновенно закрыла прозрачный шар шлема.

Попытки выбраться ни к чему не привели: клейкая мазь сковывала руки и ноги. Напрасно я пробовал уцепиться ногами за край бассейна. При каждом движении

я сползал все ниже, так что наконец весь погрузился в трясины.

Бассейн оказался неглубоким, но жидкость в нем настолько липкая и густая, что я не могу даже сесть. Мне с трудом удалось перевернуться на спину. Я пытался установить связь с базой, но в наушники проникали только беспрерывные шумы и разряды...

Я знаю, что это конец. С того момента, как я оказался в ловушке, прошло девять суток. Питательная жидкость кончилась вчера. Зуммер кислородомера напоминает, что я использую последние резервы. Остались еще два с половиной часа.

Но ведь не о моем безнадежном положении я хотел говорить. Это уже не имеет значения. Важно лишь то, что в течение этих долгих часов родилось в моем сознании. И все-таки я, кажется, разгадал загадку вициниан. Не Ортен, а я!

Опять начинаю... Так нельзя. Я все время говорю о себе, а ведь не это самое важное. Теперь я должен диктовать медленно, по возможности четче формулируя фразы, чтобы ОНИ это поняли.

Общественное развитие человечества по сравнению с биологической эволюцией представляет собой процесс высшего порядка. Самоорганизация протекает здесь не только путем неосознанных изменений и ценой гибели систем, не приспособленных к изменяющимся условиям. Единицы, составляющие общество, уже достигли столь высокой ступени развития, что они наделены способностью обучаться, взаимно передавать опыт и в определенной степени умением предвидеть будущее на основании своих знаний о мире. Отсюда наряду с автоматизмами, сформированными игрой случая и необходимости, в общественно-экономических системах в той или иной степени проявляются обратные связи, созданные сознатель-

ной организующей деятельностью. Роль этого фактора сознательности возрастает по мере организации системы и объема знаний о мире. Этот процесс нам хорошо известен, так развивалось и человечество до тех пор, пока расцвет науки и глубокие общественные преобразования последних двух столетий не открыли перед человеком возможности сознательного формирования своего быта и общественного развития.

Знаем мы и общественные организации иного типа — муравьев и пчел, у которых на уровне индивидуума интеллект отсутствует, а имеются только инстинкты и врожденные рефлексы. Такая система, состоящая из множества узко специализированных особей, может эволюционировать только биологически. Способность к обучению тут настолько мала, что автоматизмы можно считать постоянными, неизменными в течение веков и тысячелетий и служащими только тому, чтобы не дать погибнуть роду.

Однако никто из нас, людей, не ожидал, что жизнь может принять еще и другую форму. Форму столь необычную, что перед ней бледнеет даже явно надуманная концепция «цивилизации роботов».

На Вицинии нет никакого «великого робота», искусственно созданного ее живыми обитателями. Нет и никакого руководящего органа — мыслящей элиты. Вициниане даже не представляют себе, что есть такая планета Земля. Они, по-видимому, вообще с трудом осознают, что на их планете появились существа из иного мира.

Разум вициниан ограничен узкими рамками жизненных потребностей, о наличии у них интеллекта в нашем понимании вообще трудно говорить. Способности отдельных особей к познанию и творчеству неизмеримо ниже, чем у человека. Я не хочу этим сказать, что вициниане — «живые окаменелости», остановившиеся в интеллектуальном развитии. Для таких выводов еще не пришло время.

Тем не менее на уровне единицы они проявляют больше муравьиных свойств, чем человеческих.

Однако вицинианское общество — не муравейник, хотя даже в общих чертах это и не человеческое общество. Его необычность состоит в том, что оно не в переносном, а в самом прямом смысле представляет собой живой организм, построенный из миллионов клеток, которыми являются живые существа — вициниане. Самое интересное, что в процессе самоорганизации в этом организме удалось то, что можно было бы назвать мыслящим мозгом. Этот «мозг» наделен собственным сознанием независимо от ограниченного сознания единиц-клеток, его составляющих.

Если я говорю о сознании, то, ясное дело, только в смысле функциональном, в смысле подобия структуры нервной сети и мозга системе связей в вицинианском обществе. Мы знали уже давно, что пределы, объем функций системы зависят исключительно от структуры, а не от химического состава материи, из которой эта система создана. Мы научились создавать машины, способные воспроизводить все функции человеческого мозга. Однако мы не предполагали, что может возникнуть мозг, состоящий из миллионов живых существ, связи в котором будут связями общественными, и что этот мозг сможет мыслить и сознавать собственное существование, познавать мир, накапливать знания и использовать их для дальнейшего переустройства этого мира.

С землей установил контакт не «муравей», а «существо-общество» — одно из многих «существ-обществ», заселяющих эту планету. Я говорю — многих, так как не имею ни малейшего намерения подвергать сомнению правильность теории Горча, показавшего, что возникновение разумного и наделенного сознанием существа, как единственного обитателя какой-либо планеты, невозмож-

но. То, что мы называем сознанием, может возникнуть только в обществе, состоящем из множества индивидуумов. Необходимы язык и речь — средства общения, и совершенно безразлично, будут ли они звукового или электромагнитного характера.

Чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что цивилизация вициниан является именно таким необычным явлением природы, в котором полное сознание, в нашем понимании, появилось только на уровне высшей формы организации многих сотрудничающих друг с другом общественных организмов.

Я собрал слишком мало данных, чтобы набросать более обоснованную гипотезу, касающуюся путей эволюции этих существ. Однако я уже вижу ее контуры. Начало развития вицинианских обществ могло, вообще говоря, проходить подобно нашему, человеческому. Быть может, оно даже достигло уровня развитой промышленности. Но вот на каком-то этапе наступило торможение и даже деградация личности, вызванные появлением нового, необычного свойства в структуре общественных систем.

Хотя нет, скорее наоборот: это новое свойство было не причиной, а следствием регресса, победой над ним, поиском нового, прогрессивного пути развития. Источники этого временного регресса следует искать глубже — в первоначальном строении обществ, населявших эту планету. Может быть, причины были биологические? Старое вицинианское общество могло состоять, скажем, из различных рас... Ведь скелеты...

Нет, это ничего не объясняет! Скорее расизм, а не действительные расовые различия мог быть причиной общественного регресса.

А не может ли быть ключом к разгадке высокий уровень биохимии в период «дворцовой культуры»? Может быть, эта «дворцовая культура» была не чем иным, как

специфической формой правления фашистского типа? Может быть, древние властители Вицинии искусственно вызвали такие генетические изменения в организмах своих соплеменников, которые обеспечили им абсолютную власть? Может быть, именно эти изменения привели к потере интеллекта и ограничению сознания этих существ?

Это определило собственную судьбу обществ. Подобного рода общественные системы только внешне представляются устойчивыми. Режим тирании, фашизм не могут быть стабильными. Они вызывают организационное вырождение, блокирование информации, необходимой для руководства системой, и возрастающую растрату общественных сил — словом, ведут к структурным искажениям, опасным для дальнейшего развития. Распад системы и окончательную катастрофу могли ускорить братоубийственные войны и стихийные бедствия.

Но гибель «расы владык» не означала конца вицинианской цивилизации. Силы самоорганизации в обществе неисчерпаемы. Правда, единичные организующие действия уже не в состоянии были обеспечить внутрисистемное равновесие, но попытки реорганизации овладевали во все большем масштабе отдельными общественными организациями как автономными элементами системы высшего порядка, охватывающего всю планету. Между этими организмами возникла путем самоорганизации вторая сигнальная система, образующая основу интеллекта. Впрочем, этот процесс, возможно, облегчили определенные общественные автоматизмы, выработанные умышленно еще в период «дворцовой культуры». Во всяком случае, он должен был протекать необычайно быстро, в течение нескольких десятков тысячелетий. Эта загадка также требовала разрешения.

Итак, процесс преобразования углублялся, обществен-

ные организмы эволюционировали в сторону создания такой структуры, которая напоминает структуру мозга мыслящего существа. Наконец, незаметно для самих вициниан эти «организмы-общества» начали проявлять действия сознательного характера. То, что не могло уже быть достигнуто на уровне обществ, составленных из сознательно действующих единиц, было достигнуто в процессе преобразования на уровне «сверхобществ». И именно эти «существа-общества», наделенные индивидуальностью, подобной индивидуальности отдельного человека, решили создать огромную антенну, чтобы поискать в просторах Вселенной другие подобные себе «существа-общества»...

Впрочем, возможно, я ошибаюсь, считая, что возникновение «существ-обществ» является вырождением? Может быть, это сознание высшего порядка в сравнении с сознанием индивидуальным?

Так или иначе — наш путь иной. Не в потере индивидуальности, а в наиболее полном развитии интеллекта сотрудничающих друг с другом единиц кроется сила человеческого общества.

А может быть, существует еще и четвертая возможность? Не исключено, что и в обществе, состоящем из высокоинтеллектуальных существ, создается со временем такая система связей, что оно приобретает свойства существа, наделенного сознанием. Как знать, не являемся ли мы уже сейчас...

Нет, это абсурд! Чушь! Да и вообще, имеют ли мои рассуждения хоть какой-то смысл? Может быть, я просто брежу? Можно ли сознать, что ты бредишь?

Никогда мне не узнать, был ли я прав. Но люди узнают, узнают наверняка. Впрочем, Ортен и так был уже близок к разгадке... Еще неделя, две и он, без сомнения, пришел бы к таким же выводам. Он предвидел это, когда

говорил о «носителях информации». Ведь именно он невольно подсказал мне первую мысль.

Что-то коснулось моей ноги! Опять! Как будто кто-то пытается перемешать этот клейстер. Очевидно, вициниане пополняют запас пищи. А может быть, они будут чистить бассейн и освободят меня из этой мази? Если бы получить хоть какую-нибудь свободу движений!..

Прекращаю диктовать — надо экономить кислород.

Прошло уже полтора часа. Ничего. Наверно, они только наполнили запас пищи.

Все труднее дышать.

Зачем я обманываю себя? Ведь это дело решенное. Эти кретины не могут мне помочь, а товарищи на базе даже не знают, где я.

Товарищи... Пожалуй, никто не мог понять меня. Но все ли было сделано для моего спасения. А вообще-то, что они могут сделать? Как могут предположить, что я опустился тут, в горах? Впрочем, конечно, они обнаружат мой труп, но после многомесячных поисков, когда для меня это уже не будет иметь значения...

Ортен... Он один мог бы отыскать меня раньше. Если бы хотел. Но незачем обольщаться. Теперь-то, пожалуй, я могу быть искренним. Ему есть за что меня ненавидеть...

Моя смерть одним ударом решит много жизненных проблем Ортена. Он снова сможет стать «душой экспедиции». Войдет в историю как человек, решивший загадку Вицинии. А он ее, безусловно, решит. Он один может взглянуть с достаточной смелостью на этот необычный мир. Как знать, не напал ли он уже на верный след.

Его наверняка заинтересовало, почему я включил

сигнализатор. Но разве можно предполагать, что после всего происшедшего между нами он еще захочет меня спасать?

Нет, я не дам ему покоя даже после смерти. Ведь если он раскроет загадку Вицинии, то и меня должен будет найти. Разумеется, он найдет меня тогда, когда я буду уже мертв. Так для него будет лучше. Но он ошибается. Он найдет в скафандре ленту с этой записью. Достаточно будет тени подозрения... Я это говорю совсем не из чувства злобы... Я убежден, что когда я выступил со своими предложениями, он находился буквально в одном шаге от разгадки... Но, пожалуй, без ИХ помощи он не сможет меня найти. Таких мыслящих центров могут быть тысячи... а что такое Я для «существ-обществ»? Смогут ли ОНИ понять разницу?

Опять что-то шевельнулось. Что-то ударило меня в бок. Теперь в бедро... Я ясно чувствую, как меня тянут за ногу. Металл? Какой-то металл!

Что они выделывают? Ох! Как больно!

Значит, конец... Только бы скорее... Скафандр не выдержит!

О-о-о! Спасите! Что это?! Кто?!

Ортен?! Так это ты?!

Я БЫЛ МУНДИРОМ ГОСПОДИНА ПОЛКОВНИКА

Мой друг, бывший военный министр республики Капеланд, уже давно бросил политику, решив провести остаток жизни в своем деревенском имении. С тех пор я видел его редко, так как многочисленные обязанности удерживали меня в столице. К счастью, я располагал временем, когда пришло письмо, в котором мой друг приглашал меня к себе.

Он жил вдалеке от автострад. Было уже темно, когда я остановил автомобиль перед окованными железом воротами. Автоматический привратник взял у меня визитную карточку. Спустя минуту ворота раскрылись. Темная аллея огромных, старых деревьев вела через парк. Я медленно ехал по ней. Фары выхватили из тьмы прижавшуюся к стволу деревянную будку. В ней стоял военный робот старого образца, закутанный в усеянную листьями маскировочную сетку. Теперь в путанице теней я доискивался контуров военных машин, горбатых дотов, высовывающих длинные стволы орудий. Потом деревья расступились, и я увидел темную глыбу дома.

Мой друг ожидал перед входом в парадном мундире с орденами. При свете небольшой лампочки над дверью его лицо показалось мне очень постаревшим. Мы пересекли большой холл, потом по мрачному коридору прошли в комнату, где нас ожидал накрытый с большим вкусом стол. Во время нашей беседы я чувствовал, что мой друг о чем-то сосредоточенно думает. Видимо, у него были какие-то серьезные неприятности. Даже вино не делало его веселым.

Но вот он обратился ко мне:

— Помнишь? — спросил он. Заметив, что мой друг с особым вниманием ждет ответа, я смолчал.

— Двадцать первое августа,— сказал экс-министр,— битва под Ла Каэрта.

Теперь я понял. Речь шла о величайшей битве во время последней войны с Кубилией, годовщину которой в республике не отмечали уже много лет. Мой друг не мог с этим смириться. Неужели все эти годы, облачаясь в этот день в парадный мундир, он в одиночестве садился за торжественный обед?

Я тактично молчал, министр не возвращался к затронутой теме. Когда пробило полночь, он поднялся из-за стола.

— Я приготовил тебе комнату на третьем этаже, — сказал он. — Окна выходят в парк.

Отведенная мне комната была такой же мрачной, как и весь дом. Обшитые темными панелями стены, темная мебель, огромное закрытое жалюзи и тяжелыми темными шторами окно. У окна стояло что-то похожее на футляр от напольных маятниковых часов. Этот предмет был накрыт темно-зеленым покрывалом.

Когда мы прощались на ночь, я заметил на лице моего друга легкую улыбку, понять которую не смог. В небольшом книжном шкафу я нашел всего три книжки, вероятно кем-то здесь забытые: рассказы Эдгара По, старый экземпляр Дюма с пожелтевшими страницами и мрачный труд одного капеландского автора. Полистав их некоторое время, я вспомнил о накрытом покрывалом шкафе. С некоторым трудом я снял зеленое полотнище.

В первый момент мне показалось, что за остекленной дверцей стоит человек. Но приглядевшись, я понял, что это какой-то робот в мундире солдата времен войны с Кубилией. Покрытая огромной каской голова, легкий

панцирь на груди, окрашенный зелено-коричневыми пятнами, тяжелые ботинки, переходящие в металлические наколенники. Я хотел осмотреть его внимательнее и открыл дверцу. Тут я заметил на грудном панцире клапан, под которым обнаружил белую ручку из пластика. Значит, внутри фигуры скрыт какой-то механизм. Я заинтересовался. Вероятно, старое вино лишило меня обычной рассудительности, так как, не колеблясь ни секунды, я повернул ручку. Послышался слабый щелчок переключателя.

Мертвая до сих пор, фигура вздрогнула, и мне показалось, что солдат сделал легкое движение головой. Через секунду я уже был в этом уверен. Стекланный взгляд куклы встретился с моим, солдат осмотрел комнату, быстро вышел из витрины и остановился шагах в трех от меня. Я почувствовал себя не в своей тарелке, но, стараясь сохранять спокойствие, спросил: «Кто ты?» таким тоном, каким обычно обращаюсь к роботам. Солдат ответил:

— Я был мундиром господина полковника.

Трудно воспроизвести, как эта удивительная фигура, стоя или тяжелыми шагами прохаживаясь по комнате, рассказывала мне свою историю. Это могло бы послужить интересной иллюстрацией к вопросу о психологии роботов. Он рассказывал очень интересно, талантливо, и я весьма сожалею, что не могу дословно повторить его рассказ.

— Полковник Кетон, — начал он, — был офицером полка капеландской пехоты, многократно награжденным за заслуги на полях битв, человеком необыкновенных качеств, достойным своего мундира, которого он ни разу не запятнал. Однако был у него серьезный недостаток, который не позволял ему полностью реализовать свои способности: он не мог ежедневно проделывать, не чувствуя усталости, многокилометровые пешие переходы,

подавая пример своим солдатам. Когда же он получил от дядюшки довольно значительное наследство, то заказал фирме «Миллс электроник компани» меня, то есть универсальный полевой мундир, который, во-первых, оборудован электроприводом, благодаря которому я могу двигаться, облегчая работу мускулов человека, носящего меня на себе, а во-вторых, обладает командным мозгом, специально приспособленным для военных целей. Не хвалясь, скажу, что мозг, которым я владею, проходил тактическую подготовку на высшем уровне, соответствующем Академии Генерального штаба, поэтому я мог быть отличным советчиком моего хозяина даже при весьма затруднительных обстоятельствах. Правда, стоил я четыреста тысяч долларов, но полковник Кетон уплатил эту сумму, не колеблясь, и никогда не жалел об этом. С тех пор не было офицера счастливее полковника Кетона, и беспокоило его только затянувшееся перемирие между Капеландом и Кубилией.

Когда наконец была объявлена война и наши войска пересекли границу вражеского государства, мы с полковником Кетоном стали неразлучными друзьями. Мы вместе маршировали днем, вместе отдыхали ночью. Долго за полночь тянулись наши беседы. Полковник любил слушать, как я пересказывал ему содержание бесчисленных статей из «Военного вестника» или «Бюллетеня Главкомандующего», а когда мой хозяин чувствовал себя утомленным серьезными проблемами, я напевал ему его любимые военные песенки. Я умел определять расстояние, вовремя почувствовать концентрацию отравляющих газов, предупредить хозяина о воздушном нападении, подсказать ему нужное словцо, когда он обращался к своим солдатам. Благодаря мне полковник победил на дивизионных состязаниях по бриджу и получил шесть высоких боевых орденов. Называя меня Уном (от слова «унифор-

ма»), полковник частенько говаривал: «Ун, ты идеальный друг солдата». Я не мог и мечтать о большей похвале!

Мы вместе брали Ниварру и Форт Кахин, были в первых рядах в битве под Ла Каэрта, форсировали ночью Рио Дранге, вместе с танковой бригадой генерала Грасса спешили на выручку Двенадцатой парашютной бригаде, а когда фронт установился вдоль реки Разонны, вместе ждали в окопах приказа о наступлении. Полковник Кетон несколько раз предлагал представить меня к награде, но я отказывался, с избытком довольствуясь тем, что могу носить на своей груди ордена моего хозяина.

Однажды полковник Кетон, чересчур много выпив, в разговоре с капитаном Траббсом неосторожно упомянул о моем существовании. Капитан Траббс, о котором я не могу сказать ничего хорошего, возжелал иметь меня, вероятно рассчитывая, что сможет посылать меня в бой, укрывшись безопасно в тылу. И вот ночью, когда полковник спал, Траббс прокрался в блиндаж и одел меня, воспользовавшись тем, что я был выключен: полковник и мне давал отдых. Однако Траббс не предполагал, что я окажусь верным своему хозяину. Как только Траббс меня включил и я убедился, что нахожусь во власти узурпатора, я полным ходом двинулся к своему хозяину. Траббс пытался силой воспротивиться моему намерению, но его мускулы не шли ни в какое сравнение с моими мощными двигателями. Он умолял меня, обещая миллионы киловатт-часов электроэнергии, самые лучшие смазки и новые номера «Военного вестника», но, глухой к его отчаянным мольбам, я доставил его пред светлые очи моего полковника. Вначале Кетон хотел по моему совету бросить капитана в воду Разонны, но уступил просьбам подлеца и послал его на разведку прибрежных вражеских укреплений.

Однажды, когда наш полк пытался захватить пози-

цию на противоположном берегу реки, прямым попаданием повредило один из моих двигателей и моя правая нога перестала действовать. Полковник с трудом вылез из меня и в пересекающихся лучах прожекторов, обстреливаемый из автоматов и мортир, тащил меня до тех пор, пока мы наконец не оказались в безопасном месте. Если дружба познается в самых тяжелых условиях, на поле битвы, то мы с полковником Кетоном были истинными друзьями.

Порой наши разговоры касались личных тем. Я узнал полковника Кетона, вероятно, лучше, чем кто-либо другой. Я тоже рассказывал полковнику о моей жизни с того момента, когда впервые был включен и почувствовал, как меня заполняют волнующие токи, которые вскоре начали складываться в первые слова: «диод, электрод, это электрод диода...».

Я рассказывал о Школе электронных мозгов, о моих первых друзьях: мозжечке баллистической ракеты, микромозжечке, который должен был стать лектором в Государственном училище дипломированных капралов, и изумительной мозжичке — будущей секретарше Электрошефа Генерального штаба. Я вспоминал сержанта Брика, который муштровал меня, не щадя выражений вроде «эй ты, покарженный супергетеродин на выбракованных транзисторах», а также преподавателя тактики, майора Баррановитца, чрезвычайно нервного человека: когда мне случалось совершить ошибку, он тут же вскрывал мой череп и лез внутрь с горячим паяльником, чего я страшно не любил.

Полковник давал мне книги, благодаря чему я пополнял свои знания в области художественной литературы, хотя, признаюсь, беллетристике я предпочитал книги по электронике. Мы частенько беседовали о литературе. Оба мы ненавидели отвратительные «Похождения бравого солдата Швейка».

В памятную ночь двенадцатого сентября на правом фланге нашего полка взошло ослепительное солнце атомного взрыва и над нами пронеслась мощнейшая взрывная волна. Вражеская атака вызвала у нас колоссальные потери. Неприятель прорвал фронт и принудил наши войска к отступлению. В ту ночь полковнику Кетону удалось собрать вокруг себя подовину своего полка, но мы не смогли сдержать превосходящие силы врага. Мы отступили в густой лес, по обеим сторонам которого пылали зарева. На рассвете мы наткнулись на позиции неприятельской пехоты. Полковник решил пробиваться, но по моему совету отложил эту попытку до вечера. Мы выставили патруль, и полк расположился на отдых.

Полковник снял меня, чтобы как следует проверить все мои агрегаты перед огневым испытанием, которое должно было наступить вечером. И тут совершенно неожиданно на лес свалилась лавина мин. Я был выключен и не знал, что случилось. Когда меня оживил щелчок переключателя, я увидел своего хозяина тяжело раненым. Собрав остатки сил, он ухитрился повернуть выключатель и произнес: «Ун, теперь вся надежда на тебя»... Больше он уже не мог ничего сказать, но я понял его.

Робот умолк, мне казалось, что я вижу на его металлическом лице печаль.

— Полк выбрался из окружения, — сказал он наконец. — Когда солдаты увидели перед собой знакомую фигуру, в них вселился боевой дух, достойный моего хозяина. Враг не успел перезарядить свои минометы, а наши доблестные воины уже ворвались в его окопы. Это была восхитительная победа, достойная описания в справочнике тактики рядом с битвами при Каннах, под Марафоном и Аустерлицем. Потом на протяжении долгих дней и ночей я вел мой полк от победы к победе на юг.

Я старался следовать заветам полковника Кетона и моих дорогих учителей из Школы электронных мозгов. К солдатам я относился по принципу сержанта Брика. В дискуссиях с офицерами использовал методы ученого майора Баррановитца. Если не хватало личного опыта, я брался за статьи «Военного обозрения», записанные в моей кристаллической памяти. Лишь в отношении к капитану Траббсу я не пользовался никакими формулами.

Должен сказать, что капитан Траббс вел себя по меньшей мере странно. Порой он украдкой наблюдал за мною из кустов, что я видел благодаря глазу на затылке. Порой начинал шептаться с офицерами и прерывал эти разговоры, когда я проходил мимо. Все это мне не нравилось, но я боялся действовать слишком решительно, особенно после того как меня на глазах капитана Траббса прошило шестью винтовочными пулями, которые не принесли мне ни малейшего вреда. Позже я тщательно залатал раны кусочками жести и брезента, но все же старался избегать капитана.

Спустя неделю мы подошли близко к линии фронта. Издалека доносился гул орудий, это значило, что наши части стойко сопротивляются. Нам оставалось преодолеть поросший травой склон холма, чтобы соединиться с нашей армией. Однако на вершине холма в тени нескольких деревьев неприятель установил свои пулеметы. Я понял, что наступил решающий момент.

Нам удалось напасть внезапно. Враг не ожидал нападения с этой стороны. Когда они повернули пулеметы, было уже поздно. Наши солдаты бросились в последнюю атаку, я бежал вместе с ними, как вдруг почувствовал удар в висок и увидел перед глазами зеленую синусоиду затухающих колебаний. Ко мне подбежал санитар. То, чего я опасался, свершилось.

Надо сказать, что я ни от кого не дождался благодар-

ности. Меня бесчестно выключили и, неисправный, ржавая, я лежал долгие годы на армейском складе амуниции, и никто мною не интересовался! Только господину военному министру я обязан своей жизнью: я откровенно жалею, что велик ему на несколько номеров.

Но не будем говорить о неблагодарности. Во сто раз больше меня возмущает подлость капитана Траббса, который решился обвинить полковника Кетона в дезертирстве с поля боя. Он осмеливается утверждать, что Кетон передал мне под командование полк из-за трусости. Поэтому, незнакомый гость, я чувствовал себя обязанным поведать тебе правду, чтобы ты рассказывал ее другим, а они передавали этот рассказ дальше. Даже выключенный, я не буду знать покоя до тех пор, пока хоть малейшее пятно останется на чести отважнейшего пехотного полковника республики Капеланд, любимым мундиром которого я имел честь быть.

ВРЕМЕНА ТРЕХДЮМОВЫХ БИФСТЕКСОВ

Старый Том Хиггинс пропадал где-то годами, но мы знали, что рано или поздно он появится под крышей «Трех пиратов». И действительно, в один прекрасный день он переступил порог таверны, потребовав от Чарли бочонок рома и порцию рыбы «а ля Робинзон».

— Где тебя носило, Томас? — спросил я, увидев его мрачную физиономию.

Он исподлобья взглянул на меня и сказал, что это долгая история. Может, мне и не удалось бы ничего больше вытянуть из старого Тома, если бы ром не сделал свое дело и не развязал ему язык. После шестнадцатого глотка из дубового бочонка Том сказал, с отвращением показывая на свою порцию рыбы:

— Я всегда говорил, что рыба — это не жратва для матроса, парень. Но теперь говорю тебе, забудь об этом, — теперь только рыбу и можно есть без опаски.

Проклятие, которое он добавил, было слишком закрученным, чтобы я мог его запомнить. Во всяком случае, я удивленно взглянул на Тома и это, видимо, подействовало поощряюще.

— Я записался боцманом в экипаж низколета «Эмилия», — начал он, запивая каждое третье слово ромом, — в Сан-Франциско. Мне надо было как можно скорее попасть в Сингапур, чтобы поболтать со старым Бобом Дингом, который обещал сделать меня шкипером на своей новой посудине. Но не в этом дело. Едва я вступил в должность, как «Эмилия» вышла из порта, нагруженная несколькими тысячами тонн транзисторов для

Сингапура. Сначала все шло хорошо. Мы летели со скоростью двести узлов, погода была роскошной, как во Флориде, когда вдруг меня позвал Джим Локхарт из котельной. «Боцман, — говорит, — что-то не в порядке с ураном. Сыплем и сыплем, а реактор гаснет».

Том Хиггинс тяжело вздохнул.

— Я не хотел верить парню, — угрюмо буркнул он. — Но в конце концов пошел в котельную со счетчиком Гейгера. В бочках вместо урановой руды оказались серые камни, покрытые флюоресцирующей краской. Поставщик обьегорил капитана. Тогда я пошел на мостик, доложил капитану, что, дескать, так и так, вместо урана — камушки. Тот побледнел, но прежде чем успел ответить, мы услышали голос марсового: «Эге-гей, перископ в кильватере!» «Ну, — говорит капитан, — везет. Это, наверно, военный корабль, возьмем у него пару бочек руды и даже не придется возвращаться в Сан-Франциско». Действительно, было похоже, что все обойдется, военный корабль всплыл, спросил нас в мегафон, что случилось и не может ли он нам чем-нибудь помочь. Мы объяснили, что произошло. Тогда корабль повернул на нас все свои ракеты, торпеды и орудия. Глядим: на перископе поднимается черный флаг с черепом и костями, а мегафон орет, чтобы мы не пробовали смяться, потому что все равно из этого ничего не выйдет.

Боцман на минуту замолчал, взял обеими руками бочонок и долго заливал глотку ромом. Потом вытер ладонью губы и продолжал:

— Но на этот раз Том Хиггинс оказался хитрее. Как только я понял, что это пираты, я сбросил на воду плотик с НЗ и что было сил принялся работать веслами. Негодяи были заняты абордажем и даже не пробовали меня догнать. Правда, запустили по мне ракету, но она угодила в огромную акулу, которая как раз собиралась по-

играть со старым Томом. Потом я поставил парус и взял курс на ближайшую сушу. Так плыл несколько часов, наступила ночь.

Старый Том глотнул рому и посмотрел в пространство с недоверием, словно еще раз переживал пробуждение.

— Парень, — сказал он, — старый Том Хиггинс много видел, но на этот раз не мог поверить собственным глазам. Когда я проснулся, плот стоял, зацепившись за ветки, у берега речки, куда, видимо, выбросил его прибой. Моря даже не было видно. Вокруг тропический лес. «Ну, и везет же тебе, старый Том Хиггинс!» — сказал я себе, взял рундучок с НЗ и вышел на берег.

Томас мгновение подумал и потянулся к бочонку.

— Едва я очутился на берегу, как вода закипела, словно стая акул дралась с боцманом. На всякий случай я отошел от берега и хорошо сделал, потому что из воды тут же высунулась огромная морда. Хочешь верь, хочешь не верь, но самая большая рыба так быстро не заглатывает матроса, как эта нечисть расправилась с моим плотиком. Я стоял, разинув рот, минут тридцать, прежде чем сказал себе: «Ну, теперь смотри в оба, Том Хиггинс. Было бы совсем скверно, если бы тебя сожрало такое чудовище».

Том явно заговаривался. Видно, слишком много выпил. Однако я не произнес ни слова — не хотел обижать старого моряка обвинением в самом страшном для него грехе.

— Хотел бы я за свою жизнь выпить столько рома, сколько оно могло проглотить за один раз, — сказал мечтательно Том. — Оно вылезало из воды, как огромный подводолет. Шея у него была длиной футов сто двадцать, а хвост и того длиннее. Я издали рассматривал его, и вдруг какой-то внутренний голос сказал мне: «Ты уже когда-то видел этого зверя, Том Хиггинс».

Старый моряк подпер подбородок кулаком и сидел так некоторое время. Потом сказал:

— Я размышлял, наверно, с час и наконец почувствовал себя так, словно из бушующего океана попал в тихую лагуну. Книга! Я видел это чудовище на картинке в книге. Но в какой? За свою жизнь я прочел целых три: «Корабельный справочник» Ллойда, очень интересный комикс «Лоо среди людоедов» и, наконец, старый роман о Робинзоне Крузо. Однако ни в одной из них не было рисунка этого дракона. Поэтому я напряг свою память и вспомнил что-то очень давнее.

Том сказал это тихо, словно устыдившись. Он хватил несколько глотков из бочонка и, как-то робко улыбаясь, продолжал:

— Не знаю, как ты, парень, а я, когда был еще мальчишкой, ходил в школу. Тогда меня заставляли читать разные книжки, вот в одной из них и были картинки с животными. На следующем уроке учитель должен был что-то говорить об этих драконах, но именно тогда я сбежал из школы и устроился юнгой на мотобот «Шквал».

Только после этого признания лицо Тома приняло выражение, приличествующее морскому волку. Он заглянул в уже пустой бочонок и, отставив его в сторону, потребовал у Чарли следующий.

— Мне казалось, я сплю, — признался он, когда откупорил пузатый бочонок. — Я шел через лес, потом по поляне, а вокруг ползали, извивались, летали всякие гады: одни огромные, как дома, другие — не больше корабельной крысы на японском паруснике. С деревьев падали ящерицы с перепончатыми крыльями, какие-то черные дьяволы, скрежеща зубами, носились у меня над головой. Заметив гору, я решил подняться на ее вершину и осмотреться.

Теперь Том надолго занялся ромом, а по выражению его лица я догадался, что через минуту узнаю о чем-то невероятном.

— Взялся я около часа, зато наверху, браток, я нашел такое... Вершина была углублена будто кратер вулкана, а внутри, на краю бетонной площадки для вертолетов, стоял деревянный домик, маленький, словно камбуз на двухместном паруснике. В домике не было ничего и ничего. Только посреди деревянного пола находился люк. Я поднял его крышку — там ступени. Ну, я сразу полез в люк и спустился по крутой лестнице в круглый зал, освещенный запыленной лампочкой. В стенах зала было семь дверей. За одной — совсем темный коридор. Другая — заперта. Третья — тоже. Открыв четвертую, я почувствовал, что глаза мои вылезают из орбит, словно у глубоководной рыбы. Вся гора была пустая, забетонированная, а в зале, таком большом, что в нем могла бы поместиться вся «Эмилия» вместе с мачтами, стояла машина, не похожая ни на что. Я сказал себе: «Это уж и впрямь неожиданность, Томас Хиггинс».

Томас тоскливо взглянул на бочонок с ромом, но продолжал дальше:

— Я тщательно обыскал весь зал, прежде чем нашел маленькую жестяную табличку, привинченную к выступающей части этой машины. На ней были нарисованы череп и зигзаги молний. «Это пахнет пиратами, Томас Хиггинс», — сказал я себе и хотел бежать, но заметил другую табличку.

Том нахмурился, с явным усилием думая о чем-то. Лишь после двух глотков рома морщины на его лбу разгладились и он заговорил дальше.

— Надпись была на английском языке, немного стертая, но я смог прочесть несколько слов. Помню только три, впрочем совершенно непонятные: «ТРАНСФОРМА-

ТОР ТРЕХСХОЖИХ ТЕНЗОДЕФОРМАЦИЙ». Я размышлял, что бы это могло значить, когда услышал шаги, кто-то открыл дверь и в зал вошли два человека в одеждах ученых. Они были очень удивлены, увидев меня, но тут же пригласили наверх, в вертолет, а потом начали выспрашивать о моих приключениях. Когда я рассказал все, они взглянули друг на друга, а потом один из них, с нашивками доктора, сказал: «Перед вами, боцман, величайшее открытие всех времен. Прибор, который вы видели внутри горы, это первая Машина времени, способная совершать такие деформации времени — пространства, что предметы, находящиеся в прошлом, переносятся в наше время. Доисторические чудовища прибыли на этот остров из так называемого юрского периода, то есть за сто пятьдесят миллионов лет до наших дней».

Так, братец, сказал тот доктор. А я подумал: «Это слишком сложно для тебя, старый Том Хиггинс», — и перестал слушать. Потом почувствовал, что меня кто-то трясет, и проснулся.

Том Хиггинс решительным движением поднес ко рту бочонок.

— «Боцман, — сказал тот доктор, — самым большим несчастьем мира является перенаселение. В двадцать первом веке, в эпоху космических полетов и колонизации планет, нам грозит голод. Если даже вспахать все континенты, выловить из океана всех рыб, производить консервы из насекомых, вырубить все деревья, кроме плодовых, повторяю, даже тогда, боцман, мы оттянем голодную смерть лет на пять или самое большее шесть. Наши ученые исследуют планеты солнечной системы, но, увы, только на Марсе отыскивали растительность, впрочем совершенно непригодную в пищу, так как в ней содержится цианистый калий, который эти организмы с удовольствием синтезируют в своих клетках. Если мы не

примем решительных мер, нам в ближайшее время грозит каннибализм, ибо человек, боцман, стал самым распространенным на земле живым существом».

Том некоторое время беззвучно шевелил губами.

— Доктор говорил: «Пять лет назад положение было безнадежным. Казалось, что мы использовали уже все резервы. Вы помните, боцман, гибрид пшеницы со свеклой? В то время нельзя было отказываться и от кореньев! Нам удалось оттянуть катастрофу, но воистину это была пиррова победа. Тогда мы поняли, что опасность голода будет вечно грозить человечеству, если не принять какого-нибудь кардинального решения». Тут доктор посмотрел на меня с гордостью. «Такое решение, — сказал он, — существует!» Должен тебе сказать, что я, наверно, опять заснул бы, если бы не запах мяса, который долетел до меня сквозь открытое окно вертолета. Неподалеку горел костер, а над ним жарился огромный кусок мяса. Я был голоден, словно потерпевший крушение, который неделю назад сожрал последнего из своих товарищей.

Тем временем доктор продолжал говорить: «Машина времени существовала уже тогда, когда Йосеки Ясода из голодающей Японии сообщил на конференции в Токио: «Пришла пора прошлому спасти нас!» Он предложил проникнуть острием воронки времени в юрский период, чтобы перенести к нам некоторое количество доисторических чудовищ и их мясом накормить изголодавшееся человечество. «Таким образом, — говорил Йосеки Ясода, — чудовища исполнят свою миссию, погибая именно тогда, когда этого желает Природа. Их смерть окажет человечеству двойную услугу: во-первых, спасет от голода, а во-вторых, откроет путь свободному развитию предков человека — млекопитающих». Этот проект был принят, и именно поэтому, боцман, на острове сегодня живут эти необычные животные».

Доктор шире открыл окно кабины и показал на костер: «Если переборешь свою сонливость, боцман, — сказал он, — примешь участие в первом пиршестве и полакомишься мясом юрского динозавра. Наши друзья поймали его, пока ты спал». Тогда я встал и пошел за доктором. Мясо шипело на огне, жир пузырился и горел, каплями падая в костер. Мне подали огромный немного обуглившийся кусок.

Том Хиггинс с бешенством потянулся к бочонку.

— В жизни не пробовал ничего отвратнее того мяса! — наконец сказал он. — Достаточно было откусить кусочек этого бифштекса, как в желудке начинались спазмы. Да. Все молчали. Все угрюмо смотрели на огонь, наконец самый главный, в мундире профессора, произнес: «Пожалуй, погасим этот костер, а?»

И Том Хиггинс опять умолк. Он бессознательно оглядывался по сторонам, пока взгляд его не остановился на надписи «ТРЕХДЮЙМОВЫЕ БИФШТЕКСЫ».

— Я тебе скажу, приятель, — сказал он. — В это мясо добавляют какие-то порошки, которые улучшают вкус, его перемалывают, смешивают с говядиной или с чем-то там еще. Может, это и помогает, не каждый способен почувствовать разницу во вкусе. Но я могу. Ты думаешь, то, что в магазинах называют мясом, имеет что-нибудь общее с тем, что называлось так раньше?

Том Хиггинс, покачиваясь, поднялся из-за стола, рассчитался с Чарли и вышел из таверны. Так я видел его последний раз, огромного, плечистого моряка, последнего человека Эры трехдюймовых бифштексов.

ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРЕ

Мы играли за городом в электров. Арне начал считать, кто будет электром, но в это время над нами раздался свист садящейся ракеты. Она опустилась шагах в пятнадцати от нас и несколько секунд раскачивалась на своих длинных, паучьих ногах.

— Видно, новая модель, — заметил Арне.

Я тоже сказал, что еще не видел такой ракеты.

Мы подошли поближе. Ноги ракеты подогнулись и она коснулась земли. Действительно, она была какой-то странной. На ее корпусе черной краской были наклеены какие-то знаки.

— Почему никто не выходит? — спросил я.

— Чудак, — сказал Арне. — Она должна остыть.

Но очень скоро дверь в брюхе ракеты отворилась и из нее выскочила длинная раскладная лесенка, по которой начал спускаться кто-то в шлеме и серебристом скафандре. Он выглядел совсем как человек. Арне тоже это заметил и сказал:

— Какой-то чудной электр.

Тем временем пилот снял шлем и мы увидели, что он действительно человек. Арне даже присвистнул от удивления, а пилот, заметив нас, принялся махать рукой, подзывая к ракете.

— Может, лучше смоемся? — спросил я.

Арне был иного мнения.

— Пойдем, — сказал он. — Смыться всегда успеем.

Пилот поджидал нас, сидя на ступеньке лесенки. Когда мы подошли, он спросил, как нас зовут.

— Я Рой, — ответил я.

— Я Арне, — сказал Арне. — А ты кто?

— Том, — широко улыбнулся пилот и спросил: — А что вы тут делаете, ребята?

— Играем в электров, — быстро ответил Арне.

— Первый раз слышу, — удивился пилот. — Электры? Что это?

Арне аж поперхнулся. Пилот минуту смотрел на него, потом перестал улыбаться.

— Я должен вам объяснить, ребята, — сказал он. — Я прилетел с Земли и вовсе не собираюсь над вами шутить. Я действительно не знаю, что такое электр.

— Врет, — шепнул мне Арне. — Нет такого города Земля.

Пилот, казалось, был удивлен еще больше, чем Арне. Он вытащил из кармана комбинезона бумажную трубочку и блестящую коробочку. Трубочку взял в рот, щелкнул коробочкой, и то, что он держал во рту, зажглось. Оно горело совсем не так, как бумага: огонек был едва виден, зато дыма было уйма. Арне закашлялся.

— Ну, — нетерпеливо сказал пилот. — Земля. Планета в солнечной системе. Точно. Можешь мне верить. А теперь расскажите мне об этих электрах.

— А, — понял Арне. — Ты с другой планеты.

— Ну да, — сказал пилот и затаился ядовитым дымом. Арне отодвинулся на несколько шагов и подтолкнул меня локтем.

— Разрази меня молния, — шепнул он, — если я сумею ему объяснить, что такое электры. Это, наверно, сумасшедший.

— Итак? — сказал пилот. Теперь он смотрел на меня, поэтому я сказал:

— Есть разные виды электров.

— Какие?

— Полицейские, пилоты, мыслетроны и супермысле-
троны, транзисты и лампачи.

— А, роботы.

Я испугался.

— Так нельзя говорить. Это нехорошее слово.

Пилот слегка улыбнулся.

— Ну-ну. Так, значит, вы играли в этих электров?

— Да, — вставил Арне. — Хорошая игра. Сначала считаются, кто будет электром, а потом он может давать другому разные приказы, потому что, понимаешь, тот, второй-то, человек. Например, влезть на высокое дерево, или поймать травчика, или сорвать цветоцвет с какой-нибудь клумбы и при этом не попасться в руки сторожу. Ну, а потом другой становится электром и может отыгаться.

— А не наоборот? — спросил пилот. — Тот, кому выпало быть электром, должен слушаться человека?

Арне замолчал и опять толкнул меня локтем.

— Нет, — сказал я. — Арне сказал верно.

Пилот смотрел на нас так, что мне стало как-то не по себе.

— Уж не собираетесь ли вы убедить меня, братцы, — медленно сказал он, — что у вас машины могут командовать людьми.

— Не машины, — отрицательно покачал я головой, — а электры.

— Что же в таком случае делают люди?

— Разное. Работают в магазинах с магнитерией или на электростанциях.

— А почему этого не делают электры?

— Потому что они там могут намагнититься, — объяснил я. — Если на двери повесить объявление «Внимание, 1000 гаусс», ни один электр не войдет.

— Где еще работают люди? — спросил пилот. — Есть

у вас ученые? Ну, те, кто занимается физикой, математикой и так далее.

Мы с Арне взглянули друг на друга.

— Нет, — сказал Арне.

— Может, на вашей планете и школ-то нет? Вы хоть читать и писать-то умеете?

Арне обиделся.

— Есть у нас школы, — сказал он. — Но сейчас у нас каникулы.

Пилот погасил бумажную трубочку и вынул из кармана другую.

Руки у него дрожали, но не от страха, а от злости. Я подумал, что, может, лучше бы все-таки сбежать, но не хотел говорить об этом Арне, чтобы он не подумал, будто я трусил. Пилот встал и принялся ходить взад и вперед по траве.

— Кто управляет вашей планетой?

— Президент, — сказал Арне.

— Надеюсь, это человек?

Арне вытаращил глаза.

— Тогда, кто же у вас президент, черт побери!

— Супермыслетрон, — неуверенно сказал Арне.

Пилот был здорово разозлен, но ничего не сказал, только еще быстрее стал ходить туда и обратно. Спустя некоторое время он успокоился и тяжело присел на лесенку.

— Слушайте, ребята, — сказал он. — Либо я спятил, либо на вашей планете творится черт-те что. Я всегда считал, что это довольно скверно, когда корабли с Земли посещают звездные поселения не чаще, чем раз в двести лет, но мне даже и в голову не приходило, что за это время дело может дойти до бунта машин, а ведь именно что-то подобное произошло тут у вас. Почему люди слушают приказы этих... электронов?

Арне опять опередил меня.

— Потому что электроны умнее.

Пилот выругался так ужасно, что ни я, ни Арне не смогли запомнить того, что он сказал. Мне так захотелось смыться, как еще никогда в жизни.

— Ладно, — успокоился пилот. — Вы тут ни при чем. Но хоть поймите, что электроны — это машины, которые, правда, умеют быстро считать, но наверняка в ста тысячах кубических парсеках пустоты нет и не будет машины, которая была бы умнее человека. В конце концов, это же люди их построили, а не наоборот.

— Вот именно, что наоборот, — уперся Арне.

Пилот собирался было разразиться ругательствами, но сдержался и даже улыбнулся Арне.

— Если бы было время, я сам построил бы вам такого мыслящего дьявола.

— Неправда, — сказал Арне. — Ни один человек не может этого сделать. Мой дядя пытался построить транзистор, но ничего из этого не получилось. А электроны очень умные. Я сам знал полицейского, который ухитрялся помножить в уме двадцать четыре тысячи пятьсот восемьдесят два на пятнадцать тысяч сто четыре и у него всегда получалось триста семьдесят один миллион двести восемьдесят шесть тысяч пятьсот двадцать восемь.

Пилот некоторое время молчал. Зато Арне заговорил опять.

— Или вот мой брат Аль. Он нашел ржавый корпус электрона на какой-то свалке.

— Да? — заинтересовался пилот.

— Исправил его и надел на себя, — сказал с чувством Арне. Он рассказывал об этом, наверно, уже в тысячный раз и всегда одинаково. — Потом пошел в Клуб электронных полицейских, туда, где такие смешные столы в клетку и на них играют в шахматы. Один электр

начал играть с Алем в эти шахматы. Аль рассказывал, что электр сразу понял, что Аль — человек, потому что Аль все время ошибался и по невнимательности отдал двух коней. Но он ничего не сказал и пригласил Аля в бар на триста вольт в прямоугольном импульсе. Аль воткнул свою вилку в штепсель и его так тряхнуло, что он еле очухался.

Пилот закусил губу.

— Значит, — сказал он, — вам чертовски хорошо на этой планете? Вы, наверно, вовсе и не хотели бы, чтобы было иначе, правда? Рой, хочешь иметь робота, который станет делать все, что ты ему прикажешь?

Я немного подумал и сказал, что хочу. Пилот повеселел.

— А ты, Арне?

— А он будет ходить вместо меня в школу? — неуверенно спросил Арне.

Пилот наморщил лоб.

— Нет.

Арне был разочарован, однако сказал, что хотел бы, но у нас нельзя иметь роботов.

Мы замолчали. Пилот затянулся голубоватым дымом, словно это было величайшим наслаждением на свете. Арне не мог на это смотреть и подошел к одной из ног ракеты, чтобы как следует ее разглядеть.

Немного погодя пилот спросил:

— Наверно, не все люди так уж слушают этих электров? Только не выдумывайте, вы же говорили, что существует полиция.

Я не знал, что сказать, и, конечно, Арне опять успел влезть, хотя был на несколько шагов дальше.

— Мой дядя Лео был камердинером у одного электронного мозга на улице Дудиода. Это был старый лампач без единого транзистора. Дядя Лео рассказывал мне

о нем много смешного. Этот лампач ужасно боялся молний и во время грозы не позволял заземлять себе шасси.

— Интересно, — сказал пилот, — и что же?

— Однажды дядя очень разозлился на этого лампача, — сказал Арне, — ему назло не отключил заземление. И как раз тут ударила молния и у старика полопались все экраны. Дяде за это пришлось целый год крутить динамо.

— Беспрерывно?

— Нет, — сказал Арне. — Судья присудил дяде много киловатт-часов, и ему пришлось накручивать их каждый вечер.

— Ясно, — проворчал пилот.

Арне уселся на траву напротив него и наклонил голову, чтобы увидеть макушку ракеты. Мне уже по уши было рассказов Арне, поэтому я воспользовался случаем и спросил пилота:

— Ты прилетел с Земли один?

— Не совсем, — сказал пилот. — На орбите находится корабль, он называется «Норберт Винер», в нем от носа до основания зеркала триста четырнадцать метров. Наверху осталось двенадцать человек и десять роботов. Всем командует командир Лаготт, и пусть меня треснет сто килограммов антиматерии, если это не человек из плоти и крови.

— И роботы слушаются людей?

— Еще как. Ходят по струнке.

— Земля очень далеко отсюда? — спросил Арне.

— От Солнца до вашей планеты свет летит двадцать три года. Мы летели двадцать пять.

— Ого! — сказал Арне, однако по выражению его лица я видел, что он вовсе не верит пилоту.

— Врет, — шепнул он мне, — ему самому не дашь больше двадцати пяти.

Между тем пилот взглянул на совсем обыкновенные часы и сказал, что должен войти в ракету.

— Если хотите посмотреть, как там внутри, то пошли, — сказал он. — Только осторожно, без фокусов.

Мы поднялись по лесенке. Я немного боялся, но Арне уже вошел внутрь. Не мог же я отставать! Внутри был вертикальный ход, по которому можно было подниматься, держась за скобы, а в его стенах отворялись дверцы кабин. На самом верху проход закрывала толстая плита. Пилот сказал, что за ней двигатель и реактор.

Потом пилот оставил нас одних и полез в одну из кабин наверху. Арне сказал, чтобы я сидел тихо, а сам отправился следом за пилотом. Заглянув в приоткрытые двери, он быстро съехал вниз.

— Рой, — сказал он тихо, — этот пилот врет.

— Ну да?

— Врет, как не знаю кто. Он ни с какой ни с Земли. То, что он говорил об электрах, — липа. Если не веришь, загляни сам.

Я, наверно, побледнел, но поступил так, как говорил Арне. Действительно, пилот сидел в большом кресле перед щитом огромного электра, какого-то супермыслетрона, ворчащего и поблескивающего экранами. На щите у него была надпись «Радиостанция», наверно, так его звали. Я еще не видел электра, который бы выглядел так грозно. Он что-то резко говорил пилоту, а тот все время отвечал: «Так точно, командор». Сомневаться, кто из них чьи приказы слушает, не приходилось. Я тут же вернулся вниз, где ждал Арне.

— А я ему тут наплел, — сказал Арне. — Сматываемся?

— Да поскорее!

Мы слетели по лесенке и были счастливы, что нам удалось убежать.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЙ

Я шел по коридору в поисках купе номер 14, в котором было свободное место. Вот и оно. Открыл дверь: одно кресло, действительно, свободно, на другом сидит высокий смуглый брюнет. Он внимательно посмотрел на меня и, поднявшись, протянул руку.

— Попутчик?

— Да,— ответил я и сел, глубоко погрузившись в мягкое, даже слишком мягкое, на мой взгляд, кресло. Инстинктивно я потянулся включить телевизор, но, наткнувшись на гладкую стену, вспомнил, что нахожусь в купе второго класса.

Вагон тронулся. Двигатель вибрировал, пол и стены дрожали. Избыток мощности — на меня это всегда действует! Ускорение росло, и кресло прогибалось, продавливалось, спрессовывалось, наконец, просто стало твердой подушкой из стеклянной ваты.

Я смотрел на своего спутника — его вдавило еще глубже: он был выше и тяжелее. Скривившиеся губы, отсутствующий взгляд.

Когда двигатель умолк и ускорение уменьшилось, мой спутник спросил:

— Вы не знаете, когда мы пройдем над каналом?

— Как обычно. Через пятнадцать минут.

— И долго мы над ним будем?

— Пять минут.

Над нами что-то шелкнуло. Видимо, мы миновали стык. Брюнет нахмурился.

— Водолеты из Кале ходят по этой же трассе?

— Нет, восточнее.

Мне показалось, что он чем-то озабочен. Верхняя лампа вдруг потемнела, стала голубой, потом снова разгорелась.

— Впрочем, все равно ночь. А жаль...

Я был удивлен.

— Вы никогда не видели водолета?

— Почему же. — Он улыбнулся, как бы сконфузившись. — Я же не негр из племени балуба. Видел в кино, по телевидению, а вот на море — никогда.

— Ну, что ж, — сказал я, — водолеты точно как на картинках, только немного побольше.

Он поморщился.

— Шутите... Для меня это последний случай их увидеть. Я улетаю. А там водолет не встретишь.

— Вы американец? — спросил я.

Он замялся.

— Нет. Англичанин из Оксфорда.

Название своего родного города он произнес с гордостью, достойной истинного британца.

— И не видели водолетов?

— Речные видел. На Темзе.

Я встал и подошел к окну. Стекла были закрыты. Я нажал кнопку — жалюзи медленно раздвинулись. Внизу в темноте блестела вода канала.

— Сейчас войдем в туннель, — я снова задвинул жалюзи.

Теперь мы сидели молча. Я ждал передачи «Би-Би-Си». Их транслировали по всем каютам. В репродукторе щелкнуло и раздался голос диктора:

— Передаем новости радио «Би-Би-Си». — Букву «Си» диктор смешно смягчал. Впрочем, может быть, виноват был динамик.

— Принц Уэльский, — начал диктор, — наградил рек-

тора Оксфордского университета доктора Иверсона и профессора Зальцбургского университета доктора Юговича орденами за их заслуги в разработке теории Дейвиса — Германна.

— Иверсона? — вдруг, словно очнувшись от дремоты, спросил мой спутник.

— Да. Вы его знаете? Впрочем, вы же из Оксфорда, — вспомнил я. — А что, собственно, этот Иверсон сделал?

— Помогал Дейвису.

Он минуту помолчал.

— Как вы думаете, сколько мне лет? — он встал, ожидая ответа. Сжал губы, словно не хотел улыбаться раньше времени.

Я взглянул на его густые черные волосы. Они напоминали искусственное волокно: блестящие, эластичные, пружинистые.

— Самое большое... ну... двадцать пять, — сказал я.

Он как будто хотел улыбнуться и не смог.

— Пятнадцать. Ровно на десять меньше, — только теперь он улыбнулся, показав зубы. Они тоже казались какими-то необычными, как нейлоновые.

Я вопросительно смотрел на этого странного человека.

— Вы не слышали об ускоренном развитии? Инкубатор, ящик, обогреватели, контролирующие автоматы... И все это в лаборатории. Потом колясочка, знаете, как в больницах: такая кровать на колесах, четыре высоких ножки и колеса. Внутри выложено пористой резиной, потом пластиковая фольга, марля, фольга, марля... Стерильность... — он усмехнулся. — Вы что-нибудь поняли? Ничего, конечно же, ничего! —

Я наклонился, внимательно рассматривая носки своих ботинок. Окна вагона открылись, и желтый свет ламп из туннеля залил купе.

— Значит, на вас проделывали опыты? — спросил я спустя минуту. Вагон вибрировал все сильнее, набирая скорость. Мы выезжали из туннеля, рядом мелькали длинные черточки неоновых фонарей. Внизу бежали светлые точки барьеров автострადы.

— Опыты... На мне... — он на мгновение замялся. — А, да, опыты, — он скривился в улыбке. — И еще какие! Вы знаете химию? Ну, хоть немного?

Я кивнул.

— Так вот: реакция в пробирке, и из этой стекляшки вылезает живой человек. Это, кажется, называется анализ... нет синтез. Конечно, синтез.

— Большая же должна быть пробирка, — пошутил я.

Он как-то грустно взглянул на меня.

— Да нет. Маленькая. Маленькая пробирка-инкубатор. Ее совсем не видно в стойках аппаратуры. С ней обращаются, как с яйцом. Стерильные перчатки. А то, что внутри, должно пролежать там целый год. Должно, знаете, постареть, как вино... Нет, не знаю, как это называется. Пожалуй, все-таки не как вино, а как виноград. Вот — дозреть. Пробирку ежедневно рассматривают под микроскопом. Есть у них такой микроскоп — не микроскоп, все это под стеклом, под большим увеличительным стеклом, а над ним зеркальце и окуляр. Смотришь в окуляр и видишь... Да, а потом подъезжают с обогреваемой коляской, внизу электрические подушки, открывают клапан и раз-два — готово: по стерильному желобку в стерильную коляску съезжает стерильный новорожденный.

Я улыбнулся.

— А потом... Знаете, что дальше? — он явно оживился. — Потом ребенка опускают в бассейн с питательной жидкостью, под колпак с кислородом, колют какими-то иглками. Делают искусственное молоко в лабораторных стаканах. Ребенок растет. Через год такой жизни он вы-

глядит, как шестилетний. Да, только разум-то, как у шестилетней... ну... улитки. И ходить не умеет. Так знаете, что они делают?

Он замолчал. Окна бесшумно закрылись. Вагон тормозил. Шипели пневматики. Репродуктор несмело произнес:

— Станция Бирмингем. Ноль часов, четырнадцать минут.

— Бирмингем? — пятнадцатилетний чудак задумался. — Еще далеко до конечной станции?

— До Дублина? Три часа. Вы летите дальше? — спросил я. — В Америку?

— Да. До Ванденберга... Знаете, где это?

— Ах, до Ванденберга... А из Ванденберга?

— А вам не известно, куда ведет дорога из Ванденберга? На Луну. Знаете, я еще не был на Луне. Вы это понимаете? Пожалуй, да, потому что и вы не были. А вот в Ванденберге не понимают. Не могут себе этого представить, — усмехнулся он. — Когда я подал заявление, они дали мне только пробный полет — до Спутника и обратно. Пришлось лететь Тором. «А почему бы нет?» — сказал я и сел. Я два года обучался в имитаторах. Встал на пламени, а потом... фю-ю! В космос! Забыл только об одном: что надо застегнуть ремни. Я еще удивлялся: в имитаторах мне всегда что-то мешало наклоняться. В голову не приходило, что это ремни. Перед выходом на орбиту я тормознул, ну и треснулся головой о щит. Разбил нос и лоб. На орбиту вышел слишком низко. В Ванденберге сказали, что в этом нет ничего особенного. Я пытался объяснить... — он осекся.

Вагон тронулся.

— Made in Oxford. Здорово звучит? Я made in Oxford. Даже фамилия. Моя фамилия Фоксор, это тоже переделано из «Оксфорд». Университет, колледж...

А если ребенок не умеет ходить... Да, этого я вам еще не рассказал... Есть у них такая машина. Ассистенты засовывают в нее подопечного. На ногах застегивают захваты. Потом включают двигатель. Раз, два... раз, два... физические упражнения. Для укрепления мускулов... Потом коляска — перевернутый конус — охватывает объект в поясе и заставляет двигаться. Перевернуться невозможно. Это предусмотрено.

— Здорово, — сказал я.

— Ага, здорово, — повторил он апатично. — Но это не все. Есть у них этикие кабины. Эcranчики, электроды. Метод Леви — Костара. Электрошоки. Вы обратили внимание, что, как правило, мы помним момент, предшествующий событию?

— Ну и что?

— Ну, это и есть метод Леви — Костара. Проецируют картинку, проигрывают пластинку и... шок. Подопытный корчится и воет. Но запоминает картинку и слова: «дом», «кукла», «автомобиль», «синхрофазотрон» и так далее. Подопытный помнит. Ага, вы не знаете, что у подопытного нет зеркальца. Он видит каких-то странных существ и не знает, что является одним из них. Думает, что он что-то другое, ну, такая обезьянка, подопытный кролик, а не человек. Обезьянка вся исколотая, питаемая вливаниями. Завтрак, обед, ужин. Только позже его учат есть. Научно. Показывают кино: толстенький блондинчик перед тарелочкой каши. Какой-то остряк назвал этот фильм «Приятного аппетита»... Благо-го-да-рю! — проскандировал он и замолчал.

— Вы говорите, что в лаборатории смогли создать... Я думал, проводятся только предварительные исследования, опыты, — сказал я.

Он иронически улыбнулся.

— Вы слышали о Гастрови? Двадцать пять лет назад

он выступил со своей видоизмененной теорией эволюции. Вы знаете о ней?

— Это уже история.

— Не скажите... Так вот, он утверждал и весьма остроумно, что сможет создать искусственного человека. «Искусственного»! Идиот! Он рассуждал примерно так: люди — это более высокая ступень развития, чем обезьяны. Следовательно, обезьяна, если ее поместить где-нибудь на леднике, спустя некоторое время превратилась бы в человека. Ну, разумеется, не та самая обезьяна. Ее потомок. К тому же потомок не каждой обезьяны, а, скажем, той, у которой по счастливой случайности оказался теплый шерстяной покров. Благодаря этому она спасет свою жизнь.

— А ее потомок может быть лысым,— сказал я.

— Теоретически,— снова улыбнулся он.— Так вот Гастрови утверждает, что нет. Он говорит, что потомок сохранит полезные признаки. Что-то вроде управляемых мутаций генов. Сложно, правда?

Я что-то побурчал.

— А у этого потомка может быть в свою очередь брат тоже с каким-нибудь полезным свойством, скажем, более коротким хвостом. Я, конечно, шучу. Так, к примеру. И у потомка этого потомка опять будет короткий хвост. И так далее, до самого человека. Но это длится изрядно долго. Постоянное влияние условий окружающей среды на гены. Понимаете? Все более короткий хвост, все больший объем черепа... Но Гастрови сказал: «А что, если сразу?» Одним словом, осчастливить обезьяну человеческим потомком путем усиления восприимчивости генов к внешним условиям, но только к некоторым условиям. Написаны толстенные тома: «Теория эволюции Дарвина и теория Гастрови». Потом еще «Основы управления эволюцией» или «Ускорение жизненных процессов». Это на-

писал Дейвис. Именно он, англичанин, взялся за это. Он руководил кафедрой в Оксфорде.

Юноша на минуту замолчал и как-то странно взглянул на меня.

— И начались опыты. Но тут в Оксфорд приехал Югович и начался ад. Югович сказал, что предпосылки ошибочны, создал специальную комиссию, которая должна была курировать эксперимент. Говорил об ответственности. Все-таки речь шла о человеке. Но это было ни к чему. Вы, наверно, знаете, что мы происходим не от шимпанзе. Правда, у нас общие предки. А если развить шимпанзе, из него мог бы вырасти не человек, а кто знает, какой уродец. Ведь это было бы развитие боковой ветви. Что-то вроде эволюции крокодилов. Значит, сначала надо было отбросить шимпанзе назад, а только потом создавать человека. А как отбросить шимпанзе? Что из него сделать? Ведь общий предок — это пресловутое «промежуточное звено» — точно не известен.

Он глубже погрузился в кресло и склонил голову набок.

— Но гипотеза уже была. Ее надо было только реализовать. Пять лет в Оксфорде Дейвис и Германн, опубликовавший в это время «Проблемы современной биологии», проводили исследования и писали свою работу. Как раз тогда Германн защитил диссертацию. Они начали изучать условия, в которых наш общий предок бегал где-то в Африке. Но это им не помогло. Тогда они подошли к вопросу иначе: стали исследовать эволюционное древо гиббона. Гиббон, как известно, не самая разумная из обезьян, поэтому они решили, что она ближе к тому пресловутому предку.

Юноша замолчал и снова взглянул на меня.

— Я вижу, вы не понимаете, почему взяли именно гиббона? Дейвис исходил из того, что шимпанзе стоит,

можно, пожалуй, сказать, на вершине человекообразных. Горилла и орангутанг — немного ниже, следовательно, путь их развития короче. А еще короче развивался гиббон. С трудом удалось воспроизвести его предполагаемого предка. Было решено проверить эволюцию методом Германна, так называемым «методом коррекции зародыша». Вот и начали развивать эмбрион, взятый у того прагиббона. Так дошли до шимпанзе. Эксперимент удался. Германн торжествовал. Теперь оставалось только создать человека. Надо было соответственно изменить условия, а одновременно ввести бедному прагиббону определенные гормоны. Впрочем, я в этом никогда не разбирался... Они хотели увеличить восприимчивость к изменению наследственных признаков и искусственно изменить эти свойства. Ну, и не получилось.

Я вопросительно посмотрел на потомка гиббона.

— Вот так. Не удалось. Просто прагиббон не был прачеловеком. Пути эволюции разошлись еще раньше, и надо было найти прапрагиббона. Но Дейвис и Германн не сразу пришли к этому выводу. Они подумали, что, быть может, мы исходим от прагориллы и что гиббон не прагорилла, а путь эволюции был иным, и мы отделились от обезьян еще раньше. Проблема усложнилась, потому что все обстояло как раз наоборот.

— И?

— И ничего. Позже они напали на верный путь. Но когда они были уже в одном шаге от решения, вмешалась комиссия Юговича. Югович сказал — что он мог еще сказать? — ответственность! Преступление! Что даже во имя науки нельзя!

— А вы как считаете? — спросил я. — На ваш взгляд, он был прав?

— Как посмотреть, — улыбнулся он. — Я думаю, что да. Но Дейвис... Целью Дейвиса было создание искусст-

венного человека. Так он это назвал, но это ересь. «Искусственный». Скотина и только.

Он замолчал и глубоко вздохнул.

— Впрочем, Дейвис мог уже почивать на лаврах,— сказал он немного погодя.— Но Германи, молодой, не очень сильный в психологии и слабый в философии, решил идти дальше, хотя бы по трупам лаборантов, помощников и подопытных. Опыты продолжились. Оксфорд не протестовал. Юговича называли «императорским гуманистом». Югович ничего не добился. Впрочем, не это было самым скверным...

— А что? — спросил я.

Он вздохнул и наклонился в кресле.

— Что было наихудшее? Бэрнин. Доктор Бэрнин. Он тогда закончил «Теорию воспитания». По Леви — Костару. Вы уже знаете, что получилось из его «теории»... Все эти машинки делали Бэрнин с Германном. Названия у них, как у орудий пыток, — «растягиватель Германина», например. Дейвис таким не был.

Я поднял голову.

— Дейвис таким не был, — повторил он. — Тот соби-
рался отдать созданного ребенка на воспитание. Нашлись даже воспитатели. Ну и что? Дейвис умер семнадцать лет назад, не закончив работу. А Германи и Бэрнин взяли дело в свои лапы. Решили воспитывать ребенка методом Бэрнина. Для лучшего контроля. Пускали пыль в глаза, что мол хотят получить не человека, а неандертальца. Только не зная Германина, в это можно было поверить.

Он выпрямился и улыбнулся.

— Пятнадцать лет назад наступил исторический момент. «Запустили» первого человека — потомка гиббона. Месяцем позже Германи погиб над Атлантикой, когда летел в Сан-Франциско. Остался Бэрнин. Практичный

Бэрнин начал «воспитывать». По методу Леви — Костара. В пять лет экземпляр достиг зрелости. Его называли Фоксор. Точнее — Чарльз Фоксор. Бэрнин хотел назвать иначе, но Оксфорд... Ну, вы же знаете, англичане — патриоты. Ректор Иверсон тоже. Бэрнин получил кафедру в Оксфорде, а Чарльз Фоксор начал учиться. Нет, не медицине. Физике. Позже я стал пилотом.

Этот неожиданный переход к первому лицу заставил его покраснеть. Теперь он уже не был холодным, ироническим наблюдателем.

— Итак, вы воспитаны в институте? — спросил я.

— В институте? В университете, в Оксфорде, кафедра биологии, — сказал он гордо. — Воспитан? Не то слово. Я выведен. Вот так, как морские свинки.

Я молчал. Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Не хотите признать во мне ближнего? — спросил он. — Я происхожу от гиббона и, не стесняясь, говорю об этом. Это только я происхожу от обезьяны, Вы-то ведь нет. Я просто похож на вас? Да?

Он наклонился.

— Не знаю, — начал я.

Но он перебил:

— Ладно, ладно. Я много раз слышал это. Во мне пытались отыскать отрицательные черты, дошло до того, что мои глаза, веки, руки были признаны типично обезьяньими. Вы, наверно, тоже обнаружили что-нибудь подобное. Иначе говоря, меня надо запереть в клетку? Показывать?

— Но вы...

— Да, да!! — кричал он. — Я рассуждаю, как человек. Так же, как человек. Я — такая очень умная обезьяна, не правда ли? А вы человек-от дедов и прадедов? Может, вы ведете свой род от римлян? Может, от Вильгельма Завоевателя? А я твердо знаю, что происхожу от обезьяны. И вы это знаете. Все в Оксфорде знают — по крайней

мере доктора и профессора. И Бэрнин... и Иверсон... И от кого? От гиббона, от прагиббона, млекопитающего, жившего еще вчера.

— Вы напрасно нервничаете,— сказал я, не зная, что можно сказать еще.

Я боялся, что он начнет смеяться. Но он вдруг успокоился.

— Все в порядке. Я только хотел вам объяснить. Ах, впрочем, ничего...

Он удобнее устроился в кресле.

— И что стало с Бэрнином? — спросил я.

— Что? Ничего. Умер пять лет назад. Югович опечата-
л материалы. Работы были прерваны. Взамен я согласился на Ванденберг. На Марс, Юпитер, тау Кита. Буду астронавтом, пилотом. Через сто лет вернусь на Землю. Буду я — Чарльз Фоксор, made in Oxford, а Оксфорда, может, уже не будет? Тогда я сменил бы имя на Фоксор оф Оксфорд.

Он говорил это уже спокойно, очень спокойно и с легкой усмешкой.

— Вы входите в экипаж «Бонье»? — я был заинтригован.

Пассажир английского межзвездного корабля! Это было интересней, чем обезьяньи воспоминания.

— До конечной станции Дублин пятнадцать минут,— заскрежетал динамик.— Начинаем торможение. Внимание!

Загудели тормозные турбины.

— В экипаж «Бонье»? Да. Мне был предложен Марс, а я выбрал «Бонье». Вернусь через сто лет и не застану Иверсона. А, может быть, и Оксфорда. Может, будет война и Оксфорд сровняют с землей. А то сейчас он возвышается над ней. Впрочем, я бы не хотел, чтобы весь Оксфорд... Дейвис — он был ничего. Только Бэрнин и

Германн. Ну, и Иверсон. Разве я знаю, что делается там, на физическом?.. Кажется, создают искусственные мозги. Этакие настоящие мозги, не арифмометры. Беседуют с ними. Монтируют контуры с инстинктом самосохранения. Исследуют предсмертные реакции. Видимо, биологи им завидуют... Иверсон как-то признался мне (о, я был с ним на «ты»), что будет работать с осьминогами. Хочет создать марсиан, тех, уэллсовских, а потом напустить на Лондон. Вроде той телепостановки, как пятьдесят лет назад в Штатах, только на самом деле. Этот старый Иверсон... Он не лишен фантазии. Однажды он пытался вмонтировать своему ассистенту электроды и управлять его мозгом. В связи с этим у него были какие-то неприятности...

Мы остановились. Двери раскрылись. Горели голубые лампы вокзала. Я вышел. Вслед за мной вышел и он, астронавт Чарльз Фоксор оф Оксфорд оф гиббон.

— Вы летите отсюда? — спросил я.

Он кивнул. Чемоданов при нем не было, видимо, он отправил их багажом, это было гораздо дешевле.

— Я лечу специальной ракетой, — сказал он. — Я здесь впервые. Не имею понятия...

Неожиданно рывкнул динамик:

— Мистер Чарльз Фоксор, вас приглашают в ракетную часть, четвертый павильон. Повторяю: мистер Чарльз Фоксор, ракетная часть, четвертый павильон.

— Да, но где это? — сказал он, поморщившись, и оглянулся.

Голубой свет ламп местами был слабее, и куполообразный потолок горел полосками синевы.

— Я вас провожу, — предложил я.

— Пожалуйста.

Он благодарно взглянул на меня и пошел следом. Мы встали на подвижный ходок, двигавшийся между изги-

бающимися полукругом оранжевыми стенами. Я потянул спутника за рукав — пора было сходить. Мы прошли по просторной остекленной галерее и вышли наружу. Было темно и холодно.

— Какой номер павильона? — спросил я. — Кажется, четыре?

— Да.

Мы остановились перед шлагбаумом. Зеленый автомат, стоявший сбоку, осветил нас прожектором. Шлагбаум поднялся. Мой спутник перешагнул белую фосфоресцирующую линию и направился в сторону неоновой четверки на низком здании.

ФИОЛЕТОВОЕ ОЗЕРО ОАХ

— Я ждал тебя в зоне возвращения, ты опоздал на пять дней, Орт ждет нас у фиолетового озера Оах — это прекраснейшее из озер, изумительный оазис, окруженный кольцом Розовых гор, которые защищают долину от северных бурь и горячего дыхания Великой пустыни, воздух — истинный бальзам. Орт говорит, что такой воздух воскрешает даже мертвых. На берегах фиолетового озера построены сотни павильонов для отдыха, регуляры всех рангов восстанавливают здесь свои силы. Я беспрерывно говорю и говорю, а ты не произнес ни слова. Ты выполнил задание?

— Я выполнил свое задание и задания моих товарищей.

— Ты один уцелел?

— Я один смог вернуться.

— Ты привез плохие вести?

— Я привез очень плохие, чрезвычайно тревожные вести.

— Внимание! Садимся на Второй террасе. Прошу место для возвратившегося Ди.

Орт усадил гостя в самое удобное кресло. Регулары главных кантонов заняли места вдоль балюстрады. Несколько минут все молча смотрели на озеро, на горы. Над берегами вспыхнули фонари, на вершинах гор замигали огни предупреждения.

— Наконец ты вернулся, Ди,— сказал Орт.

— Погибли шесть моих товарищей, это очень усложнило задачу.

— Как они погибли?

— По-разному. Одного распяли, второго сожгли на костре, третьего линчевали, четвертый умер в тюрьме, пятого застрелили на поле битвы, а последний погиб при взрыве атомной бомбы.

— Продолжай.

— Я пересек всю нашу систему, но подобного не встретил нигде. Это самая странная из всех известных нам планет. Странная и грозная.

— Грозная для кого?

— Для нас. Жители Земли многие годы наблюдают за небом, за звездами, галактиками, туманностями, за соседними планетами, они обнаружили и наши каналы.

— Наши каналы? А выводы, какие они сделали выводы?

— Что каналы могли постронть разумные существа, что их создала природа, что это оптический обман и каналов нет вообще, что они обводняют пустынные области, а, может, и не обводняют, так как каналы это не каналы, а цепь небольших пятен и штрихов, которые человеческий глаз соединяет в прямые линии...

— Прошу тебя, продолжай.

— В конце концов они решили создать космический корабль, выслать его в сторону нашей планеты и сфотографировать ее поверхность. Разумеется, они натолкнулись на ряд трудностей, которые не сразу сумели преодолеть, однако многое указывает на то, что последняя попытка увенчается успехом. На будущей неделе ракета «Маринер-4» начнет фотографировать поверхность Марса — так земляне называют нашу планету. Марс — это мифический бог войны.

— Почему войны?

— Их ученые заметили, что красный цвет — доминирующий цвет поверхности нашей Акк, черпающей жизненную энергию от Солнца. Когда его наклонные лучи падают на Медные равнины, районы, прилегающие к Центральному поясу, приобретают пурпурную окраску, и этот цвет они связали с цветом крови.

— Что ты знаешь о конструкторах ракеты «Маринер-4»?

— В радиорапортах я передавал информацию о делении жителей Земли на сотни народов, на тысячи племен.

— Да, да, помню. Зная твою склонность к юмору, мы вначале считали, что ты просто хотел нас позабавить.

— Я не шутил.

— Значит, правда, что они дерутся за крохотные клочки земли и в то же время не используют огромных свободных районов?

— Правда.

— Когда ты передал нам поразительное сообщение о трехмесячной осаде ацтекского города Теночтитлан и гибели двухсот тысяч индейцев, самые быстродействующие электронные машины анализировали твое сообщение, напрасно пытаюсь понять, почему люди, которые были дружелюбно приняты, убивали хозяев, уничтожали и грабили их прекрасные города. Из твоих рапортов, переданных позже, мы узнали, что человек по имени Наполеон Бонапарт погубил 775 тысяч человек ради удовлетворения собственного тщеславия. Ему было поставлено множество памятников, даже враги прославляли его имя. Ты не знаешь почему?

— Догадываюсь, — ответил Ди. — Наполеон побеждающий был чудовищем, Наполеон побежденный — гениальным феноменом. Превознося его, противники славли самих себя.

— Позже мы получили от тебя, — продолжал Орт, — информацию о ходе так называемой первой мировой войны. За четыре земных года было убито десять миллионов человек, ранено — двадцать. Если я ошибаюсь, поправь меня.

— Ты не ошибаешься.

— В период второй мировой войны погибло пятьдесят миллионов человек, количества раненых не помню.

— Тридцать пять миллионов.

— Эту войну начали фашисты; предлогом, кажется, был «коридор».

— Кто же построил космический корабль «Маринер-4»? — спросил регуляр Первого кантона. — Ацтеки, испанцы, Наполеон? Я никак не могу во всем этом разобраться.

— Американцы, — без улыбки ответил Ди, — граждане Соединенных Штатов...

— Что они собой представляют? — нетерпеливо перебил регуляр Восьмого кантона.

— Они любят во все вмешиваться.

— А еще?

— Я опять вынужден напомнить вам о рапортах из Северной и Южной Америки, из Европы, Азии и Африки.

— Разве американцы ведут кочевой образ жизни?

— Нет, они постоянно живут в Америке, но воюют за ее пределами.

— Любопытно, — сказал Орт, подходя к балюстраде. — На озере показались плоты с музыкантами. Сейчас начнется вечерний концерт. В программе произведения земных композиторов. Предлагаю продолжить беседу завтра при восхождении на Указательный Палец.

Предложение было принято. Концерт продолжался часа два. Регуляры прослушали «Valce triste» Сибелиуса, фрагмент из второй симфонии Рахманинова, интро-

дукцию и аллегро для флейты, кларнета, арфы, смычковый квартет Равеля, отрывок из балета «Спартак» Хачатуряна, «Концерт д-дур» Стравинского, а также несколько мазурок Шопена.

— Эта музыка,— сказал Фо, регуляр Четвертого кантона,— самым лучшим образом свидетельствует о людях. Они не только разумны, но и обладают тонким вкусом, если могут создавать мелодии, которые являются наиболее благородными звуками космоса.

— Они избирательны,— добавил Орт,— они отлично воспринимают электромагнитные волны и преобразуют их с талантом, обещающим многое. Рано или поздно они откроют источники своего вдохновения, познают структуру мелодий, монады музыки. Ведь они — вогнутые зеркала окружающего их мира. День за днём, ночь за ночью они поглощают изображения, передаваемые из разных точек Великого Круга, многие годы они тоскуют о контакте с иными системами, с Разумом, пытаются расшифровать радиоволны галактик. А ведь они носят в себе ответы на самые трудные вопросы, и они связаны с Землей, с нашей солнечной системой, с нашей галактикой, с нашей метagalacticкой нитями-излучениями, от которых зависит цвет глаз, кожи, темперамент, аппетит, способности, чувство юмора. Умеют ли они смеяться от всей души?

— Да,— ответил Ди,— они знают цену смеху и любят веселиться.

— Это хорошо,— обрадовался регуляр Первого кантона.— Наши ученые давно обнаружили, что юмор распахивает самые тяжелые ворота, закрывающие доступ к спокойной мудрости.

На следующий день с утра девять регуляров предприняли восхождение по пологому склону Указательного Пальца. Беседу начал Орт.

— Так ты говоришь, Ди, нам угрожает опасность быть открытыми?

— К нашей планете приближается межпланетный корабль без экипажа, управляемый на расстоянии, корабль-глаз. Телевизионная аппаратура передаст на Землю снимки поверхности нашей планеты, сделанные во время максимального сближения.

— Не вижу повода для паники,— проговорил Фо.— Я считаю, что не следует им мешать. Если уж им так хочется нас открыть, милости просим. Много лет назад во время одной из первых экспедиций на Землю мне довелось познакомиться с несколькими весьма рассудительными и спокойными людьми.

— Что, однако, не решает проблемы сосуществования с тремя миллиардами,— Орт присел на камень.— Они могут превратить нашу планету в военную базу.

— Акк — военная база! — Фо не скрывал веселья.— Да ты шутишь! В нашей атмосфере не прозвучит ни одного выстрела.

— Они могут вовлечь нас в свои распри.

— Откровенно говоря, я порой охотно поругался бы с кем-нибудь.

— Распри ведут к дракам.

— Наши мускулы дряхлеют, немного размяться — не помешает.

— Значит, ты голосуешь за драку?

— Нет. Но я думаю, что пословица «око за око» — одна из самых мудрых, и считаю, что драки приводят к боям, а бои к войнам.

— Иногда можно немного и повоевать,— заметил Фо.

— Фо спятил,— воскликнул Ди,— сколько раз я го-

ворил, что на Землю нельзя посылать представителей Четвертого кантона. Они опасно похожи на землян. Подозреваю, что несколько тысяч лет назад на нашей планете побывала экспедиция землян, представлявших тогдашнюю цивилизацию. Авария помешала им вернуться. Земные космонавты остались на Акке, жители Четвертого кантона — их потомки, а следовательно, и в жилах Фо течет земная кровь. Нельзя было посылать его на Землю, которая стремится втянуть Акк в свои земные дела.

— Абсурд. В твоих словах, Ди, слишком много сердца и чересчур мало разума. И я люблю планету Акк, но считаю, что пришла пора покончить с нашей изоляцией. Мы не одиноки во Вселенной.

— Земляне выбрали плохой путь.

— Им следует помочь. Позволим открыть себя, я ручаюсь, что это открытие потрясет жителей Земли и они, забыв о склоках, станут на верный путь.

— Мы — самая древняя цивилизация нашей солнечной системы.

— Поэтому нам пойдет на пользу молодая и свежая кровь.

— Молодая — да, а вот свежая ли и достаточно ли чистая?!

— Немного грязи наверняка не помешает. Мы так чисты, почти стерильны...

— Повод для гордости...

— Скорее для скуки.

— С каких это пор совершенство стало скучным?

— Совершенство эгоистично. Совершенство, недоступное другим, совершенство ради совершенства — это совершенство антиобщественное. Мы говорим: земляне много хуже нас, примитивнее, глупее. Мы с состраданием смотрим на их существование, однако мы до сих пор

и пальцем не повели, чтобы сделать их похожими на нас.

— Мы ежегодно посылаем на Землю наших представителей.

— Которые терпят поражение за поражением. Жители Земли провозглашают их истинными или мнимыми пророками, мучают, убивают, возводят им памятники, молятся на них, используя в корыстных целях и защищая свои низменные интересы. Подобная помощь — это самобман, это скверный метод заглушить собственную совесть.

— Но речь идет о более серьезном, чем приглашение на обед.

— На обед, на завтрак, на ужин, в столовую, в гостиную, в спальню. Гуляйте по нашим террасам, плавайте по нашим каналам!

— Вот именно. Политика широко открытых дверей.

— Широко откройте двери в рай! Пусть прибывают толпами, пусть сожрут нас! Ты недооцениваешь аппетита землян.

— Я учитываю их потребности — потребность в мире, потребность в общении с лучшими, чем они, потребность материализации рая. Они не достигнут этого до тех пор, пока не установят непосредственного контакта с более мудрыми, нежели они сами.

— На отсутствие скромности ты пожаловаться не можешь.

— У меня нет поводов скромничать.

Регуляры молча слушали диалог Фо и Ди, которые всегда представляли крайние мнения. Орт выступал в роли арбитра.

— Каковы ваши окончательные выводы?

— Я знаю один верный выход, — сказал Ди, — уничтожить космический корабль «Маринер-4».

— Нет, — сказал Фо. — Пусть он сфотографирует по-

верхность нашей планеты. Пусть земные ученые увидят каналы.

— А вчерашний концерт? — напомнил Орт. — Мы с большим волнением слушали земную музыку. Она расположила нас к Земле.

— Не все у них композиторы или музыканты, — сказал Ди. — Многие не умеют играть ни на одном инструменте. Я встречал очень немзыкальных и совершенно лишенных слуха людей.

— Когда мы доберемся до самой вершины, я скажу вам, что следует сделать, — Орт пошел первым, за ним Фо, Ди и остальные регуляры. Они шли гуськом, напевая ритмичную мелодию и время от времени останавливаясь, чтобы по древнему обычаю воздать должное окружающей природе:

— Смотрите, смотрите, там, справа, в зеркальной поверхности Медной равнины отражается Солнце, согревая ее, побуждая к жизни, смотрите, смотрите, слева над фиолетовыми водами озера Оах вздымается розовый туман, ветер формирует из его клубов полосы, окутывает ими вершины гор, языки тумана сплывают спиралями в долины. — Орт наклонился, поднял небольшой осколок киновари. — Этот камень тоже отражает солнечные лучи, излучает тепло, он покрыт сеточкой белых жилок, которые напоминают обрывки облаков. До вершины еще несколько шагов.

Регуляры расселись на ступенях террасы, которую называли Ногтем Указательного Пальца. Лишь тогда Орт сказал:

— Я устанавливаю контакт с Мудрейшими.

— Отличная мысль, — согласился Фо.

В полдень регуляры собрались у Орта.

— Я заказал межпланетную,— начал он, приглашая гостей занять места за огромным столом.— Правда, по сообщениям метеокосмослужбы, на трассе связи свирепствуют магнитные бури и бушуют космические циклоны. Внимание, есть связь. Алло, алло, говорит Орт.

— Сердечный привет,— загремел приятный альт,— чем можем служить?

— Посоветуй, как нам поступить, чтобы, помогая жителям Земли, не навредить себе.

— Мы мало знаем об этой планете. Мы не поддерживаем с ней непосредственных контактов.

— Мы сообщим вам все необходимые данные.

— Хорошо.

— Скоро ли мы можем рассчитывать на ответ?

— Наберитесь терпения. Межпланетное сосуществование стало проблемой номер один. Сосуществовать или не сосуществовать? Устанавливать контакты или нет? Помогать более слабым, менее разумным или предоставить их собственной судьбе? Непokoйных планеток, вроде Земли, в Космосе кружится множество. Некоторым пошло на пользу общение со старшими братьями.

— Некоторым, говоришь?

— Да, некоторым контакты с более разумными выходят боком. Каждая солнечная система управляется собственными законами. Что полезно одним, вредно другим. Успех зависит от различных факторов — темперамента, юмора; необходимо тщательно проанализировать свойства, запрограммированные в существах более или менее разумных.

— У нас мало времени.

— Говори громче. Ведь между нами ни мало, ни много — несколько световых лет.

— Я говорю, у нас очень мало времени. К нашей пла-

нете приближается управляемый радиотелевизионный аппарат.

— Ну что ж, в подобной ситуации вы должны решать сами. Взвесьте все «за» и «против». Изучите литературу о межпланетных контактах, особенно советую трактат Уарта из Седьмой Галактики «Об интеграции разума в Космосе». На проблему следует смотреть и с точки зрения хозяев, и с точки зрения гостей. Еще вопросы есть?

— Благодарю — это все.

— Ну, до следующего разговора. Всегда готовы к услугам. Да, кстати, пришлите нам при оказии несколько контейнеров с вашим кармином, он вне конкуренции.

— Пришлем, — сказал Орт и выключил межгалактический телефон. — Предоставляю слово регуляру Четвертого кантона.

Фо поблагодарил и сказал:

— В течение ближайших часов Орт должен принять решение. Завтра чуть свет «Маринер-4» начнет фотографировать нашу планету.

— Твое мнение?

— Пусть фотографирует.

— А твое, Ди?

— Уничтожить корабль.

— А ваше, регуляры?

— Уничтожить!

— Пусть устанавливают контакт!

— Нет, нельзя допускать установления контакта!

Орт пытался успокоить возбужденных регуляров:

— Давайте взглянем на проблему с точки зрения гостей.

— Гениальная мысль, — Ди встал с кресла и поднялся на возвышение для оркестра. — Я буду выступать в роли жителя Земли, который увидел фотографии наших каналов, виадуков, мостов. Позвольте представиться —

генерал Гутен из Штаба Армии, Департамент астронавтики. Все сми-и-и-ирно! Минуту назад мы наконец получили эти снимочки. Все во-о-о-ольно! Мне не надо убеждать вас, господа, что мы видим на фотографиях укрепления, фортификации, противотанковые рвы, гигантские линии Мажино, Зигфрида и черт знает еще кого! Господа, мы вовремя открыли опасность: Марс угрожает Земле. Я предлагаю выслать экспедицию, которая научит марсиан уму-разуму! Умиротворим агрессоров, прежде чем они успеют выбраться на завоевание нашей планеты! Ша-а-а-гом марш!

— Теперь твоя очередь, Фо.

— Я был на Земле,— сказал регуляр Четвертого кантона,— и уверяю вас, у земных генералов голоса несколько иного тембра. Пониже.

— Я протестую,— воскликнул Ди.— Фо стремится меня осмеять.

— Прости, я пошутил. Я хочу познакомить вас с другим представителем земной цивилизации.— Фо поднялся на эстраду и вежливо поклонился.— Дамы и господа, позвольте мне выразить глубокую уверенность в том, что открытие жизни на Марсе положит начало новой эры на Земле, эры Нового Возрождения. Взгляните на этот снимок, на эти архипрекрасные конструкции — сколько в них грациозной легкости, сколько чудесной гармонии. Мы можем гордиться, что именно нашему поколению выпала честь принять участие в установлении контакта со столь высокоразвитой цивилизацией. Я предлагаю выслать экспедицию, в состав которой наряду с учеными и архитекторами войдут деятели культуры и искусства: поэты и музыканты, скульпторы, художники и артисты...

— Благодарю, Фо, благодарю, Ди. Истина, вероятно, находится где-то между вашими крайними мнениями. Отсутствие времени не позволяет нам более подроб-

но изучить характеры землян; вызовите экипаж космолета.

Через несколько минут в зал вошли шесть пилотов в скафандрах.

— Немедленно вылетайте навстречу земному космическому кораблю. Вам надлежит приблизиться к «Маринеру-4» и изучить аппаратуру, находящуюся в контейнере. Ждем ваших сообщений.

Не прошло и часа, как поступил первый рапорт:

«Корпус «Маринера» — это плоская восьмигранная призма, изготовленная из сплава магния. Он разделен на восемь отсеков, в семи находится электроаппаратура, в восьмом — система двигателей».

Рапорт второй:

«Мы изучили четыре плоскости «Маринера». Они напоминают крылья ветряной мельницы и состоят примерно из тридцати тысяч фотоэлементов. Космическая лаборатория снабжена серебряно-цинковыми аккумуляторами, над корпусом — антенна, опирающаяся на восемь стержней. Это параболоидальная поверхность с обводом в форме эллипса».

Рапорт третий:

«Внимание! Мы обнаружили телевизионные камеры. Ждем дальнейших распоряжений!»

— Будьте осторожны, — отозвался Орт. — Конструкторы с Земли ждут снимков нашей планеты. Ваши портреты могут вызвать опасную сенсацию. Сообщайте о дальнейшем.

Рапорт четвертый:

«Измерительная аппаратура определяет интенсивность космического излучения; радиоактивность солнечной плазмы и космической пыли, магнитное поле нашей планеты и пространства, окружающего Акк. Ждем дальнейших распоряжений».

После короткого совещания с регулярами всех кантонов Орт принял решение:

— Оттянуть открытие цивилизации Акк землянами. Мы должны узнать их лучше, чтобы избежать ненужных обоюдных разочарований. Пересылаю вам несколько десятков снимков поверхности одного из спутников Пятой Планеты, именуемой земными учеными Юпитером. Эти фотографии с помощью аппаратуры «Маринера» прошу передать американским ученым.

— Представляю себе их изумление,— Ди не скрывал удовлетворения,— изумление и разочарование, когда вместо ожидаемых каналов они увидят тысячи кратеров.

— Я очень сожалею,— смущенно сказал Фо,— но я не разделяю радости Ди. Они там, на Земле, говорят: «Не так страшен черт, как его малюют».

Вечером, после второй части концерта земных композиторов, Фо обратился к регулярам:

— Многое указывает на то, что все мы происходим от одного семени, что где-то там, в глубине Космоса, кто-то раскрыл космические двери и космический ветер развеял на все стороны Великого Круга зародыши, из которых развилась жизнь, вечно полная сомнений.

Ди рассмеялся. А регуляр Четвертого кантона в тот вечер произнес еще только одну фразу:

— Они там, на Земле, смеются точно так же. Наверняка, это заслуга межпланетной пыли, она попадает в горло и щекочет; случается, что самые солидные мужи ни с того ни с сего заливаются здоровым, бодрым смехом.

ПОСЕЩЕНИЕ

...История повторяется. Фараон Хуфу, именуемый также Хеопсом, второй царь четвертой династии, любил отдыхать, слушая рассказы о чудесных событиях. С того времени прошло 4615 лет, а сказки не вышли из моды. Сегодня любой человек независимо от расы, пола, языка, религии и даже занимаемого положения может испытать на себе, сколь положительно влияют волшебные сказки на нервную систему. Отдых и расслабление стали всеобщим достоянием, а не привилегией коронованных особ.

Как изменилась жизнь за последние пятьдесят веков! «Могущество человека поражает богов,— писал Рабле,— дети Пантагрюеля найдут зелье, с помощью которого завоюют сферу Луны и вступят в пределы небесных знаков, выберут там себе жилища и пожелают усесться за один стол с богами, потом возьмут в жены богинь, ибо это лучший способ самому стать богом». «Жизнь,— пишет Дюрренматт,— дарит одни лишь развлечения, вечером их приносит кино, поэзию ставят ежедневные газеты... Создается впечатление, что уже не о чем рассказывать, начинаешь всерьез думать об отказе от сказки, может быть, есть еще место для двух-трех фраз, а дальше остается только взять курс на биологию или обратиться к физике, астрономии, чтобы объяснить себе строение Вселенной, в которой мы кружимся». Вот именно, Вселенной!

Современный человек с неослабевающим интересом слушает рассказы о чудесных событиях в Космосе. Ничто не ново под Луной, правда, под нашей Луной, в других

солнечных системах, разумеется, пульсирует богатейшая жизнь, сушая феерия чудесных событий. Время там вроде бы идет быстрее, но жизнь проходит медленнее. Кажется, на планетах, кружащих вокруг двойных солнц, живут разумные существа.

«...изучены семьдесят три двойные системы, звезды которых особенно тесно связаны друг с другом. Некоторые прямо-таки соприкасаются атмосферами. Следует думать, что этот тип небесных тел, довольно часто встречающийся в Галактике, более всего подходит для возникновения и развития жизни...»

Диктор. Мы вынуждены прервать передачу этой статьи, чтобы передать сообщение Международных линий Воздушной Связи:

«Вниманию пилотов и штурманов! Вниманию стюардесс и пассажиров! Радиолокационные станции обнаружили два неопознанных летающих объекта. Час назад их видели над Южной Австралией, спустя пятнадцать минут — над Южной Америкой. По мнению ученых, это космические корабли внеземного происхождения, управляемые разумными существами. Насколько разумными — пока неизвестно. Намерения их тоже пока неизвестны. Поэтому устанавливать с ними контакт по собственной инициативе мы не рекомендуем.

В каждом отдельном случае пользуйтесь помощью бюро Международных линий Воздушной Связи. Наш высококвалифицированный персонал всегда к вашим услугам. Благодарим за внимание».

А теперь послушайте разговор, происходящий на высоте ста тысяч метров. Высоко? Очень. Несмотря на это, там тепло и уютно. В конце концов, и в космических кораблях есть камин. Такая уж нынче мода. Беседуют

Женщина и Мужчина с Того света и Проводник по Тому и Этому свету.

Женщина. Отлично, Проводник! Ты все превратил в рекламную шутку. Хорошая работа.

Мужчина. Поразительная быстрота реакции.

Проводник. Опасность преждевременного обнаружения места нашей посадки счастливо предотвращена.

Женщина. Ты сказал «опасность». Они очень опасны?

Проводник. Выполняя ваше задание, я наблюдал за ними много земных лет. Большинство людей верит только в собственный разум, недооценивая возможности существования разумных структур в иных солнечных системах. Однажды я случайно оказался свидетелем разговора человека с собственным отражением в зеркале. Он говорил: «Зеркальце, зеркальце, скажи, кто умнее всех на свете?» И спустя немного сам же отвечал на этот вопрос: «Ты, властелин всего живого, ты мудрее всех на свете». Несмотря на это, они легко поддаются панике и действуют под влиянием момента, тогда они становятся опасными, их поступки невозможно предсказать, что, впрочем, выходит одно на одно. Поэтому я прервал передачу коммуниката-предостережения и закончил его сам.

Мужчина. Значит, мы можем без опаски покинуть космический корабль?

Проводник. Ну, конечно. Я приготовил для вас соответствующую одежду, деньги, документы и земные средства перемещения.

Сколько времени требуется, чтобы преодолеть расстояние в сто тысяч метров? Точно четыре минуты, да, ни больше, ни меньше. Огонь в камине немного ослаб. Это понятно: такая скорость! «Внимание, внимание, садимся! Вон та светлая полоса справа, это автострада. Прошу выходить. Закройте двери. Гасите свет!» Прощание с пило-

тами, и космический корабль, раскачиваясь, словно маятник, взлетает в ионосферу. Тридцать Существ из Иной Системы окружают автобус.

Мужчина. Этот экипаж не вызывает доверия.

Женщина. Занятно. Коробка на колесах.

Проводник. Это автобус.

Женщина. Переведи, что здесь написано.

Проводник. «Труппа Театра драмы и комедии из Ксирохориона».

Мужчина. Ксирохориона?

Проводник. Да, это название греческого городка.

Мужчина. Значит, мы греки?

Женщина. Кочующий театр?

Проводник. Комедианты, труппа самых известных, самых знаменитых актеров Южной Европы. Будем ездить из города в город, из страны в страну.

Женщина. Ты отлично организовал экскурсию, Проводник!

Мужчина. Не хвали комету, пока не прошла планету.

Проводник. Бояться нечего. Вы выглядите, как люди, бегло говорите на нескольких их языках, на целое небо, точнее, на целых два неба умнее людей.

Мужчина. Мы — представители одной из древнейших цивилизаций Галактики Единичных Звезд.

Проводник. Бессмертные в понятии землян, прекрасные, словно боги, вы должны всюду вызывать восхищение и уважение. Умение творить чудеса, которые для вас давно перестали быть чудесами, поможет вам в самых критических положениях.

Женщина. И все-таки я не могу отделаться от чувства беспокойства.

Проводник. Это понятно. В поле зрения Человек. Уточняю — патрульный.

Патрульный. Это еще что, черт побери? Автобус стоит не на той стороне шоссе? Платите штраф и баста! Стража бдит на всех дорогах, дорогие мои, я сказал бдит!

Проводник. Мы ошиблись, мы чужестранцы.

Патрульный. Мы очень ценим чужестранцев, каждый житель Гондураса ценит чужестранцев, чужестранцам мы обязаны открытием нашей страны: Колумб, прошу учесть, был чужестранцем, в Тегусигальпе мы поставили преотличный памятник во славу первого чужестранца, но ведь не можем же мы ставить памятники всем чужестранцам, а за нарушение правил движения тем более... не можем... памятников... Это что?

Проводник. Монета. Плачу штраф.

Патрульный. Золотая?

Проводник. Из настоящего золота, сеньор начальник.

Патрульный. У меня нет сдачи, я не знаю сегодняшнего курса иностранных валют.

Проводник. Сдача? Какая мелочь!

Патрульный. Вы хотите подкупить патрульного, ай-яй-яй. Паспорта есть, пошлина за оружие уплачена?

Проводник. Вот наши документы.

Патрульный. Тридцать человек. Ну, ну, а оружие?

Проводник. У нас нет оружия. Мы актеры греческого театра.

Патрульный. Похоже-то оно похоже, а там, черт вас знает, кто вы такие: в таком автобусе можно спрятать контрабанду и две дюжины контрабандистов. Я знаю, что говорю, контрабандисты притворяются актерами, я видел такой фильм, школьная экскурсия провезла сто литров рома, нет, это была не школьная экскурсия, а паломники, да, паломники. Так это золото?

Проводник. Позолоченное серебро, я пошутил, сеньор начальник.

Патрульный. Серебро — другое дело: можно брать довольно смело.

Проводник. Отличные строчки. Позвольте мне от имени всего коллектива выразить вам наше восхищение. Счастлива та страна, в которой поэты надзирают, простите, бдят за безопасностью общественных дорог.

Патрульный. Да, да, бдим. Недавно я читал в газете роман с продолжением. Фантазия, от страха аж мурашки по коже бегают. В таком вот лесу, как слева, опускается ракета с иной планеты, десант. Людям грозит гибель. Сорок два продолжения. Я несколько ночей не мог глаз сомкнуть, все кончилось хорошо благодаря нашим женщинам, они завоевали сердца марсиан, которые, слава богу, оказались чувствительными к прелестям девиц. Между нами говоря, вы тоже напоминаете компанию с того света, девочки такие беленькие.

Проводник. Нам можно продолжать поездку?

Патрульный. Разумеется, желаю приятного пути.

Проводник (*вполголоса, хотя фигура патрульного давно исчезла за первым поворотом*). Я вижу изумление в ваших глазах.

Женщина. Это была наша первая встреча с человеком.

Существа из Иной Системы думают сообщая: «Не следует преждевременно настраивать себя против землян. Познаем их ближе. Не так страшен черт, как его малюют». И действительно. Первое представление театра из Ксирохориона вызывает энтузиазм. Критики слагают дифирамбы в честь коллектива, публика сумасшествует. В гримерной актрисы два сеньора комментируют последние события.

Сеньор А. Изумительная, божественная, чудесная,

Сеньор Б. Греческая богиня, даю слово,

Сеньор А. Публика бесновалась,

Сеньор Б. Бесновалась, даю слово.

Сеньор А. Толпа ворвалась на сцену.

Сеньор Б. К счастью, мы были поблизости и через боковой выход вывели вас из театра.

Женщина (*в роли Актрисы*). Спасение подоспело в самое время. Благодарю вас.

Сеньор А. Мы счастливы, что именно на нашу долю выпал удел спасти вас.

Сеньор Б. А что, если нам отметить это счастливое стечение обстоятельств?

Сеньор А. Например, ужином в Риволи: уютный отель над океаном, омары прямо из воды. Умоляем.

Сеньор Б. Прошу не отказать.

Женщина. Охотно. Я голодна и хочу пить.

Сеньор А. Она голодна и жаждет. Ты слышал? Чего ты ждешь? Вызывай автомобиль.

Ночной ресторанчик. Экстра-кельнеры в розовых смокингах. За столиком Актриса, сеньоры А и Б.

Сеньор А. Театр, что театр, удовлетворение — конечно, восхищение публики — возможно, но вы заслуживаете большего.

Женщина. Например?

Сеньор Б. У нас есть друг...

Сеньор А. Человек большого сердца...

Сеньор Б. И не меньшего достоинства, даю слово.

Сеньор А. Бóльшего.

Сеньор Б. Коллекционер...

Сеньор А. Ценностей и талантов.

Сеньор Б. Весьма почтенный, хоть и хромает на правую ногу.

Сеньор А. Ты говоришь о Донсоне?

Сеньор Б. Конечно, о Донсоне.

Сеньор А. Не о Кузике?

Сеньор Б. Кузик? Причем здесь Кузик?

Сеньор А. Кузик даст Донсону сто очков вперед.

Сеньор Б. Кузик Донсону в подметки не годится.

Женщина. Допустим на минуту, что господин Донсон меня интересует больше.

Сеньор Б. Ну, видишь, женская интуиция разрешила наш спор. Донсон дает изумительное ревью на лодках. Зал под открытым небом. Десять тысяч мест, слово даю.

Сеньор А. Кузик, обратите внимание, владеет огромной фабрикой кукол. Какое воображение! Он создал куклу, умирающую и оживающую после применения искусственного дыхания. Его куклы болеют корью, на них выступает сыпь, они глотают таблетки, сыпь исчезает. Сейчас он работает над кашляющей куклой. Я предложил Кузiku хороший бизнес. Мы откроем в центре города магазин с куклами, остекленный со всех сторон, словно аквариум, а вы внутри, рекламирующая новые типы кукол, какое будет столпотворение. Кузик изготавливает также манекены для демонстрации мод, мы создадим по вашему образу тысячу манекенов, конечно, вы получите за это соответствующую сумму. О Донсоне вообще нечего и говорить.

Сеньор Б. А я думаю, вас хватит и на Донсона и на Кузика. Время до обеда мы посвятим куклам.

Сеньор А. А после обеда ревью.

Женщина. Остаются еще ночи и зори.

Сеньор А. Ничего себе, ведь мы только люди.

Сеньор Б. Вы не можете требовать, чтобы мы работали свыше наших сил.

Сеньор А. Это противоречит Декларации Прав Человека.

Сеньор Б. Надо сказать, вы вытащили счастливый билет в лотерею, встретив нас.

Сеньор А. Билет, на который выпал главный выигрыш, будем откровенны, главный.

Сеньор Б. Но это вовсе не значит, что мы позволим столь жестоко эксплуатировать себя.

Женщина. Вот магазин с куклами. Счастливых оборотов капитала.

Сеньор А. Черт поberi! Что это значит?

Сеньор Б. Каким чудом мы оказались в этой стеклянной коробке?

Сеньор А. Это не коробка, это лифт.

Сеньор Б. Он летит вверх.

Сеньор А. Стой! Стой! Глупая шутка!

Кукла А. Я кукла, болеющая корью.

Кукла Б. А я кукла, больная лихорадкой.

Кукла А. У меня изумительная сыпь.

Кукла Б. А у меня роскошная дрожь. Умоляю: щепотку хинина.

Кукла А. Смотри, эти сеньоры — не сеньоры. Это большие куклы. Крутятся, словно волчки!

Кукла Б. Вращаются, дорогая моя, вращаются.

Сеньор А. Куклы продаю, куклы, кому куклы...

Сеньор Б. Отличные куклы, чудесные куклы, неземные куклы...

Сеньор А. Куклы, куклы, покупайте куклы, куклы...

Первые перипетии уже позади. Труппа Театра драмы и комедии опять тронулась в путь. Автобус с огромным трудом преодолевает даже самые маленькие подъемы. Он раскачивается, словно корабль во время шторма, а трясет его так, что лучше не говорить. Путешественники все это переносят с достойным удивления терпением. Ничего странного: высшая цивилизация. Даже не ругаются. Беседуют о двух сеньорах, запущенных в космическое пространство.

Проводник. Забавная идея, только не знаю, самая ли удачная. Ни с того, ни с сего в космическом пространстве появятся два новых тела.

Женщина. Два новых неопознанных летающих объекта. Я не могла отказать себе в этом удовольствии. Их специальность — всякого рода обороты; так пусть и сами обращаются вокруг собственной и земной осей.

Проводник. Сколько раз я предупреждал, не действуйте под влиянием первого импульса.

Женщина. Внимание, человек!

Проводник. Патрульный. Он тяжело дышит.

Патрульный. Что я вижу, вы покидаете наш город?

Проводник. Да, едем в следующий.

Патрульный. Вы не видели двух типов с бегающими глазами? Они ворочали чужими капиталами и испарились, словно камфара.

Проводник (вполголоса). Ты спасла от тюрьмы двух карманников, отлично. (Громко.) Нет, не видели, сеньор начальник.

Патрульный. А вы, милые мои, не удираете ли и вы, совершив какое-то преступление? На воре шапка горит, а над вашими шляпами я вижу какое-то странное сияние.

Мужчина. Заходящее солнце все окрашивает в пурпур.

Патрульный. С этими бродячими актерами никогда не знаешь, что случится. В прошлом году к нам приехала труппа прыгунов и вольтижеров, а на следующую ночь ограбили банк. Директор хотел покончить с собой. Мы арестовали приبلудших, но денежки пели, не иначе — у них были сообщники.

Проводник. А директор?

Патрульный. Уехал лечить расшалившиеся нервы в Европу, в Швейцарию. Там климат мягче. Ну, открывайте саквояжи. Кроме того, я загляну под кресла и на всякий случай позвоню директору банка, спрошу, не

пропало ли что? Новому директору, старый не вернулся. Что это?

Проводник. Плачу штраф, я опять поставил автобус с правой стороны.

Патрульный. Э, не выйдет, дураков нет, вторично я не дам себя объегорить. Первый штраф вы уплатили чистым золотом. Чиновников, уважаемый, нельзя баловать. Моя жена знает это хорошо. Она била меня дважды в неделю, она никогда не уважала начальство, поэтому вышла за патрульного и безнаказанно измывалась надо мной одиннадцать лет. Неделю назад она впервые выбралась в театр, с этого момента мои несчастья кончились. Никогда не думал, что театр может так изменить человека.

Проводник. Приходится удивляться впечатлительности вашей супруги, сеньор начальник. Воистину искусство облагораживает душу.

Патрульный. Это уж точно, облагораживает. Както мы вернулись из театра, жена уселась на табурет в кухне, тяжело вздохнула и говорит: «Ты видел этих дам с обнаженными плечами, я тоже хочу так, только правая рука у меня толще по твоей вине. Я должна привести себя в порядок, потому что эта театральная мода пришлась мне по сердцу!» Так она сказала... Театр, уважаемый, это сила, ну, отправляйтесь... и баста.

Баста, баста. Автобус мчится, развивая головокружительную скорость 60 километров в час. Время на Земле течет очень медленно. Но ко всему можно привыкнуть. Труднее всего — к запаху бензина, вызывающему раздражение слизистых оболочек. Терпят молча, наконец Проводник не выдерживает.

Проводник. Мы едем на север, все время на север, пока не доберемся до Страны Пятидесяти Звезд.

Женщина. Это; вероятно, рай для астрономов!

Проводник. Я же просил как следует проштудировать справочник по географии.

Мужчина. По географии, истории, биологии, физике...

Женщина. И двадцать других. Смилуйся!

Проводник. Вы обленились за время путешествия. Стыдно. Прочтите четвертый раздел, прочтите и запомните. Вот путеводитель по городу, в котором мы остановимся на две недели. Через семь дней я введу одного из актеров в дом мистера Форгена, известного мецената. Еще раз напоминаю, ни в коем случае не злоупотребляйте умением экспериментировать с материей. То, что для вас детски легкое биохимическое упражнение, для них — сверхъестественное явление. Старайтесь быть просто людьми.

Ах, эти приемы у меценатов! Вилла, созданная по проекту одного из ассистентов великого Корбюзье, утопленная в склоне горы Сорока Мучеников. Две террасы, нависшие над потоком, который, извиваясь среди живописных скал, проходит через кухню. Это выдумка самого хозяина виллы — мистера Форгена, — форель ловят скороводой. В Зале Игр несколько пар. Танцуют хали-гали. На высоких табуретах у стойки бара, подкрепляя организм жидкими витаминами, балансируют две дамы неопределенного возраста.

Дама А. Он танцует, как юный бог.

Дама Б. Я видела его на сцене в роли Калигулы, какая талия, он должен играть только богов.

Дама А. Да, он действительно божествен.

Дама Б. Смотри, он витает.

Дама А. Он никогда не витает, он реалист.

Дама Б. Витает в воздухе над полом.

Дама А. Еще мгновение, и он со своей партнершей взлетит над лесами, над горами...

Дама Б. Ты думаешь, жена Форгена в опасности?

Дама А. Коктейль из ананасов. Мне нехорошо. Прости.

Минутный перерыв. Пары атакуют бар. Хозяйка дома, сопровождаемая Актером, подходит к хозяину дома.

Хозяйка дома. Поблагодари нашего гостя, он развлекает твою жену с ангельским терпением: три танца, я умираю от жажды.

Хозяин дома. Никогда не известно, которая рюмка утолит жажду, а которая вызовет желание выпить еще одну. Присядьте, друг мой, признаться, приезд вашего театра взбудоражил город.

Дама Б. Возбуждение высшего класса!

Хозяин дома. Коллектив, несомненно, интересный, театр заполнен до отказа, актеры и актрисы вызывают всеобщее изумление... Все прекрасно сложены, идеальные пропорции.

Дама Б. Несколько односторонняя оценка. Игра этих людей захватывает.

Хозяин дома. Голоса молодые, свежие, звучные, я приятно удивлен физическим возрождением греков.

Хозяйка дома. Наш гость родился в Сербии.

Хозяин дома. Серб... Сербь вызвали первую мировую войну.

Мужчина (в роли Актера). Это упрощение обижает сербов.

Хозяйка дома. Мой муж не хотел вас обидеть.

Хозяин дома. Совсем наоборот, я весьма ценю способности вызывать войны. Для изготовления сорока тысяч истребителей нужно около 250 тысяч тонн алюминия. Для изготовления такого количества алюминия мы должны добыть и переработать 800 тысяч тонн боксита. Я тридцать лет интересуюсь бокситами и, даю вам слово джентльмена, не жалею об этом.

Хозяйка дома. Бизнес — его хобби, а живет он исключительно искусством.

Хозяин дома. И с искусства, не будем закрывать на это глаза. Благодаря бизнесу я могу быть меценатом, а благодаря искусству могу заниматься бизнесом. Боксит и Боттичелли, боксит и Пикассо, боксит и Микеланджело, но я вам наскучил.

Актер. Наоборот, вы меня забавляете, я благодарен. Насколько я понял, искусство — это боксит, война — это бизнес...

Хозяин дома (*доканчивая*). И искусство. Между большим бизнесом и большим искусством я ставлю знак равенства.

Актер. Большое искусство — большая война — большой бизнес, ваши кассиры в состоянии выплатить ваши военные доходы?

Хозяин дома. Я покажу вам наше противоатомное убежище.

Хозяйка дома. У меня есть идея: спустимся в убежище вместе с оркестром.

Хозяин дома. Bravo! Отличная мысль! Тревога, тревога!

Хозяйка дома. Сердечно просим гостей проследовать в убежище.

Дальше фарс разыгрывается в противоатомном убежище. Спускаются все: оркестр, гости, бармен. Существо из Иной Системы, играющее роль Актера, осматривает склад.

Актер. Запасов хватит на два года.

Хозяин дома. Вы угадали, действительно, мы можем не выходить на поверхность семьсот дней.

Актер. А потом?

Хозяйка дома. Выйдем.

Актер. Зачем?

Хозяин дома. Чтобы продолжать заниматься искусством и бизнесом.

Актер. Простите мою бестактность, но социолог Райт Милс сообщает, что один налет на Соединенные Штаты вызовет около 50 миллионов человеческих жертв; я считаю, что за 24 часа ядерной войны погибнет от 50 до 75 миллионов человек.

Хозяин дома. Вы по профессии актер или это только ваше хобби?

Актер. Граница между театром и жизнью иногда бывает весьма расплывчатой.

Хозяин дома. И вы считаете, что мы намерены разыграть современную трагедию, в которой погибнут все: актеры, автор, директор театра, пожарники и публика?

Актер. Во всяком случае, подобное желание ослабляет инстинкт самосохранения.

Хозяйка дома. Боже, как тут жарко, я умираю от жажды.

Актер. Жажда сделать хороший бизнес на войне никогда не может быть утолена.

Хозяин дома. Что вы знаете о настоящем бизнесе?

Актер. Немного. Стоимость строительства убежищ на 87 миллионов жителей американских городов составит 67 миллиардов долларов. Только за половину этой суммы можно открыть 20 тысяч высших, 20 тысяч средних и 20 тысяч начальных школ, построить 20 тысяч жилых корпусов для студентов и преподавателей. Назначить 20 тысяч стипендий по 1000 долларов в год для учащихся, открыть 20 тысяч научно-исследовательских институтов, которые занимались бы борьбой с психическими заболеваниями, раком, болезнями сердца, построить 400 тысяч новых домов — все это можно сделать за половину суммы, необходимой для постройки убежищ, которые от-

нюдь не гарантируют полной безопасности этим 87 миллионам жителей ваших городов. А какая судьба ожидает остальные 100 миллионов?

Хозяин дома. Ваше знание наших условий поражает, признаюсь, поражает.

Хозяйка дома. Прошу вас, потанцуем.

Актер. Подготовка специалистов до уровня бакалавра в области физики высоких энергий обходится в вашей стране примерно в 100 тысяч долларов. Расходов на подготовку летчика реактивного самолета хватило бы на оплату учебы 6—7 будущих бакалавров-философов.

Хозяин дома. Нам не нужны философы, времена античной Греции канули в эту... как ее... Лету. Философия непродуктивна. Вы тоже философствуете, а я прекрасно знаю, на чем могу заработать, на чем потерять.

Актер. На средства, которые поглотила вторая мировая война, можно было бы построить пятикомнатный дом для каждого живущего на Земле семейства, а в каждом городе, насчитывающем более 5 тысяч жителей, поставить больницу и покрыть стоимость содержания этих больниц в течение 10 лет.

Хозяин дома. Дом для каждой семьи? Возможно, но я привык ко дворцу, к нескольким домам, расположенным в различных частях света, к собственным самолетам и кораблям. Бокситы — это хороший бизнес, вы не хотите этого понять, это мой личный бизнес.

Хозяйка дома. Ты забываешь об искусстве.

Хозяин дома. Да, великое искусство проводить такой бизнес.

Хозяйка дома. Прошу вас, потанцуем.

В этот момент гаснут все лампы. Наступает, можно сказать, египетская тьма.

Хозяин дома. Зажечь свет! Кто погасил свет?

Актер. Может быть, авария на электростанции?

Хозяин дома. У нас своя электростанция. Проверить!

Хозяйка дома. Темно, страшно темно... и душно.

Бармен. Что случилось? Двери не открываются.

Хозяин дома. Глупости. Подайте керосиновую лампу. Она стоит на полке в коридоре.

Хозяйка дома. Наконец-то светло...

Хозяин дома. В убежище ведут четыре входа. Двери открываются автоматически... помогите мне...

Бармен. Даже не дрогнули.

Хозяйка дома. Я задыхаюсь, погасите эти ужасные лампы. Они отравляют воздух.

Хозяин дома. Дьявол! Вентиляторы не работают.

Актер. Надо вызвать помощь снаружи.

Хозяин дома. Помощь? Снаружи? Каким образом?

Актер. По телефону.

Хозяин дома. Конечно, разумеется. Как я мог забыть! Телефон... подайте мне телефон... Алло! Алло! Не отвечает... Ничего не понимаю.

Хозяйка дома. Мы совершенно отрезаны от мира.

Нет, не совершенно, потому что слышен серебристый звонок телефона. Было отчаявшийся хозяин дома поднимает трубку.

Хозяин дома. Алло! Слушаю!

Голос *(по телефону)*. Это вы, мистер Форген?

Хозяин дома. Хартман, где вы?

Голос. У телефона, мистер Форген.

Хозяин дома. Идиот! Откуда вы звоните?

Голос. Из вашего кабинета, я только что подписал бокситную декларацию...

Хозяин дома *(прерывая)*. Довольно, слушайте, Хартман, мы не можем выбраться из убежища, вентиля-

торы не действуют... Мобилизуйте всех людей, выламывайте двери... Вы поняли?!

Голос. Да, да, конечно... Немедленно!

Хозяин дома. Не кладите трубку... Я хочу знать, что случилось.

Голос. Через минуту... Через две минуты...

Хозяин дома. Как-нибудь выберемся... За баром лежат баллоны с кислородом. Надо их открыть... Алло... Алло...

Голос. Скверная история, мистер Форген. Подземный атомный взрыв вызвал сдвиг породы... Вас здорово засыпало.

Хозяин дома. Вызвать спасательные отряды из Гражданской противоатомной обороны.

Голос. Я это уже сделал, они придут через несколько минут.

Хозяин дома. И много этого, Хартман?

Голос. Простите, чего?

Хозяин дома. Ну, земли над нами.

Голос. Как вам сказать...

Хозяин дома. Понимаю. Позвоните губернатору, пусть пришлет солдат. Быстрее!

Ну, страх, у которого, признаем, на этот раз были большие глаза, миновал. Убежище откопали, двери выломали. Спасены все. Мистер Форген в своем кабинете отдает распоряжения секретарю.

Хозяин дома. Составить письмо президенту. Нас спасли. Необходимо наградить. Хартман, вы также заслуживаете награды.

Хартман. Благодарю.

Хозяин дома (обращаясь к Актеру, которому не позволил уйти с другими гостями). Ну, как пережили атомный взрыв?

Актер. С трудом.

Хозяин дома. Я предъявлю иск строительной фирме. Испоганили убежище. Они обязаны предвидеть...

Актер (*прерывает*). Вы прекрасно знаете, что всего предвидеть невозможно.

Хозяин дома. Ну, бог с ними. Предлагаю для развлечения прокатиться на автомобиле. Через полчаса вы увидите океан.

В лимузине.

Хозяин дома. Произведения искусства и люди искусства — моя слабость; я вам помогу.

Актер. Простите, не понял.

Хозяин дома. Я люблю сильных людей с характером. Там, в убежище, вы были «на уровне» со всех точек зрения, нам нужны храбрые люди, с головой на плечах.

Актер. Нужны? Зачем?

Хозяин дома. Чтобы выиграть избирательную кампанию. Наш лозунг: AuH_2O .

Актер. Золотая вода*.

Хозяин дома. Вот именно. Я сворачиваю вправо, на боковую дорогу.

Актер. Золотая вода — тяжелая вода.

Хозяин дома (*смеясь*). Bravo! Тяжелая вода — золотая вода. Отличная шутка! Избирательная шутка! Пущу ее в свет!

Актер. Лишь бы людям хватило чувства юмора.

Хозяин дома. Хватит, хватит, вы получите место шефа бюро рекламы.

Актер. Осторожно! Человек!

Скрежет тормозов, крик, от которого, разумеется, стынет в жилах кровь, Форген и Актер выскакивают из ав-

* Фамилия баллотировавшегося в президенты США Голдуотера в переводе с английского означает «золотая вода».

томобиль. Под колесами жертва собственной неосторожности.

Хозяин дома. А, черт побери. Лез прямо под колеса. Я убил человека.

Актер. Печальное событие.

Хозяин дома. Это... это вы виноваты. Схватились за руль.

Актер. Я хотел вам помочь, можно было объехать этого человека.

Хозяин дома. Можно было, конечно, можно было. Но вы...

Актер *(прерывая)*. Этот человек будет жить.

Хозяин дома. Глупости. Что делать, черт побери?

Актер. Я ему помогаю. Он открывает глаза, улыбается.

Хозяин дома. Но каким чудом... я...

Актер. Шок, потеря сознания.

Хозяин дома. Странно... очень странно... Ну, садитесь, едем!

Актер. Куда?

Хозяин дома. К шерифу.

У шерифа, как у шерифа. Что-то выписывая из документов, представитель закона, сопя, ведет дознание.

Шериф. Не знаю, как вы это сделали, но я не люблю такие штучки, не люблю,

Актер. Этот человек потерял сознание.

Шериф. Не прерывайте, мы слышали сто раз: шок, потеря сознания. Автомобиль, едущий со скоростью сто километров в час, налетает на человека, переворачивает его, а тот встает, как ни в чем не бывало, и... улыбается. Мы могли бы поверить в исключительно удачное стечение обстоятельств, такие вещи случаются раз в тысячу лет. Ну, скажем, какие-то там токи, колебания или, как там, движение ветра смягчили падение, господь милостив. Но

ваше вмешательство в жизнь этого человека пошло дальше, оно зашло слишком далеко и переступило границы обычного.

А к т е р. Я вас не понимаю.

Ш е р и ф. До катастрофы у этого человека была одна нога, одна, говорю, потому что другую он потерял во время первой мировой войны; а после катастрофы он встал на обе ноги. Извольте шутить над делами господними? Нехорошо, очень плохо, и меня поставили в неловкое положение, очень хлопотное.

Хозяин дома. Прошу вас, не уходите... Прошу вас...

В автобусе небольшое совещание. Да, да. Существа из Иной Системы без всякого труда овладели искусством обсуждений. Можно сказать без преувеличения, они обожают заседания. Какая оказия для подведения итогов!

П р о в о д н и к. Я просил не злоупотреблять умением творить чудеса.

М у ж ч и н а (исполнявший роль Актера). Простите, я хотел проучить этого мецената.

П р о в о д н и к. Но шериф был прав, ты переступил границы обычного, наделив пострадавшего второй ногой.

М у ж ч и н а. Было темно, я не видел его перед несчастным случаем. Я регенерировал жертву на сто процентов.

П р о в о д н и к. Если мы сейчас покинем эту страну, нам несдобровать. Радиолокационные установки опять засекут в воздушном пространстве два неопознанных корабля. Внимание, приехали.

Ж е н щ и н а. Кто теперь пойдет устанавливать контакт с людьми?

П р о в о д н и к. Он.

Деревянный дом, за домом поле, лес, над лесом темное небо. Перед домом двое. Муж и жена. Гремит гром.

Жена. Будет буря, уже начинает капать, я, пожалуй, закрою ставни.

Муж. Закрой.

Жена. Темно, хоть глаз коли, посвети, пожалуйста. Святой архангел Гавриил! Что это?..

Муж. Где? Ничего не вижу.

Жена. Там, под деревом.

Муж. Волк! Подай двустволку, скорее!

Жена. Глупец, смотри, ластится, это собака.

Муж. Да, пожалуй, собака.

Жена. Заблудилась, бедняга, слышишь, как сердечко бьется.

Муж. Ничего не слышу.

Жена. Потому что далеко стоишь. Положи руку вот сюда... Чувствуешь?

Муж. Чувствую.

Жена. Она боится. Ну, чего ты ждешь, проводи ее в дом, закрой дверь. Смотри, какой славный пес.

Муж. Забавный.

Жена. Почему забавный?

Муж. Потому что голубой.

Жена. Это такая порода. А может, он спустился к нам с неба?

Муж. Ерунда. Перекрестись и попроси господ бога простить тебя. Пес как пес, тут вблизи фабрика ультрамарина, все лужи голубые, испачкался голубой краской, а ты сразу придумываешь бог весть что.

Жена. Ультрамарин, ультрамарин, у него и зрачки голубые.

Муж. Видно, запачкал и глаза.

Жена. Но ты его не выгонишь?

Муж. Пусть остается, все-таки божья тварь.

Жена. Я и говорила, что божья, а тебе только ворчать да ругаться.

Муж. Человек обязан помогать животным.

Жена. Обязан, смотри, он язык вывесил. Он очень устал.

Муж. Видно, издалека бежал. Слышишь? Скулит.

Жена. Потому что голодный.

Муж. Дай ему кусочек солонины и напои. Будет спать в углу около печки.

Жена. Как-то спокойнее на душе, когда кто-нибудь есть в доме.

Муж. Гляди, вертит хвостом.

Жена. Лапу подает.

Муж. Смышленная бестия.

Жена. Утром сошью ему подстилку, зима холодная.

Муж. Сердца у нас мягкие как воск.

Жена. Бог свидетель, мягкие. О дева Мария! Молния ударила в дом. Горим! Спасай пса!

Муж. А Елена?

Жена. Что Елена?

Муж. На чердаке.

Жена. Господи, она же сумасшедшая. Спасай, говорю, пса, я беру торбу и прыгаем в окно.

Муж. Стой! Стой! Он вырвался.

Жена. Догоняй его. Что ты ждешь, погибнет бедняга в огне.

Муж. Он помчался на чердак.

Жена. Бежим, я чувствую дым, огонь в коридоре.

Муж. Ну, прыгай. Почему не прыгаешь? Ты с ума сошла?

Жена. Гляди! Пес выводит Елену, тянет ее за платье.

Муж. Лапы обгорели.

Жена. Глупое животное, прыгай, говорю тебе, в любую минуту крыша обвалится.

Отличный вечер в автобусе. Как все-таки летит вре-

мя. Даже здесь, на Земле. Ну что ж, надо подумать и о возвращении.

Проводник. Наш пес был принят гостеприимно. Люди проявили по отношению к нему столько сердечности.

Женщина. Он привел к нам сумасшедшую девушку..

Мужчина. Это легко излечимая болезнь. Вскоре она будет здорова.

Женщина. И вернется в свой дом.

Мужчина. Ее дом сгорел.

Проводник. Родственники не дадут ей погибнуть.

Мужчина. Когда увидят, что она выздоровела, дадут. Дом, земля, все хозяйство — ее собственность. Используя болезнь законной наследницы, они забрали все себе.

Проводник. Ты думаешь, она должна лететь с нами? Да, вижу, ты очень этого хочешь. Взгляните, наш старый знакомый.

Патрульный. Возвращаетесь? Вот хорошо.

Проводник. Что это, сеньор начальник?

Патрульный. Монета, настоящая золотая монета.

Проводник. Я дал ее вам, платя штраф.

Патрульный. А я возвращаю и баста. Моя жена теперь страшно следит за своей фигурой и ходит в театр, стыдно сказать, с голыми плечами. Ко мне относится лучше не надо, вчера при открытом окне мыла мне спину. Обеими руками, чтобы выровнять некоторую разницу между правым и левым плечом. Благодаря вам я опять стал человеком, достойным уважения. Даже Тисс, старый разбойник, увидев меня, снимает шапку. Благодарю. Вы ужасно порядочные люди (*смеется*). Эта экскурсия пошла вам на пользу, на лицах румянец, приятно смотреть. Ну, двигайтесь, стоянка в этом месте запрещена.

Патрульный уходит. Автобус сворачивает направо, потом налево, еще раз направо и опять налево. Боковой дорогой добирается до красочной полянки. Два коротких радиосигнала и из ионосферы появляется космический корабль, который легко опускается на зеленую мураву среди желтых калужниц.

Проводник. Покидаем Землю.

Женщина. Ты проверил, все ли на месте?

Проводник. Все на месте... Знаю, вам многое хочется сказать. Терпение, поговорим после возвращения.

Мужчина. Поговорим с Ней.

Проводник. У нее мышление ребенка.

Женщина. Тем лучше: ее суждения не будут предвзятыми.

Проводник. А когда выздоровеет?

Мужчина. Надеюсь, тогда она будет сознательно объективна.

Женщина. Она улыбается.

Проводник. Она видит солнце.

Девушка. Солнце — мячик. Кто это?

Мужчина. Собака.

Девушка. Я могу с ней поиграть?

Мужчина. Пожалуйста.

Диктор. Несколько минут назад были обнаружены не установленные ранее объекты. Они оказались метеоритами, которые в это время года обычно появляются над Землей. Если вы хотите безопасно путешествовать самолетами Международных линий Воздушной Связи, пользуйтесь «Бюллетенем погоды», выпускаемым нашими специалистами. Продолжаем передачу статьи.

«На вопрос, почему разумные существа, если они живут где-то в Космосе, до сих пор не установили с нами

связь, мы охотно отвечаем: огромные пространства Вселенной приводят к тому, что добраться до нашей системы, лежащей на периферии Галактики, можно только за миллионы лет. Разумные существа из других систем могли навестить нашу планету в тот период, когда по ней бродили динозавры, или еще раньше. Это был негостеприимный уголок, космические корабли улетели. В борт-журналах записали: «Зелено-голубая планета в Четвертой Системе не заселена разумными организмами». А если они навещали нас вчера? Как можно узнать существ из Иной Системы? Стоит подумать о каком-то аппарате, который, обнаружив гостя из Космоса, начнет трезвонить, подобно будильнику, или выть, словно корабельная сирена, или произнесет приветственный спич, или просто скажет: «Внимание, внимание, в поле зрения существа из другой системы. Вымойте руки и приветствуйте их хлебом-солью». Возможно, они пригласят вас отдохнуть на берегу космического моря или привезут на именины космического робота, который станет рассказывать вам о чудесных происшествиях. История повторяется, а сказки не вышли из моды. Они укрепляют нервную систему».

ПОРОК ДУШИ

Он открыл глаза и с изумлением увидел, что находится в огромном зале. Винипластовые фосфоресцирующие стены излучали бодрящее голубое сияние. Было светло, как днем, даже еще светлее. Вверху, разбросанные по темно-синему куполу, горели разноцветные звезды.

Он глубоко вздохнул и в тот же миг услышал мелодичный голос:

— Сердечно приветствую вас. Я стою у вас за спиной, прошу повернуться.

Он сделал, как полагается, «налево кругом», при этом слегка покачнулся и смущенно пробормотал:

— Виноват, небольшое нарушение равновесия. С кем, простите, имею удовольствие?

— Космический техник, — ответил владелец мелодичного голоса и стряхнул космическую пылинку с космического комбинезона.

— Техник — понимаю. Космический — нет.

— А ведь это так просто. Минуту назад вы умерли.

— Да что вы говорите?! Я и не заметил.

— Вы к нам попали в несколько... э... нетрезвом состоянии. Ваши психоатомы, именуемые в просторечьи душой, еще и сейчас эмануруют алкоголь. Скорее всего, это был бенедиктин.

— Ну и нюх у вас, ах, какой нюх!

Космический техник улыбнулся с космическим добродушием.

— Вы, простите, выдули две бутылки.

— Ей, богу, не помню.

— И в результате, вместо того чтобы сесть в трамвай, вскочили на транспортер, переправивший ваши атомы на тот, то бишь на этот свет.

— Я умираю от смеха.

— Ну, это вам уже не грозит.

— И что же будет дальше?

— Мне поручено снабдить вас новой телесной оболочкой. В порядке перевоплощения. Придется начинать жизнь сначала.

— А нельзя ли хоть немного передохнуть?

Космический техник бессильно развел руками:

— Наш производственный цикл, — огорченно объяснил он, — наш цикл, поймите меня правильно, не терпит простоев. Прошу на склад.

Они вместе прошли в соседний зал. Он был меньше и определенно уютнее. Вдоль стен стояли машины, что-то вроде помеси токарных станков с клавикордами. Голубой пушистый ковер приглушал шаги, с потолка струился розовый свет.

— Живи — не хочу, — вздохнул человек, который умер.

— Да, мы работаем в сносных условиях. Ну, как, не желаете ли начать? Бытие номер два. С грудного возраста?

— Честно говоря, я предпочел бы что-нибудь более зрелое.

— Например?

— Я всегда мечтал о военной карьере.

— Желание клиента — для нас закон. Вот воплощенье номер 3676. Военный в чине генерала.

— Беру.

— Одну минутку. Подойдите, пожалуйста, к метаморфизатору, помеченному тем же номером. Сюда мы зложим ваши психоатомы. Остороженько. С противополож-

ной стороны натягиваем выбранную вами телесную оболочку. Перевожу рычаг, включающий гидравлический пресс, вот так, прелестно. Все это скрепляем синтетиком и отсылаем на Землю.

Он открыл глаза и с удивлением увидел, что находится в шикарном кабинете. В зеркале, обрамленном золоченой рамой, отражалась высокая фигура в белоснежном мундире.

— Это я, — прошептал он с гордостью. — Это я! — повторил он радостно. — Это я! — воскликнул он с нескрываемым восторгом.

Спустя минуту в кабинет проскользнул полковник с бомбой в руках.

— Пардон, генерал, — проговорил он, обаятельно улыбаясь, — я вынужден вас взорвать.

Генерал прикрыл глаза. Открыв их, он без удивления констатировал, что находится в огромном зале. Виниловые фосфоресцирующие стены излучали бодрящее голубое сияние. Космический техник смущенно почесывал за ореолом.

— Уже обратно? — вежливо, но без улыбки спросил он.

— Ну и влип, — нервно объяснил бывший генерал. — Я спустился в Эквадоре в момент дворцового переворота.

— Ну, следовательно, бытие номер три. Чего желаете?

— А, может... воплотиться в такого среднего миллионера?

— Ну, что же. Метаморфизатор номер 7367... Не забудьте о дотации в фонд перевоплощения. Мы ведь работаем с дефицитом. Приятного путешествия.

Он осторожно приподнял веки и увидел, что сидит в удобном кресле и лакомится отличным бананом. За окнами перемигивались веселые рекламы. Небоскребы рвали крышами облака. Он закашлялся и испустил дух.

— Вы возвращаетесь, словно бумеранг, — сказал космический техник, не теряя ангельского терпения.

— Черт побери, — разнервничался бывший генерал и экс-миллионер. — Что за невезение! Что за невезение! Я проглотил банан, отравленный цианистым калием. На этот раз меня наследнички лишили жизни. И какой жизни! Эх-хе-хе!

— Исключительно тяжелый случай, — пробормотал космический техник. — Но не будем терять надежды. Слушаю следующее пожелание.

— А, может, положиться на судьбу?

— Согласен. Назовите любое число.

— Тысяча двести три.

— Рычаг, пресс, клей, сушилка. Готово.

Он открыл глаза и без всякого удивления отметил, что находится в огромном зале. Стены из винипласта фосфоресцировали бодрящим голубым светом.

— Ну, знаете ли... — в голосе космического техника прозвучал явный укор.

— Это... это был тореадор.

— Понимаю. Бык забодал бытие номер четыре.

— Милый мой, с меня довольно.

— С меня тоже. Однако я обязан выполнить свой долг до конца. А что, если сменить вам пол?

— Вот еще что! Протестую! Я буду жаловаться! Я отказываюсь!

— Пожалуйста. Это успеется. Сначала я проделаю точный анализ ваших психоатомов... Ну, конечно! В ре-

зультате чрезмерного употребления алкоголя они автоматически возгоняются при соприкосновении с земной атмосферой.

— Возгоняются? Что вы сказали? Как вы сказали?

— Они настолько перенасыщены разнородными алкоголями, что немедленно улетучиваются и возвращаются к нам. Хронический порок души.

— Хорошенькая история.

— У вашей души прямо-таки эфирная легкость, присущая душам ангелов и поэтов. Есть у меня мысль. Практичная и современная. Соответствующая, так сказать, духу времени. Вместо перевоплощения мы разобьем ваши психоатомы, а высвободившийся таким образом алкоголь используем в качестве топлива для космических кораблей. Я получу премию за идею.

— А я? Что будет со мной? Что получу я?

— Я спою вам четвёртый псалом Давида в сопровождении электронной арфы.

СУД ПРИ НЕЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Все были страшно испуганы: и главный инженер, и конструкторы, и техники. Только ректор академии хранил спокойствие. Он широко распахнул дверь и сказал:

— Господин прокурор, ОН здесь.

Прокурор Верховного суда вперил глаза в стену.

— Эта стена,— прошептал он,— эта стена — ОН?

— ОН занимает одну стену,— объяснил ректор.— Другие бывают и покрупнее. В несколько стен. Включить ток?

— Ток? — вздрогнул прокурор.— Откровенно говоря, я предпочитал бы без тока.

— Согласно закону, обвиняемый должен быть в полном сознании.

— Это верно,— тяжело вздохнул прокурор.— В соответствии с классическими нормами уголовного права, разработанными Карминьяни и Каррара, обвиняемый во время судебного разбирательства должен быть в полном сознании. Однако сомневаюсь, в состоянии ли взвод полиции обеспечить порядок, если он...

— ОН прикреплен к полу. Раз, два, три, четыре,— считал ректор,— четыре болта с каждой стороны, всего шестнадцать больших болтов и шестьдесят маленьких.

— Он может поразить нас током на расстоянии.

— Уверяю вас, господин прокурор, ОН никому не нанесет вреда.

— Не нанесет, не нанесет, уже нанес!

— Вы предопределяете решение еще до начала раз-

бирательства. Если мы действительно желаем оставаться в рамках закона, следует включить ток.

— Мы всегда действуем в рамках закона. Всегда, всегда! — не выдержал прокурор. — Всегда! Прошу включить ток и да хранит нас господь. Где комиссар?

— Дежурит в холле, — вежливо сообщил главный инженер.

— В холле? Ему положено быть здесь! Он отвечает за безопасность Чрезвычайного суда. Комиссар! Немедленно! Ко мне!

Привели комиссара. Он спокойно выслушал прокурора, отсалютовал и отправился в холл, а спустя минуту вернулся во главе двенадцати полицейских в касках салатного цвета. Лишь после этого прокурор позволил включить ток.

Ректор был взбешен. Охотнее всего он выкинул бы прокурора в окно или подключил к линии высокого напряжения, а то и взорвал бы вместе с Чрезвычайным судом. Может, минутой, а может, и больше он смаковал эту мысль. Тем временем техники установили несколько стульев полукругом, на солидном расстоянии от НЕГО. Судьи заняли места, председатель, не отрывая от НЕГО глаз, пробормотал:

— Предлагаю сократить процедуру до необходимого минимума. Установление личности обвиняемого произведено?

— Так точно, Ваша честь, — ответил комиссар, — внешняя идентификация по методу А. Бертильона и Г. Бертильона, телеидентификация по методу Бердонне, кинейдентификация по Оттоленжи. Пороскопическую, а также дактилоскопическую идентификацию по причинам, известным Верховному суду, произвести невозможно. Тем не менее подлинность обвиняемого установлена несомненно.

— В таком случае сообщите личные данные этого...— председатель сглотнул слюну...— Личные данные,— повторил он.— Тоже мне личность!

— Обвиняемый представляет собою автомат второй категории,— сообщил комиссар,— и относится к семейству аналоговых машин.

— Хороша семейка,— съехидничал маркиз Девон, сидевший по правую руку от председателя.

— Он ведет свой род по прямой линии от выхлопной трубы моего форда,— пошутил барон У, занимавший кресло по левую сторону.— Мне кажется...

— Потом, потом,— прервал председатель.— Нет смысла затягивать это бессмысленное разбирательство. Продолжайте, господин прокурор.

— Специальность обвиняемого: расчетчик. Место работы — Королевская Академия статистических автоматов.

— Обвинительный акт. Побыстрее!

— Электронный мозг номер 67301 серии АА исказил результаты плебисцита, сообщив, что за присоединение колонии Труаны к Короне проголосовало незначительное меньшинство подданных Его Королевского Величества, а подавляющее большинство высказалось за полное отделение труанцев. В действительности было наоборот. Если бы не бдительность генерального расчетчика, господина Делокка, который обнаружил подлог, наша монархия лишилась бы навсегда самой ценной из своих... э... драгоценностей. Следствие выявило, что обвиняемый автомат в свое время был связан с оппозицией, для которой вычислял какие-то там дивиденды. Вероятно, тогда его и настроили против монархии. Я требую для обвиняемого высшей меры наказания.

— Суд удаляется на совещание,— сообщил секретарь.

— Совещаемся, совещаемся,— ворчал председатель,— два часа совещаемся и ни до чего не можем до-

совещаться. Смерть, смерть — это очевидно. Его надо умертвить, но как, каким образом?

— Повесить, — буркнул маркиз.

— Позволю себе напомнить: он весит две тонны.

— Тогда смочить водой. Чтоб его ржа съела.

— Отличная мысль, барон! — воскликнул судья. — Только прежде чем он проржавеет, вы сами успеете десять раз проржаветь. Вы уже ржавеете. Я предлагаю демонтировать.

— Это опасно. Он может обороняться, а наши потери в этом случае... Нет, уж лучше взорвать.

— Это исключено. Падающие сверху обломки могут ранить Короля, не говоря уж о его семье, дворе, министрах и о нас.

— Расстрелять.

— До сих пор еще никто не расстреливал машины. Впрочем, мне кажется, есть смысл попробовать. — Председатель поднял правую руку. — Я голосую за расстрел. Кто против? Никого. Благодарю.

В зал вошел взвод, двенадцать полицейских в салатного цвета касках.

— Взвод, стой!

Встали. Следующая команда — и оружие, висевшее на плечах, оказалось на животе.

— Автоматические карабины, — поморщился председатель Чрезвычайного суда. — Автоматы, расстреливающие автомат, могут отказаться. Рыбак рыбака....

— Не откажут, — поднял палаш комиссар. — Це-е-ель...

— Вот именно, — сказал один из полицейских, — цель. Во что целиться? В кабели, лампы или куда попало?

— Куда попало. Це-е-е-ель...

— Минуточку, — проговорил ректор академии, — прикройте ЕМУ фотоэлементы.

— Ничего мы не будем прикрывать. Взвод, це-е-е-ель...

В зал, словно бомба, влетел генеральный расчетчик Делокок.

— Стойте! — выпалил он. — Стойте! Машина сказала правду. Это я по приказу Короля подделал результаты плебисцита.

Господин Делокок был выслан на Ангельские острова, где вскоре отдал душу богу. Король так прокомментировал известие о его смерти:

— Все сложилось удивительно удачно. Люди привыкли к тому, что их близкие время от времени умирают. Представляю себе, сколько было бы ненужного шума, если бы мы расстреляли электронный мозг!

ВОЛШЕБНАЯ ЛЕСТНИЦА

Дом. Четыре этажа. Одни ворота, один подъезд. На первом этаже живет дворник с женой. В пятницу он приводит в порядок двор, жена моет лестницу — тридцать три ступеньки. Вторую половину моют жильцы.

Дворничиха перегнулась через перила. Крикнула мужа. Тридцать две ступеньки вымыты, на тридцать третью кто-то наплевал. Свинья. Вечно плюет на одну и ту же ступеньку, хоть бы раз плюнул на ту, что моют жильцы. Известное дело... Господь бог покарает паршивца, рано или поздно он за это поплатится.

— Поплатится, — согласился дворник и вернулся к своим занятиям.

Дворничиха спустилась в подвал. В ворота прошел высокий мужчина.

— Лестница чистая, — удовлетворенно отметил он и вздохнул, потому что к еженедельному удовлетворению добавилось какое-то новое ощущение. «Через минуту, — думал он, — через минуту случится что-то приятное, это уж точно. Готов с кем угодно побиться об заклад». Он ускорил шаг. Он жил на третьем этаже. Комната, кухня, ванная, солнце с десяти до четырнадцати, луна с двадцати до полуночи. Открыл дверь, сбросил пальто, подошел к окну.

— Минута прошла, — прёбормотал он. — Неужели исполняются только дурные предчувствия?

Кто-то постучал.

— Стучит вместо того, чтобы позвонить, — удивился он. — Наверно, отключили ток.

Он поправил галстук и выглянул на лестничную клетку.

У самых дверей стояла большая картонная коробка. Под шпагатом — конверт с его именем, внутри листок:

«Исполняя ваше желание, преподносим вам телевизор новейшей марки».

— Невероятно, — поразился он, — фантастично. Три года я мечтаю о телевизоре. А может, это глупая шутка? Коробка пустая?

Он втащил коробку в комнату, развязал шпагат.

— Телевизор! — ахнул он. — Ей богу, телевизор!

В коробке был самый настоящий телевизор. «Я должен показать его Роману».

Роман занимал соседнюю трехкомнатную квартиру.

— Он вышел, — сказала его жена. — А что случилось? Вы так взволнованны...

— Телевизор. На лестнице. Невероятно...

— Почему невероятно? Ведь вы же слышали стук, значит, кто-то принес его, постучал и ушел. Телевизоры сами не стучат.

— Верно, не стучат, — согласился он и погрустнел. — Некоторые люди не переносят, когда их благодарят. Оставил подарок и убежал. Зато теперь у меня есть телевизор. Загляните ко мне вечером. К тому времени я установлю антенну. Хорошо, Тереза? Придете?

Разумеется, они придут. Он выбежал, хлопнув дверью. Она вернулась на кухню. Прошло пять, может, десять минут. Она как раз мыла тарелки, когда кто-то постучался. «Наверно, выключили свет», — подумала она, сняла фартук и отворила дверь.

У самого порога стояла большущая картонная коробка. Тереза сразу заметила конверт. «Глубокоуважаемой Терезе Гралль», — прочла она.

— Это мне. И письмо. Боже, какое коротенькое!

«Преподносим вам электрическую плиту на четыре конфорки, новейшая модель».

Тереза втащила коробку в коридорчик. Распаковала.

— Изумительная, чудесная! — воскликнула она, хлопая в ладоши.

Когда она рассказала о неожиданном подарке соседям со второго этажа, те только пожали плечами. Они трезво смотрели на жизнь.

— Никто ничего не дает даром, — сказала Она.

— Рекламный трюк какой-нибудь фирмы, — подтвердил Он. — Утром пришлют счет.

— Нет, не пришлют, — сказала Тереза.

Уверенность, с которой она произнесла эти слова, позабавила практичных соседей. Они рассмеялись. Тереза ушла обиженная.

— Подарочки, ничего себе, — мужчина не мог сдерживать веселья. — Слышала? Электроплита, телевизор! Утром заплатят за подарки или фирма заберет. Что ты говоришь?

— Говорю, кто-то стучит, — женщина затаила дыхание и повторила: — Стучит.

— Ну, так отвори, чего ты ждешь?

Через минуту она вернулась. Очень бледная.

— Подарок, — прошептала женщина еле слышно, — встань скорее, помоги мне!

У двери стояла детская коляска. В ней лопотал полугодовалый ребеночек. На одеяльце лежал конверт.

— Нам... нам... — невразумительно бормотал Он, — адресовано нам! И письмо! Прочти ты, у меня руки дрожат.

«Преподносим уважаемому семейству, — читала Она, — четырехмесячного ребенка мужского пола, а также коляску...»

Глубоко взволнованные, они внесли коляску.

— Смотри-ка, кроха тебе улыбается. Я столько лет мечтала о ребенке!

— И я, — растроганно сказал Он. — Ничего не понимаю. В этом доме творятся удивительные вещи. И все-таки это, пожалуй, действительно подарки... Ведь не пришлют же они счет за ребенка... Разве что за коляску... А может, это кукла?

— Глупости! — рассмеялась Она. — Он только что... пеленка мокрая...

— В наше время можно создать и такую... Вторая половина двадцатого века...

— Ерунда, — прервала Она, — потрогай его. Это ребенок, прелестный, изумительный мальчуган. Он плачет, он голоден, господи, а дома ни капли молока. Сбегай к дворничихе, займи!

Он вскочил, побежал в дворницкую. Одним духом выложил все, забрал пол-литра молока и вернулся.

— Телевизор, электроплита, — подсчитывал на пальцах дворник, — ребенок с коляской. Три подарка, появившиеся на нашей лестнице непонятным образом.

— Лестница заколдована, — серьезно сказала дворничиха. — Иногда такие штуки случаются. Мы еженедельно моем лестницу.

— Два этажа, — уточнил он.

— Да, два, но очень старательно и систематически, в благодарность за это сегодня исполняют наши желания.

Дворник почесал за ухом, раскурил трубку.

— В нашем роду, — сказал он, — ни у кого не было времени на беспочвенные мечтания. Всю жизнь мы тяжело трудились. Мечтать было некогда. Пойду расскажу об этих штучках адвокату. Умнейший человек. Тридцать восемь лет, а все еще холостой.

Адвокат жил на четвертом этаже и занимал две ком-

наты. Он терпеливо выслушал рассказ дворника, они немного посмеялись, выпили по рюмочке коньяку. Потом адвокат сел за столик и, вычерчивая зигзаги на листе чистой бумаги, стал размышлять:

«Живешь, черт побери, словно отшельник. Некому слова молвить. Ну, это, конечно, немного преувеличено. В суде язык отваливается от болтовни, да и с частными клиентами тоже приходится беседовать... но это не то, нет, не то...»

Стук в дверь прервал его размышления. Он отворил и побледнел. На лестничной клетке стояла красивая обаятельная девушка.

— Адвокат Тосс? — спросила она и улыбнулась.

— Да-да... я...

— Вам письмо.

«Преподносим вам, — читал он, — красивую девушку. 21 год. Рост 175 сантиметров. Окружность талии 60 сантиметров, груди — 89. В достаточной мере интеллигентна. Хозяйственна. Заполнит пустоту».

Дворник сказал жене.

— Жильцам со второго подбросили ребенка, тому, что на четвертом, привели такую, что... да, на третий принесли электрическую плиту, а у высокого — телевизор. Надо сообщить в полицию.

Комиссар полиции беседовал с адвокатом:

— Понимаете, я обязан был проверить. Разумеется, я не нашел ни телевизора, ни электроплиты, ни ребенка, ни, простите, девушки. Всю эту историю дворник высосал из пальца.

— Не высосал. Он повторил то, что слышал. А слышал он то, о чем мы говорили, — адвокат раскрыл окно. — Взгляните, господин комиссар, какая погода. Разве можно винить людей за их мечты, за то, что они вообразили, будто эти мечты наконец-то исполнились. Бывают такие

дни, когда воображение выкидывает любопытные штучки. Я вас слушаю!

— Простите, я задумался. Да, мечты, воображение, конечно... Кто-то стучит, откройте, пожалуйста.

В прихожую вошел человек в кожанке.

— Вот это счастье,— расцвел комиссар.— Привет, привет! Одиннадцать лет мечтаю схватить этого субъекта и вот сегодня он сам, добровольно отдается мне в руки.

— Простите, я насчет засорившейся ванны. Вы звонили?

Адвокат кивнул.

ГОД 10000

Элль, набирая скорость, передвигался по линии, соединяющей вершины гипербол. Когда его скорость достигла максимума, он перескочил с действительной оси на мнимую. Несколько глубоких вдохов, и экспериментальные кривые всех измерений слегка заколебались и замедлили скорость изменения.

— Забавно, — обратился Элль к Уну. — Наши предки создавали сложные машины. На первый взгляд, они являлись продолжением разума, потому что решали сложные проблемы. В действительности же живой мозг сам мог ответить на большинство вопросов.

— Предки об этом не знали. — Ун раздвинул экран. Они вышли в сад, залитый солнцем. — Самым большим их несчастьем было время, недостаток времени и избыток его. Они вывели абстрактное растение, переросшее садовников. Нетрудно представить, как мучила их эта гонка за временем, как тяготило сознание, что они могут не успеть. Спешка оглупляла, расшатывала нервную систему. Разум начинал деградировать. Поэтому они создавали машины.

— А ведь достаточно было установить контакт с другими системами, чтобы выйти в надвременную сферу. Твой музей, — говорил Элль, — музей времени, углубляет удовольствие нашего существования. Благодарю. Я хотел бы сделать сюрприз существам из более примитивных систем.

— Сколько в тебе радости, — улыбнулся Ун, — Ты обязан отдать избыток ее другим.

— Из гигиенических соображений. Я помню твои слова, сказанные на последнем семинаре: «Нельзя накапливать в себе никаких избытков, в том числе и избытка счастья».

— С кем бы ты хотел поделиться?

— Выбери какую нибудь планету, — сказал Элли, усаживаясь перед куполом Абсолютного Уха, — планету, которая в пространстве, замкнутом временем, справляет десяти тысячную годовщину существования своей цивилизации.

— Попробуем. Взгляни, вот изображение нашей Галактики.

Они увидели панораму Млечного Пути, потом его часть, из которой Глаз выделил систему эпсилон Эридана.

— Нет, не годится — они высвобождены из времени.

— Они нам помогут, — сказал Ун. — Будем искать вместе. — Он опустил купол, приблизил губы к чувствительной мембране.

— Внимание... говорит... тау... Кита, — сказал он, цедя слова. — Слышите? С вами говорит... Ун... из... системы... Кита.

— Отодвинь Ухо от центра, — загремел голос. — То, что вы ищете, находится на периферии Галактики. Планета Земля в сто седьмой девятиорбитной системе. По нашим вычислениям у землян исполняется десяти тысячная годовщина существования новой цивилизации.

Ун поблагодарил. Ухо ловило звуки: попискивания, шумы, кваканье, ритмичный гул.

— Космос сплетничает о межпланетных скандалах, — весело заметил Элли. — Плетут небылицы.

— Селекторы выделяют голос Земли.

Писк утих. Они услышали мелодичные звуки музыки.

— Приятная композиция, — сказал Элли. — Они му-

зыкальны, это свидетельствует в их пользу. Но мелодия затухает. Почему?

— Нас разделяют десять световых лет.

— Пустяки. Я хочу поговорить с мудрейшим из землян.

— Это непросто, — улыбнувшись, ответил Ун. — Каждый считает себя мудрейшим.

— Убедив их, что все обстоит как раз наоборот, я окажу им услугу.

— Эта очевидная истина не дойдет до их сознания. Они возмутятся, а тебя назовут космическим глупцом.

— В таком случае я хочу поговорить с самым глупым.

— Глупым по его мнению или по мнению его ближних?

— Выбери человека, которого все называют глупцом, а он соглашается с этим.

На экран, растянутый над куполом, Глаз отбросил изображение небольшой комнатки. Положив ноги на край туалетного столика, в кресле перед зеркалом дремал мужчина.

— Зеленая куртка, желтые брюки, — прошептал изумленный Элль, — красные туфли?

— Это антиподист, — объяснил Ун. — Цирковой актер, жонглирующий с помощью ног. Он отдыхает в своей примерной после выступления.

— Каким образом я могу установить с ним контакт? Достаточно ли будет, если я проникну в его сознание?

— Нет, он подумает, что страдает раздвоением личности.

— Ну, так сделай так, чтобы он меня увидел и услышал.

Антиподист икнул во сне. Ему снился сытный обед. Кусок сочной печенки убегал от вилки...

— Скотина, — пробормотал циркач и открыл глаза. Любезно улыбаясь, в примерную вошел Элл.

— Надеюсь, — сказал он, снимая шляпу, — надеюсь, я не помешал?

— Не помешал. Где вы раздобыли такой нейлончик? Я уже давно мечтаю о солидном цилиндре. Он вам немного маловат. На лбу красная полоска. В средневековье на голове истязуемого сжимали железный обруч, который оставлял такой же след. — Артист рассмеялся. — Я все болтаю и болтаю, никому не даю выговорить ни слова. Как вам понравился мой номер?

— Номер? Ка... какой номер? — пробормотал Элл.

Ун, сидевший у Абсолютного Уха, поспешил объяснить:

— Цирковая программа состоит из нескольких частей, которые называются номерами.

— Bravo! — воскликнул антиподист, услышав голос Уна. — Вы говорите, не шевеля губами. Чревовещатель. Отличная работа. Приветствую вас, коллега. Работу ищешь?

— Работу? — спросил Элл.

— Работа, — объяснил Ун, — это процесс, происходящий между человеком и природой, в результате которого человек благодаря своей деятельности реализует, регулирует и контролирует обмен материи с природой. Сам он противостоит природе, будучи в то же время ее силой. Он вводит в движение естественные силы своего тела — руки и ноги, голову и спину, чтоб впитать в себя материю природы в форме, удобной для своего существования.

— Феноменально! — антиподист захлопал в ладони. — Ты животом вещаешь лучше, чем устами. Завтра

же поговорю с директором, — он замолчал, прислушиваясь. — Кто-то идет, — шепнул он, — тебе придется исчезнуть. Посторонним лицам вход воспрещен... Иди туда... О, черт! — выругался он, потому что Элли, выполняя его просьбу, исчез. — Ты... ты... — бормотал актер, — ты действительно исчез. Фантастично! Где ты?

— Недалеко.

— Голос слышен, тела не видно. Вот это фортель!

— Можно вернуться к тебе в комнату?

— Можно.

Элли вторично переступил порог гримерной.

— Феерично! Гениально! — кричал антиподист. — Двадцать лет работаю в цирке, а такого номера, клянусь богом, не выдывал.

— Вы меня смущаете, — сказал всегда скромный Элли. — Честное слово, я не достоин таких похвал. Ваши слова...

— Вы, ваши, — прервал актер. — Называй меня просто Ро-Ро.

— Элли, — представился гость. — Я хотел бы оказать людям, тебе, услугу. Но не знаю какую.

— Ты что — филантроп?

Элли не понял.

— Филантропия, — объяснял высокообразованный Ун, — действие, принижающее человеческое достоинство, бескорыстное оказывание помощи нуждающимся.

— Вот именно, бескорыстное, — согласился циркач. — Одолжи сто гульденов. Эта услуга не принизит моего достоинства.

— Гульденов?

— Отличная валюта, не хуже других. Ну, так как? Я понимаю, у тебя нет наличных.

— Наличных?

— Денег.

— Денег?

— Деньги, — выручил бесценный Ун, — деньги могут быть эквивалентом работы. Твой собеседник имеет в виду деньги, полученные без работы.

— Ай-яй-яй! — воскликнул Ро-Ро. — Твой живот пытается меня обидеть, а ты говоришь об услуге.

— Я хотел бы отдать избыток счастья.

— Счастья? — весело переспросил антиподист. — Честно говоря, — продолжал он, надевая лакированные ботинки, — мне дьявольски не везет. Я все время налетаю на абстрактщиков, — он накинуд на плечи плащ и, приоткрыв дверь, выглянул в коридор. — Никого. Пошли. Я приглашаю на обед. Антиподист и чревоушатель-маг — неплохая пара. Это надо обмыть. Пошли.

— Хорошо, очень хорошо, — хвалил Элль, обгрызая куриную ножку. — Вкусно, — он запил пивом. «Выпить рюмашечку» он не согласился. Ро-Ро опрокинул две.

— За твоё здоровье. Откуда ты?

— Отку... — Элль осекся. Вопрос был несколько хлопотный. Не было смысла скрывать правду. У этого человека достаточно развито чувство юмора. Юмор освежал его разум, интенсифицировал процесс мышления.

— Я, понимаешь ли, оттуда, — Элль ткнул пальцем в потолок.

— С крыши? — пошутил антиподист.

— Выше.

— С неба?

— Из космоса.

— Все едино. Посему, — Ро-Ро поднял рюмку, — приветствую тебя на земном пороге.

— Ты не согласился бы взять на себя обязанности проводника, чтобы показать мне Землю?

— Хорошая шутка способствует пищеварению.

— Я не шучу. Вдохни глубже, подумай о месте, в котором ты хотел бы оказаться, и мы выскочим за пределы времени.

— Не ерунди. Что за идиотизм? Новый фокус?

— В определенном смысле, да. Ну, вдохни,— наставлял Элль,— подумай.

— Веселиться, так веселиться,— Ро-Ро хватил глоток воздуха.— Год назад я отдыхал во Вьетнаме. Не переносу холода, а там тепло, словно в раю. В тени камфарного дерева я познакомился с санитарочкой, то бишь с самаритяночкой из Красного Креста. Я шепнул ей два слова, а она ушла, испарилась. Дерево виновато — камфарное,— захихикал антиподист.— Это что такое? — посерьезнел он.— Все кружится! Господи боже ж мой! Ничего не видно!

— Дай руку,— сказал Элль.— Перестань трястись. Открой глаза.

Ро-Ро осторожно поднял веки.

— Меконг,— прошептал он,— дельта Меконга. Долина Джонок.

— Что это?

— Я же сказал, Долина Джонок.

— А я имею в виду вот эти трубы. Каково их назначение?

— Это стволы, стволы орудий, стволы минометов, стволы автоматов. Ты поставил меня перед фронтом, ты — дьявол!

— Дьявол? — удивился Элль.

— Прости, ты ангел.

— Ангел?

— За одну секунду переносишь человека на другой конец света. Ты все-таки не иначе, как факир, но какой-то особенный.

— Вашей цивилизации сто веков, а ты не понимаешь...

— Знаешь что, давай смотаемся отсюда, пока есть время, — прервал Ро-Ро, который все еще не мог успокоиться, — слышишь, бежим!

— Тебя пугают музейные экспонаты?

— Бежим, говорю, а то, как эти экспонаты начнут плевать огнем, костей не соберешь!

— Существовала когда-то теория, — спокойно проговорил Элл, — согласно которой общества, подобные вашему, овладев космической техникой и одновременно научившись высвобождать атомную энергию, гибнут, после чего все начинается сначала.

— Ошибочная теория, — отозвался Ун. — Не может быть и речи о замкнутых повторяющихся циклах развития цивилизаций, самоуничтожающихся после того, как они переступают порог космоса. Прогресс бесконечен и бесконечны возможности развития разумных существ.

— Опять болтаешь сам с собой, — антиподист отер со лба холодный пот. — Ничего не понимаю.

— Отдай ему на несколько земных секунд свой разум, — снова проговорил Ун.

— Понимаю! — воскликнул артист, — понимаю. Ты прибыл из другой системы. Вы овладели материей. Вы ухитряетесь ее прессовать и рассеивать. Это дает вам возможность перемещаться в трехмерном пространстве со скоростью мысли. Все считали меня глупцом. У антиподистов ум в ногах, смеялись они. Точно. Я конченный дурак. Это ясно. Что я понимаю? Немного. Почти ничего. Время убивает людей, потому что люди убивают время. Для того чтобы убить время, они проделывают множество вещей: ведут войны, философские диспуты и девиц в мэрию.

— Довольно, — сказал Элл.

— Да, довольно, — согласился Ро-Ро. — О чем это я бишь говорил?

— О времени.

— Да, время: мне пора. Через десять минут в цирке начинается представление.

— Могу ли я оказать тебе услугу?

— Возвращаемся.

— Если хочешь, я задержу время.

— Отлично, шикарная мысль, но не сейчас. Надо выбрать более подходящий момент, более интересный. Возвращаемся в цирк. Я должен подумать в спокойной обстановке.

— Дай мне руку.

Возвращение в гримерную длилось десятую долю секунды.

— Ты мог бы стать министром путей сообщения, — не скрывал антиподист своего удивления. — Смотри, я захватил с собой листок, сорванный с чайного куста. Фантастично! А, черт побери! Директор цирка бежит в нашу сторону. Он разъярен, грозит кулаком. Я опоздал на выход. Сейчас он меня нокаутирует. Когда-то он был боксером. Останови время! Останови время... О-с-т-а-н-о-в-и... О-с-т-а-н-о-в-и...

— Ты освободился от избытка счастья? — спросил Ун. Они прогуливались по Саду Цветущих Солнц, лучи которых доставляли организму витамин внутреннего спокойствия и уверенности.

— Я отдал долг, — ответил Элль, немного помолчав. — Сознание, что их мучает время, тогда как мы существуем, не отягощенные этим балластом, сделало меня слишком счастливым. Поэтому я задержал время на Земле в момент, выбранный антиподистом. Я оказал лю-

дям услугу по случаю десятилетия годовщины существования их цивилизации.

— Земные календари показывают 1963 год.

— Ошибка в вычислениях? — заволновался Элли.

— Нет. Просто они по-своему отсчитывают время. Информация с эпсилон Эридана соответствует действительности. Десять тысяч лет.

— Знаешь, — Элли сложил ладони. — У меня еще есть одна просьба. Мог бы я услышать Землю?

— Конечно. Ты должен знать результаты своего первого эксперимента. Вскоре ты станешь одним из Главных Экспериментаторов. Свою деятельность ты начнешь с конструирования нового трехмерного пространства. Быть может, твои занятия со временем принесут облегчение очередной группе существ.

— А остановка времени не разрешит этой проблемы?

— Послушай Землю. — Ун добродушно улыбнулся. — Соединяю с Абсолютным Ухом.

Женщина, сидящая в цирковой ложе, шептала терьеру, который вертелся у нее на коленях:

— Когда, наконец, начнется это представление? Время что ли остановилось?

Альпинист вздыхал:

— Этот буран никогда не кончится. Шесть часов сидим в завале, а помощи не видно.

Машинист поезда:

— Так все-таки сколько: шесть или шестнадцать. Совершенно потерял ощущение времени.

Посетитель ресторана обращался к кельнеру:

— Старший, как там шницель по-венски? Сколько же лет можно ждать? Историческое блюдо, черт побери. Вместо яиц — пыль веков.

Муж — жене:

— Ты все еще не готова? О женщина, время для тебя не существует.

Генерал, рассматривающий в перископ позиции неприятеля, обращаясь к полковнику:

— Четыре минуты назад они выпустили снаряд. Не могу понять, почему до сих пор... — он закончил шепотом: — Взгляните, повис в воздухе над нашими головами. Что за черт! Придумали новое оружие?

Она — ему:

— Это чудесно, я чувствую твоё дыхание, твой шепот, под моими пальцами твои губы. Мороз трещит за окном, а в комнате я и ты. Мы одни, время остановилось для нас.

Часовых дел мастер подмастерью:

— Дурень! Лодырь! Лентяй! Не завел часы! Все стоят!

Автор себе:

— Жду и жду гонорар. Не иначе, как главбух остановил время.

СТО СОРОК ВТОРАЯ

Тяготение, гравитация, гравитейшн, гравитас... Кажется, Ньютон доказал, что сила F , с которой два тела, имеющие массу m_1 и m_2 , притягиваются друг к другу, прямо пропорциональна произведению их масс и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Проклятая гравитация, я все еще не могу ее побороть. Слишком мала сила, слишком велико расстояние. Закрыть глаза, максимально сосредоточиться. Любой ценой оторваться от Земли... Не глядя, я вижу блестящую поверхность озера, камыши, хороводы водорослей, маленькими полукружиями раскинувшиеся по дну. Картины Земли делают гравитацию еще непреодолимее, увеличивают ее силу, уменьшают мою энергию, однако необходимо наконец стартовать. Десять, девять... Отличная ракета, похожая на иглу... Восемь, семь. В игле — кабина, в кабине — кресла, в креслах — экипаж космического корабля... Шесть, пять... Куда мы помчимся? Конечно, в космос... Точный адрес? Пожалуйста: другая солнечная система. Как называется планета, на которой мы собираемся высадиться? Сто Сорок Вторая. Да, в той стороне неба вокруг двойного солнца кружат несколько сотен планет, тамошним поэтам не хватило фантазии, не снизошло на них вдохновение... Четыре, три... В прошлом году несколько жителей Сто Сорок Второй навестило Землю. В то время был подписан договор о межпланетном обмене делегациями. Самое время навестить их... Два, один, ноль... Старт!

— Меня зовут Та. Сердечно приветствую тебя на Сто Сорок Второй. Ты устал, не отрицай, я вижу страшную усталость в твоих глазах, это понятно, ты проделал дальний путь.

— Да, месяц, может, два, я потерял счет времени.

— Мы восстановим твои силы, дай руку. Ты много дней провел в темном помещении, пройдемся.

— Сколько здесь воздуха и света!

— Это заслуга двойной атмосферы и двойного солнца.

Мы стоим на возвышении. Вокруг разноцветные квадраты полей — карминные, желтые, синие. Над нами на аметистовом небе подвешены два огненных шара — меньший по извечным законам Вселенной вращается вокруг большего. Один оборот в час, каждые шестьдесят минут тени на Сто Сорок Второй меняют свое положение — истинный танец теней. Тени тут цветные, это очень веселая пестрота.

— Ты улыбнулся?!

— Потому что вы шутите надо мной.

— Шутим?

— Я ценю ваше гостеприимство; на этой планете в совершенстве овладели искусством создавать хорошее настроение, но этот пейзаж — искусственный; эта гигантская декорация, бескрайняя панорама, которую трудно охватить взглядом, ошеломляет своими размерами, размахом, я насытился уже с первого взгляда. Можно позавидовать вашим декораторам, художникам, конструкторам прекрасного и организаторам покоя. Да, все здесь заполнено добрым цветным покоем. Благодарю.

— Я была на берегу вашего океана. Приближался вечер, ветер согнал с неба облака и они, разорванные, лавиной обрушились на пляж. Человек, который водил нас по самым прекрасным уголкам Земли, сказал: «Цик-

лон разрушил склады тюля, а может, это вуали сирен?»
Прошло много времени, прежде чем меня убедили, что туман — такое же творение Природы, как и сверкающая на стебле травы капля росы.

— Понимаю.

— Теперь пойдем прямо вперед по Дороге Ста Ворот, Открытых Для Всех в Любую Пору Дня и Ночи.

— Оригинальное и очень длинное название.

— Потому что и дорога длинная, но благодаря всегда открытым воротам ее легко пройти.

— Я не вижу замков, ключей, ручек.

— Ворота сконструированы так, что открываются при первом вздохе, шум шагов раздвигает самые тяжелые створки.

— Помню, когда-то на Земле через ржавые ворота проходили тысячи людей...

— Ну, что глазеешь, словно баран на новые ворота! Не видел ворот?! Быстро, не останавливаться!

Узкий луч света пробивается сквозь щель между крышей и стеной. Стена от сырости и грязи покрыта липкой плесенью. Приближаются шаги. Опять заберут наверх на допрос.

— Тебе отказывает память? Ну, так я помогу. Время действия — сорок третий. Двенадцать часов восемь минут, место действия — город, захваченный нашими отборными дивизиями, следовательно, наш город. По нашей улице идет наш офицер, майор СС. Останавливается перед витриной цветочного магазина. Спустя минуту к нему подбегает какой-то мужчина. Так было? Ах, ты не помнишь?! Ты стоял в двух шагах от них, офицер

упал, бандит обыскал его, забрал парабеллум и ушел.
А ты?

— Я стоял перед витриной магазина.

— Цветочного?

— Нет, хозяйственного.

— Что дальше?

— Не помню. Все произошло так неожиданно.

— Ты испугался, да?

— Ну конечно.

— Наш агент все видел с балкона второго этажа.

После выстрела улица опустела, ты, не успев убежать, вошел в магазин.

— Я не собирался бежать.

— Ты охранял убийцу.

— Нет, я случайно оказался на том месте.

— Перед витриной магазина? Что ты собирался покупать?

— Шнур для сушки белья.

— Внешность бандита, быстро!

— Я стоял спиной.

— После выстрела ты повернулся.

— Да, но тот человек стоял на коленях перед офицером, спиной ко мне.

— Спиной, спиной... Ты стоял спиной к нему, он стоял спиной к тебе... Думаешь, имеешь дело с идиотом?

— Нет.

— А потом?! Что было потом?

— Я вошел в магазин.

— Спиной?

— Нет, нормально.

— Почему ты не убежал вместе с другими?

— А зачем? Я долго искал магазин, где был бы шнур, решил, несмотря ни на что, купить его и уйти.

— Ты решил спрятаться. Ты — соучастник.

— Нет. Не знаю. Нет. Не помню. Не знаю. Не видел...

— Ты задумался?

— Пошли дальше.

— Отдохнем в саду, меня беспокоит цвет твоей кожи.

— Значит, и до вас дошли расистские бредни.

— Ты очень бледен, лицо стало серым от боли.

— У меня ничто не болит.

— А пальцы, твои пальцы?

— Зажили. Едва я коснулся ногой вашей планеты, шрамы исчезли.

— Остались еще воспоминания, ты все время обращаешься... Теперь уже лучше, двойное солнце подрумянило тебе щеки.

— Куда ведут эти ступени?

— На фабрику Покоя.

— Покой это абстракция, разве можно изготавливать абстракцию?

— Сто Сорок Вторая специализируется на производстве абстракций. В этих лабораториях мы производим радость, удовлетворение, доброту, а также счастье; взгляни на эти огромные реторты.

— «Счастье личное», «Счастье семейное», «Счастье всеобщее», «Счастье исключительное», «Счастье безмерное», «Счастье космическое»! Любопытная продукция.

— Она очень ценится за пределами нашей системы. Счастье — товар чрезвычайно притягательный, наше счастье повсюду известно своим качеством, мы экспортируем его во многие места по всей Вселенной.

— Ну, а Земля, установили ли вы торговые контакты с моей планетой?

— Конечно. Многие люди на Земле пользуются счастьем, изготовленным в наших лабораториях.

— Почему не все?

— Соседняя планета, обозначенная номером Сто Сорок Три, конкурирует с нами, изготавливая абстракции, но только абстракции отрицательные; к сожалению, там достигли высоких результатов в производстве несчастья; у них энергичные, неразборчивые покупатели. Однако, я думаю, со временем мы охватим большинство вселенских рынков, изгнав с них товары, производимые нашими антагонистами. Именно эту цель, между прочим, преследует межпланетный обмен делегациями. Смотри, нам навстречу идет Тот.

— Бежим. Кто это — Тот?

— Тот присматривает за мыслительными процессами на всей нашей планете.

— Ради бога, простите, я опоздал, своевременно не приветствовал столь приятного гостя, все время думаю и думаю, это отнимает массу времени, человек перестает думать об одном и начинает думать о другом. Ох, скажу вам, это захватывает, поглощает, невероятно поглощает, потому что я думаю также и за других. Некоторых мучит слишком интенсивное мышление, тогда они приходят ко мне и говорят: «Дорогой Тот, мы устали от этого думания, будь добр, замени нас». Такой отдых от собственных мыслей прекрасно влияет на самочувствие, поэтому некоторое время я думаю за них, а когда бездумьем они регенерируют свои чувства, моя замена не нужна — освеженный мозг может продолжать прерванную работу.

— Тот забыл добавить, что чужое мышление он всегда обогащает собственными мыслями.

— Пустяк, о котором не стоит говорить.

— Короче говоря, Тот учит думать, направляет мысли в нужное русло, не дает им путаться, развивает их, помогает решать самые сложные проблемы...

— Но есть опасность, что Тот навяжет свой способ мышления другим людям.

— Ты не понял. Тот учит, как мыслить, чтобы это мышление было наиболее эффективным. Он развивает индивидуальные свойства мышления, совершенствует его технику, обогащает ее своим опытом и знаниями...

— Тотального мышления нет и не может быть.

— Не может быть...

— Оказывается, ты не только практик, но еще и теоретик! Эта книга издана в тридцать восьмом году. Ты писал, что национал-социализм несет гибель индивидуальной душе немецкого народа, что он тотализирует мышление?

— Писал.

— Кто убил офицера СС?

— Не знаю.

— Практик и теоретик в одном лице. Что ты делал на улице Сосновой в двенадцать часов?

— Я уже говорил: искал магазин со шнуром.

— Для чего тебе шнур?

— Чтобы развешивать белье.

— Тебе не нравится наша идеология?

— Загляните в мою книгу, на эту тему я высказался на трехстах страницах.

— Молчать! Хам! Мразь! Что ты там бормочешь?

— Думаю.

— Думаешь? Он думает! Абсурд! Ты не можешь думать, ты не умеешь думать! Философ! Бандит! В камеру его! Кругом марш! Марш!

— Ты меня не слушаешь.

— Прости, я задумался. Куда мы идем?

— В сад Музицирующих Цветов.

— Ваши цветы музицируют?

— Они издают мелодичные звуки. Наши садовники — настоящие виртуозы. Умение выращивать поющие цветы переходит от отца к сыну. Каждый вид звучит по-иному. Клумбы — это целые хоры. Послушай, как красиво, как гармонично они звучат. Вот эти получили премию на конкурсе цветочных квинтетов. Ты утомился? Тебе хочется пить? Пей.

— Благодарю. Отличный напиток, истинный нектар.

— Между клумбами протекает ручей — чистая ключевая вода.

— Чудесная. Возвращает силы.

— О, ты очень сильный, очень... Догоняй меня, ну, чего ты ждешь?

— Я столько лет не бегал, я хожу с трудом, а ты... ты говоришь серьезно?

— Попробуйся. Ты же сам сказал: «Чудесная. Возвращает силы». Стоит проверить, действительно ли она чудесная. Ну... смелей, вспомни детские годы. На Сто Сорок Второй мы больше всего ценим смех и игры. Догоняй...

— Какое изумительное ощущение. Я бегу так быстро, что почти не чувствую земли под ногами. Та, где ты?

— Здесь, за карминным кустом,

— Не убежишь!

— Не убегу.

— Куда ты меня ведешь?

— Еще несколько шагов.

— Утихли все цветы.

— Они замолкают, когда гаснет Двойное Солнце. Мы приближаемся к Стадиону вечерних игр.

— Смотри, тут как будто собрались все жители вашей планеты. Сотни тысяч людей.

— Это делегации всех планет нашей системы. Они прибыли сюда, чтобы увидеть тебя.

— Мне неловко... Все стоят...

— И все улыбаются тебе. Тот хочет сказать что-то от их имени.

— Я хочу выразить тебе глубокое уважение. Ты удостоил нас чести, посетив Сто Сорок Вторую. Ты доставил нам колоссальное удовольствие, огромную радость. Не пожелаешь ли ты провести с нами несколько минут?

— Минут?

— Мы не можем злоупотреблять твоим терпением, но будем счастливы, если ты останешься с нами дольше.

— Я очень хочу этого.

— Мы сделаем все, чтобы исполнить твое желание. Мы многие годы тренировались, чтобы выполнять желания наших ближних и дальних.

— Наших детей мы учим, чтобы они как можно меньше занимались собой и как можно больше времени посвящали другим.

— Неужели у вас никто не думает о себе?

— Этого не требуется. Мы заботимся о других, а другие — о нас.

— Некоторым нужна особая забота, опека.

— Ну, а если им уже ничто не может помочь? Если они...

— Герр гауптштурмфюрер, докладываю: заключенный из камеры номер сто сорок два покончил жизнь самоубийством. Хуже всего, герр гауптштурмфюрер, что заключенный не внес ничего нового в проводимое нами следствие.

— Он мог быть просто невиновным...

— Герр гауптштурмфюрер! Они все виновны!!

КОЛОДЕЦ

Сквозь голые кроны деревьев было видно серое небо, под ногами мягко проминались опавшие листья. Влажные от утреннего дождя, они уже не шуршали. Ян шел от академгородка к институту. К беспокойству примешалось и любопытство. Что ему предложат?

Перед кабинетом профессора Маера он глубоко вздохнул, откашлялся и, придав лицу серьезное выражение, осторожно приоткрыл дверь.

— Разрешите?

— Прошу вас! Чем обязан? — Маер поморщился, но Ян знал, что это еще ни о чем не говорит.

Профессор был невысок ростом и лысоват, но очень подвижен для своих семидесяти лет. Во время разговора со студентами он имел привычку мелкими шажками прохаживаться по комнате. Если по выражению профессорского лица невозможно было угадать его настроение, то по скорости, с какой он вышагивал по кабинету, это можно было определить безошибочно. Чем больше скорость, тем лучше... Если профессор снижал темп, студент начинал волноваться... Если останавливался, дело было совсем скверно, а если садился за стол, можно было распрощаться с надеждой на благополучное завершение разговора. Во время экзаменов у «деда» Маера ожидавшие на «бирже» обычно спрашивали выходявших: «Скорость?» и, если ответ был «Бегает!», спокойно шли за билетом.

Когда Ян вошел, профессор сидел за столом. Это было скверно.

— Я насчет дипломной работы.

— Ах, вот как! — недовольное выражение не сходило с лица Маера. — Наконец-то. Ну-с, посмотрим, что там у нас осталось...

Он приподнялся, достал папку и вытащил из нее исписанный листок. «Хоть бы уж встал», — подумал Ян.

— Почти все разобрали, — говорил Маер, водя карандашом по списку. — Осталось еще вот это... это... и это...

Он поставил галочки против трех пунктов и снова сел, держа листок в руке.

«Ну, — думал Ян, — сейчас дед вlepит мне подлейшую тему, от которой все отказались, и вдобавок станет утверждать, что это ужасно интересная проблема!»

— Это тебя, скорее всего... не заинтересует, — бормотал Маер под нос, — это... пожалуй, тоже. О! Я бы посоветовал вот что: «Результативность гамма-отражателя в качестве биологической защиты», — прочитал он. — При желании на этом можно сделать превосходную оригинальную научную работу. Интереснейшая проблема! Что скажешь?

— Ннну... пожалуй...

— Значит, все в порядке. Так и запишем — Линк, — он проставил фамилию Яна. — Желаю успеха. Обратишься к доктору Трауту.

«Влип, — размышлял Ян. — Придется в массовых масштабах уничтожать морских свинок с помощью гамма-излучения. Я сразу учуял, чем это кончится. Старик злится, что я опоздал на распределение тем. Даже с места не сдвинулся!»

В этот момент Маера словно подтолкнули. Он вскочил со стула, но тут же, схватившись за колено, снова сел.

— Забыл совсем... Понимаешь, утром вывихнул ногу... — досадливо поморщился он, левой рукой растирая колено, а правую протягивая Яну. — Ну, желаю успеха!

Да, работать будешь на Фобосе. Траут вылетает через неделю, так что поспеши. Завтра можешь застать его в отделе ускорителей...

Ян поклонился и выскочил из комнаты. Только в коридоре он дал волю своему веселью:

— Вот это да! Лучшая хохма месяца... Да, что там, месяца... Года!.. Дед сидит — ни с места. Ну, думаешь, буря, а у него... нога подвернулась...

Подпрыгивая как мальчишка, Ян выбежал из здания. Немного остыв, он подумал, что не очень-то хорошо смеяться над хворями старого профессора, и вдруг ахнул — ведь он же летит на спутник Марса! Привыкнуть к этой мысли непросто. Поверить в это — невозможно. О такой дипломной работе он не смел и мечтать!

Он вспомнил о Лисс. Что делать, немного покусачает — всего несколько месяцев.

Домой идти не хотелось. Уж очень заманчиво было, встречая знакомых, словно бы мимоходом ввернуть в разговор: «Я страшно занят — послезавтра экзамен, а через недельку придется слетать на Фобос...»

О Трауте Ян знал немного. Обычно, когда произносилось его имя, студенты спрашивали: «Это тот, который Альбах?» — потому что каждый еще из вводного курса ядерной физики знал «закон Альбаха — Траута».

Да, это был тот самый Траут, известный физик, но, кажется, скверный педагог и не очень симпатичный человек. На первом курсе он читал им лекции, а на экзамене завоевал репутацию вечно недовольного брюзги. Потом, забросив педагогическую деятельность, Траут часто летал за пределы Земли, проводил какие-то исследования, настолько специфические, что в них мало кто разбирался.

«Почему же на Фобос? — раздумывал Ян. — И что за штука гамма-отражатель? Минутку, минутку...»

Он старался вспомнить... Всплыла фраза, вычитанная когда-то в каком-то научном журнале:

«...Зеркало, полностью отражающее гамма-лучи, почти идеально решало бы проблему фотонного привода с использованием аннигиляции в качестве источника энергии».

Уж не об этом ли речь? Если так, то тема действительно увлекательная... Однако отсюда следует, что Трауту удалось создать идеальный отражатель! Может, пока это просто небольшая модель, что-то вроде «комплекса с нулевой мощностью» для изучения непрерывного процесса аннигиляции?

Прежде чем пойти к Трауту, надо будет ознакомиться с материалами. Правда, это не имеет прямого отношения к теме, но, что говорить, никогда не мешает расположить к себе руководителя дипломной работы.

Заметив неподалеку видеофонную будку, он решил позвонить Лисс. Ждать не пришлось.

— Ты когда вернулся? — обрадовалась она.

— Сегодня утром. А представляешь, вчера раздавали темы дипломных работ.

— Оо! — встревожилась она. — Ну и как же теперь?

— А никак. Уже все в порядке. В связи с этим у меня есть для тебя не очень веселая новость.

— Чтонибудь случилось?

— Я уезжаю...

— То есть как? А диплом?

— Я поэтому и лечу... Отгадай куда?

— Откуда мне знать? — она на секунду задумалась, изучающе глядя на него. — На Луну? Угадала?

— Почти. Осталось угадать, на какую?

— Что? Не на нашу? Ну, скажи же наконец, не разжигай женское любопытство!

— На Фобос, — сказал Ян, стараясь, чтобы это прозвучало как можно будничнее.

— Опять исчезнешь на несколько месяцев, — погрузнев, сказала она.

— У меня не было выбора...

— Ну, ладно, ладно, знаю, что ты рад.

— Где же мы по сему случаю встретимся?

— Где и всегда. Через пятнадцать минут я буду на месте.

Когда они вышли из кафе, накрапывал дождь.

— Значит, мне придется тебя ожидать? — спросила Лисс, искоса взглянув на Яна.

— Как хочешь! — ответил он ужасно серьезно и оба рассмеялись.

Они побежали по лоснящейся в свете фонарей улице. У дома Лисс сказала:

— Так... я, пожалуй, подожду?

— Да?

— Ну, значит, подожду... — она заглянула ему в глаза. Он поцеловал ее, а она, положив ему палец на нос, сказала серьезно, но не без иронии: — Космонавт! — и побежала домой.

Подняв воротник и засунув руки в карманы плаща, Ян медленно пересек улицу. Дождь разыгрался не на шутку.

— Так это тебя мне сунули... — Траут равнодушно взглянул на Яна, а тот сразу подумал, что его будущий руководитель и впрямь не страдает избытком вежливости. — Ладно. Подожди минутку.

Траут был тощий, высокий, словно телеграфный столб.

Наклоняясь к нижней полке книжного стеллажа, он смешно переламывался пополам. Ему могло быть лет пятьдесят, впрочем, с таким же успехом прошла бы и поправка лет на десять в любую сторону. Его удлиненное лицо всегда выражало недовольство, а глубоко посаженные живые глаза были чересчур серьезны.

После такого любезного приема уже не очень увлекала перспектива провести с этим человеком несколько месяцев полета до Марса и обратно...

Траут достал большой лист бумаги и протянул Яну.

— Вот перечень вещей, которые надо взять с собой, и дел, которые следует завершить. А это план твоей работы. Подготовь материалы, записки, чтобы не брать ничего лишнего: ракета и так перегружена. Завтра пойдешь на обследование в Космед, стартуем семнадцатого в двенадцать сорок две. В Космоцентре надо быть за двенадцать часов до старта с полным багажом, разумеется. Да, еще всякие формальности... — Траут говорил так быстро, что Ян едва его понимал. — Впрочем, тут все написано. Ракету водить умеешь?

— Только атмосферные корабли.

Траут поморщился, но смолчал.

— Пока все. Сейчас я занят! — И он зарылся в груды разбросанных повсюду чертежей и графиков.

Ян не сразу сообразил, что аудиенция окончена.

К счастью, на бумажке действительно подробно, пункт за пунктом, было написано все, что следовало сделать, забрать, куда и когда обратиться.

«Станный человек! — подумал Ян. — Хватило же ему времени все подробно написать, а минуту поговорить по-человечески не может!» О том, как сложатся взаимоотношения с этим чудаком там, на Фобосе, можно было только гадать...

— Вы меня, кажется, искали, доктор?

— А, это ты, Линк.

Первое, что бросалось в глаза при встрече с доктором Киоки, была большая круглая голова, сидящая словно по ошибке на слишком маленьком теле. Его узкие раскосые глаза всегда смотрели дружески и ободряюще. Вероятно, благодаря этому «отцовскому взгляду» дидактический руководитель снискал у студентов всеобщую симпатию.

— Я хотел тебе кое-что сказать, Линк, — начал Киоки, — поскольку именно тебе досталась работа у Траута. Дело довольно деликатное. Видишь ли, как бы это сказать, мы... то есть коллеги Траута, хотим, чтобы ты в некотором смысле присмотрел за ним. Это очень большой ученый, но он страшно неосторожен, даже сумасброден. Он утверждает, что ему никто не нужен и эксперимент на Фобосе он проведет один, без чьей-либо помощи. Действительно, он прав и одного человека достаточно для обслуживания всей аппаратуры во время испытаний. Однако мы опасаемся, что, оставшись один, Траут будет пренебрегать правилами безопасности. Когда речь идет о его собственной жизни и здоровье, он не обращает внимания на инструкции и запреты, особенно если считает их не очень разумными. Но ведь все они имеют какое-то обоснование. Траут обожает риск и тут уж ничего не поделаешь. Если же опасности подвергается другой человек, он до абсурда осторожен. Если бы мы послали с ним кого-либо из коллег-ученых, он счел бы себя оскорбленным, решив, что мы не верим в его способности. А поскольку каждый научный работник обязан принять назначенного институтом дипломника, мы пользуемся случаем и посылаем тебя.

Яну стало немного не по себе.

— На счету у Траута, — продолжал Киоки, — солид-

ная доза облучения. Несколько лет назад, во время первых опытов с контролируемой аннигиляцией, он так увлекся, что, выйдя за пределы защитной переборки, получил несколько сотен рентген. Потом он долго болел, но осторожности у него не прибавилось. Эксперимент, который ждет вас на Фобосе, не опасен, если придерживаться элементарной предосторожности. Именно это мы имеем в виду.

— Хорошо! — решительно сказал Ян. — Я постараюсь, чтобы все было в порядке.

То, что Траут окрестил «формальностями», отняло у Яна круглым счетом два дня. Они вмещали в себя массу дел, начиная с разрешения на вывоз подопытных животных и кончая медицинскими обследованиями. Попутно он узнал, что является обладателем «аминальной дисфазии в степени ноль, запятая, ноль, три». Такой диагноз его ничуть не беспокоил по той простой причине, что он понятия не имел, что это вообще такое. В конце концов он получил разрешение на полет в район Марса, а это было самое важное.

За день до старта Ян отослал свой багаж, а в назначенный час впервые в жизни переступил порог Космцентра. В третьем павильоне его уже ожидал весь груз, там же бегал Траут.

— А, явился! — сказал он и бесцеремонно начал рыться в багаже Яна. Он перебрал все пакеты, не притронувшись только к клетке с мышами и морскими свинками.

— Присматривай за этой пакостью! — приказал он грозно. — Чтобы по ракете не разбежались!

Наконец взялся за чемодан с личными вещами Яна. Взвесив на ладони электробритву, возмутился:

— А это еще что? Балласт? Будем отращивать бороды! Я же говорил, у нас излишек веса!!!

Он копался до тех пор, пока не наткнулся на портрет Лисс в металлической рамке. У Яна покраснели уши, когда Траут, иронически глядя то на него, то на фотографию, сделал такое движение, будто собирается отложить снимок в сторону. Однако, помедлив, он положил портрет в чемодан, зло хлопнув крышкой.

«Кроме всего прочего, он еще и злобный», — огорченно подумал Ян.

— Все, можно грузить! — буркнул Траут.

Ленты транспортеров понесли багаж, а он подошел к окну холла. Ян встал за его спиной. Низко над горизонтом, словно огонек сигареты, оранжевел Марс.

— Я знаю, что это работа Киоки, — говорил Траут, когда они шли на посадку. — Знаю, зачем мне всучили дипломника. Боятся... за меня! — последние слова он произнес с сарказмом.

Он хмуро смотрел на видеоэкран, уверенным движением передвинув рычаг распада, и говорил как бы сам с собою.

— А кому какое дело? Я сам за себя отвечаю! — закончил он зло и неприязненно взглянул на Яна, словно тот лез не в свои дела.

Ян скорчился в кресле второго пилота, чувствуя, что не в силах больше переносить этого человека. В течение всего полета к Марсу Траут только и знал, что брюзжал, если, разумеется, не работал и не спал. Его раздражало все: порядки в институте; те, кто всунул ему груз для марсианских баз; инженеры, срывающие сроки изготовления приборов для его опытов. Порой он монотонно говорил минут по тридцать без перерыва.

Из множества непонятных замечаний и незнакомых физических терминов, разбрасываемых Траутом, Ян пытался составить общее представление об опыте, который им предстояло провести. Насколько он понял, целью исследования было осуществление непрерывной управляемой аннигиляционной реакции: два потока частиц — электронов и позитронов — встречаются в фокусе вогнутого зеркала; частица и античастица исчезают, а из точки, в которой они столкнулись, в противоположных направлениях излучаются два гамма-фотона. Фотоны ударяются о поверхность зеркала. Если это идеально отражающая поверхность, то движение отраженных фотонов передается зеркалу. Фотонный привод, теоретически известный уже давно, при использовании аннигиляции решил бы проблему создания двигателя для межзвездных ракет. Однако создание зеркала с такими фантастическими свойствами казалось безнадежной затеей. При огромной мощности излучения даже небольшая доля поглощенной зеркалом энергии была бы способна мгновенно его расплавить.

Зеркало, изготовленное на Фобосе по проекту Траута, должно было помочь воплотить в жизнь эту мечту... Ян еще не имел понятия о его размерах и мощности излучения, которой хотел добиться Траут. Он не расспрашивал о подробностях, чтобы не выдать каким-нибудь неуместным вопросом собственное невежество. Одно было ясно: Траут верил в удачу эксперимента. Более того, он не допускал и мысли, что опыт может провалиться.

Яну предстояло изучить условия на обратной стороне зеркала. Несмотря на ожидаемую безотказность отражающей поверхности, нельзя было с уверенностью утверждать, что вредное для живых организмов излучение не просочится сквозь какие-либо микротрещинки покрытия. Морские свинки, которых вез Ян, должны были

послужить объектом исследования, прежде чем первый человек сядет за руль фотолета.

Вторая марсианская база приняла их гостеприимно, тем более что они привезли сюда запас продовольствия и оборудования. Но здесь с удовольствием встречали каждого вновь прибывшего. У трех человек, обслуживающих базу, было не так уж много развлечений. Яну казалось, что на базе все как-то слишком уж обыденно... «Как не на Марсе», — думал он. Однако времени было немного, Ян не успел даже осмотреться. Подгоняемый Траутом, он поужинал, в принципе отлично, но... «совершенно обыкновенно»; потом их отвели в «гостиную», где им предстояло отдохнуть, — старт на Фобос был назначен лишь на ночь.

Траут довольно уверенно посадил ракету на небольшом плоскогорье среди иглообразных скал. Ян вышел первым. Магниты ботинок тут же прилипли к гладкой стальной плите. Когда электромагнитные краны установили ракету в стартовое положение, Траут повел Яна по узкой стальной тропинке, извивающейся среди каменных игл. Вначале Ян двигался неуверенно — ему казалось, что под ногами размякший асфальт. Сосредоточив все внимание на поддержании равновесия, он немного отстал. Обернувшись и увидев, как Ян тщетно пытается оторвать левую ногу от тропы, Траут остановился. А когда Ян поравнялся с ним, наклонился и что-то поправил на его ботинках.

— Новички! — ворчал он под нос, словно забыв, что в шлеме скафандра имеется микрофон и Ян все слышит в своем динамике. — Все очень умные, а отрегулировать магнитную присоску не могут! Ну, пошли!

Он выпрямился и, не оборачиваясь, молча двинулся

дальше. Ян почувствовал, что теперь идти стало гораздо удобнее, магниты действовали равномерно, выдерживая ритм его шагов. Острые конусы скал отбрасывали длинные тени. Солнце, до половины выступавшее из-за близкого горизонта, походило на ослепительную ртутную лампу, горевшую на фоне черного неба.

Справа от тропы на гладкой стальной плите стояли две большие грузовые ракеты. Как только краешек Солнца скрылся за скалами, мгновенно наступила тьма. Но почти сразу вспыхнули рефлекторы, осветив контуры каких-то конструкций. Пятна света то и дело пробегали по скафандрам.

— Подожди! — сказал Траут и отошел в сторону конструкций. Спустя минуту Ян услышал в динамике его резкий, возбужденный голос. Траут выкрикивал что-то копошившимся там людям. Ян понял только, что «если сделано, что положено, то пусть они немедленно забирают свои ракеты и улетают с Фобоса», потому что он, Траут, не намерен ждать и завтра же независимо ни от чего начнет опыт.

«Как они могут долго терпеть такого начальника?» — удивился Ян, но тут же вспомнил, что и он терпит... Надо...

— Копаются, словно черви! — фыркнул Траут, возвращаясь. — Еще не собрали свои вещички... Им уже положено было улететь на Землю!

— Кто это? — спросил Ян.

— Техники. Готовили аннигилятор для наших опытов.

«Еще счастье, что он не зазнайка, — подумал Ян. — Сказал для «наших», значит, все же считает меня сотрудником».

Они шли еще несколько минут. Стальная тропа кончилась у входа на станцию. Через шлюз вошли внутрь.

— Можно снять скафандр, — сказал Траут.

Ян с облегчением вдохнул свежий воздух.

— Здесь управление аннигилятроном. А здесь живут.

Траут провел Яна в небольшое помещение. Там стояло несколько раскладных кресел, столы и стенные шкафы. Все было прикреплено к стенам или полу, словно в ракете. Без магнитных ботинок, отданный на милость невесомости, Ян при каждом шаге, хотя и старался ступать осторожно, стучался головой о покрытый эластичным материалом потолок.

— Сядь и застегни пояс, — сказал Траут, указывая на кресло.

Сам он тоже сел, нажав кнопку на поручне кресла. Вся кабина дрогнула. Ян почувствовал растущую тяжесть и понял, что кабина приведена во вращательное движение.

— Теперь можно свободно двигаться, — сказал Траут. — Это очень удобно. Оценишь, когда утомит невесомость. Давай-ка перекусим и поспим, пока техники не уберутся отсюда. Надеюсь, они не все тут подчистили. Потом надо будет разгрузить ракету и все перенести сюда.

— Доктор... — начал Ян.

— Забудь про титулы! — прервал Траут. — Здесь некогда произносить лишние слова. Говори мне «ты», или... в общем, покороче. На Земле можешь меня величать хоть «вашим превосходительством», а здесь не до болтовни.

— Хорошо, — сказал Ян, скрывая раздражение.

«Почему он вечно всем недоволен? Если хочет, чтобы я обращался к нему иначе, мог бы об этом сказать. Зачем столько слов и такой тон? Похоже, он во что бы то ни стало старается показаться хуже, чем есть на самом деле...»

Они стояли над углублением, имеющим форму огромной чаши поперечником в несколько десятков метров. В первый момент Яну показалось, что это отражающее черный небосвод озеро. Лишь присмотревшись, он заметил, что созвездия деформированы, уменьшены.

Это было зеркало. Сознательно ли Траут привел сюда Яна именно ночью, когда даже Марс не светил, и, не предупредив, поставил над краем параболоида? Сам он стоял рядом, в темноте.

Ян был ошеломлен. «Словно спокойное озеро!» — вырвалось у него. Он повернулся в сторону Траута, и лобовой рефлектор его шлема на мгновение осветил лицо ученого. Траут улыбался! Это длилось долю секунды, снап света словно смахнул с его лица загадочную меланхолическую улыбку, превратив ее в какую-то неопределенную гримасу. Траут беспокойно шевельнулся, будто его поймали на чем-то постыдном.

— Идем! — скрипуче сказал он. — Довольно романтики! Это не озеро, а всего лишь гамма-отражатель. Расчетный коэффициент поглощения — около трех десятиллионных. При полной мощности аннигилятора температура не превысит пятисот градусов по Кельвину. Под отражающей поверхностью находится поглощающий слой и система охлаждения жидким гелием.

Они обошли зеркало вокруг. Траут время от времени бросал краткие пояснения.

— Это выходы излучателей: электронного и позитронного, — сказал он, показывая на две расположенные неподалеку друг от друга трубы, отверстия которых были направлены немного вниз, к центру зеркала. — Два потока частиц встречаются точно в фокусе зеркала, и там происходит аннигиляция. Атмосферы нет — потоки не рассеиваются. В результате аннигиляции возникают гамма-фотоны, собираемые зеркалом в концентрированный

параллельный пучок, идущий вертикально вверх. Как и в обычном световом рефлекторе...

Они шли дальше. Траут задержался над кольцевым выходом какой-то шахты в глубине скалы.

— Колодец, — сказал Траут. — Через него можно попасть в кессон. Пошли!

Держась за скобы в стенках, они спустились на дно колодца. Внизу на глубине сорока метров колодец расширился и переходил в полусферическую нишу. Отсюда начинался узкий горизонтальный коридорчик. Траут направился в него, а Ян, погасив свой рефлектор, посмотрел вверх. Из неосвещенной шахты в отверстии отчетливо был виден кусочек звездного неба...

В низком коридоре Траут зажег верхний свет. Они вошли в большую круглую бетонированную камеру. Потолок ее напоминал перевернутую чашу. Из его центра, словно стволы двустволки, спускались две металлические колонны, которые кончались на высоте метра от пола над обычным лабораторным столом. И на столе, и вокруг него была укреплена аппаратура — в основном счетчики излучения. Хаотически переплетенные, на первый взгляд, кабели и провода сбегались в толстый пучок и исчезали в круглом отверстии одной из стен.

Траут некоторое время возился у ножек стола, высвобождая их из захватов, потом легко, без усилия, отпихнул его в сторону — стол здесь почти не весил. Словно забыв о Яне, Траут улегся на пол и долго смотрел в нижний срез колонн, висящих над его головой.

— Погаси свет, — наконец сказал он Яну. — Так, хорошо, ляг на мое место.

Он встал и машинально отряхнул скафандр. Ян лег на его место и взглянул вверх. Только теперь он заметил узкие каналы вдоль осей обеих колонн.

— Ляг так, чтобы глаз был против отверстия, — сказал Траут.

В глубине канала светилась искорка. «Звезда, — подумал он. — Значит, канал ведет на поверхность».

— Мы точно под центром зеркала. Канал, через который ты смотришь, идет от его поверхности через отражающий слой и защиту. Он направлен точно в фокус зеркала, то есть в точку, в которой будет происходить аннигиляция. По этому каналу сюда пройдет тонкий пучок гамма-излучения. Канал в другой колонне значительно тоньше — диаметром в миллиметр. Под выходом одного канала помещен счетчик, измеряющий мощность излучения, падающего на зеркало. Второй счетчик измеряет напряжение той части излучения, которая сумеет проникнуть сквозь зеркало и защиту. Потом мы делим одну величину на другую и получаем «эффективность защиты». Просто, правда? Это тема твоей дипломной работы. Ну, и еще зверюшки... Поместишь их здесь, в камере. Если после опытов они не подохнут, значит, все в порядке...

Ян мысленно улыбнулся: «Типичный физик! Ему кажется, что эксперименты с живыми организмами сводятся к одному: сдохнут или нет...» Вслух он этого не сказал, однако программа его работ действительно выглядела довольно скучной.

Он еще раз заглянул в отверстие канала и при одной только мысли о том, что именно таким путем внутрь камеры вскоре проникнет невидимая струйка убийственного излучения, почти физически ощутил состояние подопытного животного. Тогда у него появилась идея.

— Ты говорил, второй канал дает поток диаметром один миллиметр? — сказал Ян, вставая. — Нельзя ли немного расширить программу эксперимента? Ты, вероятно, слышал, что крысы обладают поразительным свойством «унюхивать» излучение. На приближение радиоактивного

препарата они реагируют заметным беспокойством и пытаются убежать. До сих пор не известно, где у них размещается этот необычный «орган радиоактивности». Располагая столь тонким пучком гамма-излучения, можно облучать — как бы «колоть» — различные участки нервной системы крысы. Таким путем можно было бы локализовать центр реакции...

— Недурная мысль, — согласился Траут. — Правда, это будет довольно хлопотно. Надо уложить крысу на столе и зафиксировать ее под выходом канала, а потом после каждой пробы изменять ее положение. Впрочем, если первые опыты покажут, что защита достаточно эффективна, можно будет во время работы аннигилятора находиться здесь и непосредственно наблюдать за поведением животного. Это было бы, пожалуй, довольно любопытное исследование.

Яну хотелось хоть немного разобраться в нагромождении аппаратуры.

— Аннигилятор запускают на расстоянии? — спросил он.

— Да. Пульт управления и контроля находится на базе, примерно в километре отсюда. Ну, пожалуй, ты уже все видел. Энергоцентральный... Зеркало... Излучатели... Кесон... — перечислял Траут вполголоса. — Достаточно, чтобы понять, как действует эта махина. Да, не знаю, говорил ли я тебе: над всем зеркалом создано силовое поле, чтобы какие-либо пылинки или метеориты не упали на отражающую поверхность. Для гамма-излучения это поле, конечно, не помеха. Пошли спать. Через десять часов первая проба...

Ян ворочался с боку на бок. Он никак не мог заснуть, обдумывая свой замысел. Он уже видел свое имя в науч-

ном бюллетене института: «Локализация центров ощущения радиоактивности в организме белой крысы — *rattus albus*». Отличное название... Только выйдет ли из этого что-нибудь?

И опять же Траут... Совсем другой человек, когда говорит о деле. Не брюзжит, не обижается — деловой, горячий. А эта его меланхолическая улыбка там, у края зеркала...

Согнувшись над полукруглым пультом, Траут сжал тонкими пальцами рукоятку вариометра, одновременно наблюдая за стрелками указателей.

— Еще немного... — ворчал он про себя. — Так... есть электроны... Выключаем...

Он нажал клавиш и несколько огоньков на щите погасли.

— Начинаем, — сказал Траут. — Наблюдай за указателями излучения.

Ян почувствовал легкую дрожь в руках. Вот оно... Через секунду... Толстые стены бункера и слой скал гарантировали абсолютную защиту, и все-таки... Ведь это первый эксперимент такого рода! Траут нажал клавиш — вспыхнули лампочки на щите.

В километре от бункера из горловины излучателя над краем зеркала ринулся плотный поток электронов. Помещенный на его пути счетчик тут же передал величину напряжения. Через мгновение будет включен излучатель позитронов. В непрерывный поток электронов ударит порция античастиц.

— Внимание! — хрипло крикнул Траут. — Смотри за сейсмографом!

— Есть!

Дремавшие до сих пор стрелки измерителей и само-

писцев дрогнули, затрещали счетчики. Можно было почувствовать еле ощутимый толчок, а перо сейсмографа подскочило на долю секунды, оставив на идеальной прямой тонкую поперечную иглу.

Лицо Траута еще некоторое время выражало величайшее напряжение. Он взглянул на записи приборов и, словно подкошенный, упал в кресло, вытирая ладонями лицо и лоб.

— Было! — сказал он. — Было точно столько, сколько надо! Понимаешь, что это значит?!

Ян понимал. Аннигиляция наступила в соответствии с расчетами. В месте, где протонный заряд попал в поток электронов, исчезло некоторое количество частиц, и во все стороны ринулся короткий, длившийся долю секунды, поток гамма-излучения. Сейсмический толчок — это и был удар фотонов о поверхность зеркала. Отраженные, они помчались вертикально вверх, предельно сконцентрированным коротким потоком улетая в бескрайнюю глубь Космоса.

Ян понимал. Это была победа. Он секунду стоял неподвижно, прежде чем вспомнил о самом важном: бросил взгляд на указатель исправности зеркала и громко прочел запись.

Траут явно ждал этого.

— Ну... Я думал ты от избытка эмоций забудешь, зачем прилетел, — проворчал он своим обычным брюзгливым голосом. — Показания в вычисленных мною пределах. Но это не конец. Повторим!

Он склонился над пультом, и спустя некоторое время они ощутили новый, более сильный толчок. Измерители дрогнули. Еще серия толчков, переходящих почти в непрерывную вибрацию. Траут метался над пультом, согнувшись под прямым углом. Казалось, верхняя половина его тела соединена с нижней шаровым шарниром — так

неправдоподобно он перегибался во все стороны, контролируя разбросанные по пульту приборы.

— Полная мощность! — подсказывал он сам себе. — Отлично! Температура... посмотри, до чего здорово держится в норме! Есть гамма-отражатель! Идеальный отражатель! Довольно! Стоп!

Он потянул рычаг рубильника, выпрямился и стоял так некоторое время, длинный, словно колонна, почти доставая головой потолок бункера.

— Все хорошо, — голос Траута опять звучал сухо и бесстрастно. — Во время опытов можно будет находиться в кессоне под зеркалом... Займись своим зверинцем. Я уверен, крысы чувствуют себя отлично!

Ян возвращался на базу со всем хозяйством: морских свинок и крыс он нес в специальных герметических контейнерах, белые мышки разместились в карманах под скафандром. Траута не было ни в бункере, ни в жилой кабине. Входя на склад, Ян увидел его спину над столом, на котором были расставлены клетки с оставшимися животными. От удивления он даже заморгал — Траут обычно держался в стороне от этих «отвратных существ», как он брезгливо называл их. Однако изумление Яна еще больше возросло, когда он увидел, что Траут держит на ладони... белую мышку! Зверек, поднимая вверх мордочку, вглядывался малюсенькими красными глазками в склонившееся над ним лицо человека, который указательным пальцем другой руки гладил его по спинке. И вдобавок... улыбался!

Траут заметил Яна только, когда он кашлянул. Смущившись и сделав вид, будто ему ужасно неприятно, он бросил мышь в клетку.

— Я говорил тебе, чтобы ты смотрел за этой

дряню! — зло буркнул он. — Расползлись по всей базе!

— Я закрыл все клетки, — спокойно сказал Ян.

— Значит, не все! — проворчал Траут уже не так уверенно и ушел.

Ян разместил принесенных животных в клетках и направился в жилую кабину. Траут лежал на койке, глядя в потолок.

— Попробуем с этой... крысой? — осторожно спросил Ян.

— Попробуем! — проворчал Траут. — Может, завтра... Нет, сегодня! Сегодня попробуем. Я хочу наконец отдохнуть от всего этого! Делай что надо, забирай свое хозяйство и... отправляйся!

— Я не умею водить ракету. И вообще я должен быть с тобой до конца.

— Жаль! Ах да, совсем забыл, ты же при мне вроде ангела-хранителя, — Траут недовольно отвернулся к стене. — Но все равно сегодня испытаем крысу, потом на эти пустяки не будет времени.

— Сегодня по плану уже не следует запускать аннигилятор, — равнодушно заметил Ян.

— Что мне план! Через час начинаем. Приготовь необходимое и разбуди меня через час, ясно?

— Ясно.

«Что ему опять взбрело в голову? — размышлял Ян, идя на склад. — Почему он так неожиданно меняет установленный порядок опытов? Какие-то капризы?»

Он достал из клетки небольшую белую крысу, положил ее в контейнер и вместе с несколькими необходимыми приборами перенес к выходному шлюзу. Потом сел за стол и на листе бумаги набросал план опыта.

Спустя час он разбудил Траута. Придя в себя, ученый приготовил запуск и вышел за Яном в шлюз.

— А кто запустит аннигилятор?

— Часовой механизм. Я пойду с тобой — еще сунешься, куда не положено, потом греха не оберешься...

— Как хочешь. Сколько времени в нашем распоряжении?

— Достаточно. Двадцать минут. Через двенадцать будем в кессоне, положишь крысу под канал. Первый протонный выстрел будет сделан автоматически. Потом, если мы вообще заметим что-нибудь интересное, я вернусь сюда и буду каждые десять минут включать аннигиляцию, чтобы не бегать каждый раз туда и обратно.

— А между пультом и кессоном не установлена телефонная связь?

— В этом не было необходимости. Я должен был работать здесь один...

— А радио?

— Бесполезно. Кругом стальные плиты. И вообще, зачем тебе связь? Я же говорю, каждые десять минут буду давать длинный, скажем, десятисекундный выстрел позитронами. Думаю, ты успеешь заметить, как будет реагировать крыса. Потом изменишь ее положение относительно канала, спрячешься за щит и снова... Ясно.

— Пожалуй...

— Тогда пошли!

Они вышли. Из-за выщербленных скал, отбрасывая тени на матовую поверхность тропы, выкатывался огромный диск Марса. Черное тревожаще низкое небо замыкалось над ними, словно собираясь прикрыть их навсегда черным бархатным покрывалом. Ян поискал глазами Землю, но ее не было. Еще несколько месяцев обратного пути отделяли его от родной планеты, и Ян впервые почувствовал, что ему недостает тех гор и того неба, настоящего воздуха и нормального тяготения... Он подумал, что Лисс наверняка выехала в горы, будет там гонять на лыжах, как обычно во время зимних каникул, а он,

Ян, потерял эту зиму на матовом скалистом обломке диаметром в несколько километров...

Возле колодца Траут задержался, пропустив Яна вперед.

— Поспеши, осталось пять минут!

Они спустились на дно. Светя фонариком, Ян двинулся по коридору в сторону кессона.

Его остановил резкий окрик Траута:

— Стой! Подожди в коридоре!

— Что случилось? — бросив груз, Ян подбежал к колодцу. Траут, словно загипнотизированный, задрал голову, смотрел в выходное отверстие.

— Что случилось?

— Выключи свет! — такого голоса он у Траута еще не слышал. В нем не было ни злости, ни раздражения: этот голос приказывал молча повиноваться.

— Погаси и быстро в коридор! — повторил Траут, не отрывая глаз от наружного отверстия колодца.

Ян посмотрел в том же направлении. Там, как всегда, виднелся круглый вырез звездного неба.

— Я же сказал — вон отсюда! — крикнул Траут, оттолкнув Яна.

Когда Ян снова заглянул в колодец, он увидел, как Траут быстро взбирается наверх.

— Куда ты? — испуганно крикнул Ян. — Через четыре минуты включится аннигилятор! Нельзя быть снаружи!

— Сиди там! — крикнул Траут так, что в наушниках зазвенело.

Ян несколько секунд стоял в нерешительности. Опять были видны звезды — Траут вышел на поверхность.

«Что он собирается делать? Задержать реакцию? Но как? Он же не успеет добежать до централи... Может, где-нибудь здесь, наверху, есть аварийный выключатель?»

Нет, ерунда, если бы был, то скорее всего в кейсоне, внизу...»

Еще три минуты... Две... Звезды упрямо торчали над головой. Через минуту отверстие должен загородить возвращающийся Траут, потому что, если он не успеет... Ян знал, что рассеянного излучения вокруг зеркала достаточно, чтобы...

Еще минута...

«Сумасшедший... сумасшедший... они были правы...» — повторял Ян.

— Траут, что ты там делаешь? — крикнул он в микрофон, но тут же сообразил, что находится в экранированном помещении, в сорока метрах от поверхности. Волны слабого передатчика не доходят наверх.

Двадцать секунд. В колодце — пусто. Ян опустил глаза. Медленно, нерешительно сделал несколько шагов в глубь коридора. Взглянул на часы. Три... две... одна...

Ожидаемого толчка не было. Ян напряженно переждал еще несколько секунд и облегченно вздохнул.

«Все-таки выключил! Не было реакции, — подумал он. — Только... зачем было выключать?»

— Ты там? — услышал он голос спускающегося Траута.

— Что случилось?

— Ничего. Возвращаемся.

— Куда.

— На Марс. Быстро!

— Что случилось? Почему?

— Я же сказал, возвращаемся. Это приказ! Немедленно на базу, забирай животных и записи измерений. Я жду в ракете, старт через полчаса!

Тон, которым это было сказано, давал понять, что дальнейшие разговоры только еще больше взбесят ученого.

«Весь опыт полетел к черту! Хотя бы знать, что случилось?» — зло думал Ян, упаковывая багаж.

— Послушай... — неуверенно начал Траут, сжимая рычаги управления и глядя в лобовой экран. Только теперь в ярком свете кабины Ян видел, как он бледен.

— Ты заболел? — спросил он.

— Неважно. Послушай! Не думай, что я... Прости, что так получилось, это моя вина...

Ян с удивлением смотрел на него: этот тон, эти извинения...

— Ты не окончил своей работы. Я свою едва начал. Пришлось прервать.

— Почему ты выключил аннигилятор?

Руки Траута дрожали. Было видно, что он напряг всю свою волю, чтобы побороть эту дрожь.

— Не беспокойся! Из того, что нам удалось сделать, ты выкроишь неплохую дипломную работу. Немного изменишь название, и все будет в порядке...

— Ты болен? Что случилось?

— Выявишь органические изменения у крыс и получишь обширный материал для анализа...

Он осекся. Оба молчали. Ян не хотел возобновлять своих вопросов. Траут словно вспоминал что-то важное.

— Может, ты помнишь... Нет наверняка не помнишь, тебе всего двадцать три — двадцать четыре года. Тогда тебе было самое большее два. Это был ужасный случай. Межконтинентальная ракета... с сотней пассажиров на борту сразу после старта из Сиднея... рухнула с высоты километра. Все погибли. Виноват был один человек... Один безответственный... Не знаю, может, это случилось с ним раз в жизни... Человек, которого посадили за пульт, перед рядами кнопок. Человек, которому даже не надо

было самому ничего вычислять. За него это делали машины. Но не они совершили ошибку... Это он нажал не ту кнопку и отправил на смерть сто человек. Обычная ошибка — просто идиотская ошибка... Будь это что-то другое, вступила бы в строй блокировка... Но никто из конструкторов даже и не предполагал, что можно совершить такую ошибку...

Траут замолчал, закрыл глаза. Потом быстро сказал:

— Там были моя жена и трехлетний сынишка. Я был на ракетодроме и видел все. Была ночь... Ракета взорвалась в момент падения... Когда я узнал причину, я хотел убить этого человека и наверняка убил бы, если б... он не сделал этого сам... Тогда я подумал, что был глупцом. Что мне его самоубийство. Потом... Я не мог никому верить... Я сказал себе: ошибаться нельзя... Никогда. Если это связано с другими людьми — нельзя! Нет, не потому, что я так любил людей... Я хотел быть холодным, бездушным... и решил, что не имею права ошибаться. Ни в коем случае... Разве что подвергая опасности только себя...

— Зачем ты это говоришь? Скажи, скажи, наконец, что случилось? Почему ты выключил аннигилятор? Почему мы возвращаемся?

— Я должен был... Деймос... стоял в зените...

Ян не понял.

— Ну и что? При чем здесь Деймос!

— Там научная станция... С людьми... Там люди! В десяти тысячах километров от Фобоса, на втором спутнике Марса. Деймос был в зените... Если б началась реакция, весь поток фотонов ринулся бы в сторону Деймоса! На станции нет экранов, которые защитили бы их от такой лавины гамма-излучения. Они... там... получили бы по тысяче, а может, и больше рентген...

— Но как ты сообразил это в последний момент?

— Колодец... — прошептал Траут белеющими губами. Пот выступил у него на лице. — Колодец... Когда я взглянул вверх... на небо... в центре увидел звезду... Это был Деймос. Прямо над нами... Это была моя ошибка... План экспериментов был скоординирован с астрономами... Я не подумал, что может сложиться такая конфигурация. Я нарушил порядок опытов...

— И ты побежал выключать? Но как? Как ты это сделал?

Траут некоторое время не отвечал, потом с трудом выдал:

— До базы было слишком далеко. Мне пришлось закрыть выход излучателя...

Ян понял. Достаточно было чем-либо заткнуть отверстие позитронной пушки. Но...

— Траут!!! — закричал он, пораженный страшной догадкой. — Но ведь там не было ничего! Траут! Что ты сделал?!

Траут молчал. Ян резким движением вытащил заткнутую за пояс его комбинезона небольшую никелированную коробочку.

— Нет! Нет! — резко воскликнул Траут, схватив его за запястье. — Не надо... Я... не хочу знать... Я... я уже знаю...

Он медленно отвернулся, и Ян отпустил дозиметр, который закачался на цепочке, словно старинные карманные часы.

— Почему ты не сказал раньше? Ведь есть же средства...

— Не надо, — мягко сказал Траут. — Нет таких средств... Слишком большая доза...

Ян тупо смотрел на него. Этот человек, всю жизнь улыбавшийся только тайком и радовавшийся лишь результатам своих изумительных экспериментов, теперь, го-

воря о собственной смерти, был способен на такую открытую и искреннюю улыбку.

— Зачем ты это сделал, Траут?

— Там были люди... Они получили бы по тысяче, а то и больше... Это была моя ошибка, понимаешь, моя; не их, не твоя, а моя...

— Нельзя было поступить иначе?

— Сам знаешь, что нельзя... Необходимо было рассеять поток. Или тот или другой... Электронный был постоянным, позитронный — прерывистым, десятисекундным... Из двух зол... — он слабо усмехнулся и отвернул лицо.

— Так зачем же мы летим на Марс? Ты едва сидишь.

— Ты не умеешь пилотировать... Я не хотел, чтобы у тебя были... неприятности со мной...

— Не понимаю.

— Прежде чем прилетит ракета с Земли, пройдет не меньше полутора месяцев... На Марсе сейчас нет ракеты, способной сесть на Фобосе. Та, на которой летим мы, единственная... Тебе пришлось бы быть со мной... до конца. А потом... одному... Я не хотел, чтобы ты это видел. Ты еще молод, зачем тебе... Я видел... Видел, как умер Рисс после двух тысяч... Это было страшно. Я запомнил. На всю жизнь.

Он взглянул на экран и сказал, пытаясь придать своим словам естественный, теплый тон:

— Смотри! Успели. Через минуту садимся. — А потом добавил: — Не говори им ничего, я сам скажу все, что надо...

Большие капли пота стекали по его небритому лицу. Вцепившись в рычаги, устремив взгляд на экран, он вел ракету на посадку.

— Он умер? — спросила Лисс, глядя в окно, за которым зеленели первые листья старых каштанов.

— Да. На четвертый день. Мы не могли этого предотвратить. Он был в сознании до конца, но не хотел, чтобы я его видел. Только в первый день... Спрашивал, кто был на станции на Деймосе. Видимо, хотел знать, вместо кого умирает.

— А ты?.. Узнал, кто там был?

— Да. Но правды ему не сказал.

— Почему?

— Потому что, видишь ли, в тот момент там как раз никого не было! Совершенно случайно за несколько дней до этого со спутника по каким-то причинам сняли людей.

— Значит он умер... зря?

— Нет! Какое имеет значение, был там кто-нибудь или нет. Важно только то, что думал Траут, заслоня своим телом излучатель позитронов. Но знай он правду, ему было бы значительно тяжелее. Знаешь, что он сказал мне еще там, в ракете, перед посадкой? Он сказал: «Это было совсем не так трудно, Линк. Достаточно было вспомнить, что я все-таки человек, а не машина для исследования мира...»

— А ты... Теперь, после всего... Ты будешь работать на спутниках? — Лисс сжала пальцы Яна.

— Буду, — ответил он.

Ответил быстро, решительно и зло.

ТЕЛЕХРОНОПАТОР

Видимо, он уже давно стоял у меня за спиной, потому что, когда я повернулся, чтобы уйти, он криво улыбнулся и сказал:

— Вы, я вижу, любитель древности...

Он угадал, и не удивительно: я долго не мог решить, что взять — Плутарха, Геродота или Флавия и в конце концов купил «Жизнь Цезаря» — на другое просто не хватило денег.

— Вы угадали, — сказал я, пытаюсь пройти мимо, но он увязался следом.

— Времена Империи — чрезвычайно любопытный период, — сказал он, энергично и как-то бестолково жестикулируя. — Хотя лично я предпочитаю Древний Восток.

Мы вышли из книжного магазина. У меня не было желания вступать с ним в разговор, но он и на улице продолжал вертеться около меня. Он трещал без умолку, но я пропускал его слова мимо ушей, размышляя, как бы отделаться от назойливого старикашки. Однако стоило мне свернуть влево, как он тут же последовал за мной, и я понял, что отвязаться от него будет нелегко.

Я ускорил шаг, но он не отставал, засыпая меня потоками слов. Причем голос у него был какой-то дребезжащий.

— Если пожелаете, я могу показать вам массу интересного... Рим, Греция, Китай... Так сказать, *ad libitum*... *

* По желанию (лат.).

— Надо думать, у вас богатая библиотека? — наконец заинтересовался я.

Он помахал рукой возле уха и отрицательно покачал головой.

— Нет, нет... Летописцы не всегда строго придерживаются истины... Вы понимаете, субъективность, разные там личные качества... Это, в общем-то, естественно: раз есть твердая власть и угнетаемый народ, то обязательно сыщутся и панегиристы и пасквилянты. Первые служат власть имущим, а вторые — подвергают сомнению все, что говорят первые. Вторые нравятся народу, но и они не всегда пребывают в согласии с истиной... Так что у нас нет объективных источников, во всяком случае писанных...

Я ухмыльнулся и высказал мысль, что надо уметь самому выискивать правду в исторических трудах.

— Самому, это верно, — подхватил старичок, — только не в литературных трудах.

— В таком случае остаются только предметы материальной культуры.

— Да, но у меня есть кое-что понадежнее!

Мы незаметно дошли до сквера и присели на первой же попавшейся нам скамейке.

— Надежнее? — пожал я плечами. — Кроме устных преданий и литературных памятников, которые вы только что раскритиковали, ничего другого нет... Разве что отыщется какой-нибудь уэллсовский Путешественник по времени! — пошутил я.

Глаза старика заблестели, придвинувшись ближе, он заглянул мне в лицо.

— Вот именно! — сказал он проникновенно, целясь пальцем мне в грудь. — Совершенно справедливо. Чувствуется, что у вас достаточно воображения. Что значит молодость, отсутствие предубеждений и этого, как его...

ну, в общем, вы не закоснели в убеждении, будто совершенней и непогрешимей вас никого нет. Знаете ли, — продолжал он, все еще тыча в меня пальцем, — *horribile dictu* *, но четверо серьезных ученых, которых я не раз пытался натолкнуть на эту мысль, даже в шутку не подумали о подобной возможности!

Он замолчал, с трудом переводя дыхание после тех нескольких фраз, которые проговорил с какой-то непонятной поспешностью. Немного погодя он заговорил снова, сопя и делая частые паузы.

— Мне это пришло в голову, когда я был еще профессором университета...

— Вы историк? — перебил я его.

— Нет, не историк. Я уже давно никто! Просто старый чудака. Так скажут в Академии, если спросить о Гиснеллиусе... Впрочем, не обо мне речь, — продолжал старик, вздохнув. — Вы вспомнили Уэллса. Нет, его выдумка с Машиной времени — чистой воды фантазия. С научной точки зрения это была наивная и противоречащая законам природы идея. Впрочем, иначе и быть не могло. Путешествие во времени — парадокс, литературный прием, не больше. Количество материи в данной точке времени — пространства вполне однозначно и не оставляет ни возможности, ни места для каких-то фортелей с переносом массы или энергии в прошлое. Перенесение в прошлое, за пределы даты собственного рождения, практически не означало бы ничего: просто «путешественник» как бы родится вторично, а потом впRESSовывается в собственную биографию, даже не зная, что то же самое время переживает еще раз... Вы понимаете? «Отступать во времени» — это все равно, что вторично просматривать тот же самый кинофильм, у которого всегда

* Страшно сказать (лат.).

есть определенный сценарий со своим началом и концом. Прокручивая ленту повторно, мы не увидим более того, что можно увидеть, просматривая фильм за один присест от начала до конца. Любая иная постановка вопроса приводит к неизбежным парадоксам и противоречиям, в частности к выводу, что можно влиять на собственное будущее... Принимая все физические ограничения, мы приходим к заключению, что единственным способом «отступления» во времени является такой метод, который исключает активное бытие человека в том периоде, в котором он никогда не существовал, то есть за пределами его жизни. Вы спросите, неужели это возможно? Уверю вас, да, и я могу убедить в этом каждого, кто захочет.

Вы, несомненно, кое-что слышали о парапсихических явлениях? О телепатии, например? Я знаю, это часто вызывает протест, каждый пытается отыскать в этом обман, шарлатанство... Нет ничего хуже, чем чрезмерная ортодоксальность в науке! Это ведет к своеобразной инквизиции, к фанатическим запретам всего, что низвергает старые понятия или же просто выходит за их рамки... Все, что неясно, — заклеивать черной бумагой во имя святого Порядка Вещей, во имя устаревших, но систематизированных и понятных, хоть и не всегда соответствующих истине, воззрений... Механицизм до сих пор прочно сидит в некоторых головах... Детерминизм казался завершенной системой всебытия. Все иное провозглашалось ересью. Релятивизм, статистические теории, наконец, кибернетика... Здесь были свои охаиватели, приклеивавшие всему непонятному ярлык «метафизики», «псевдонауки» или просто шарлатанства... Но... я отклонился. Я даже не знаю, улавливаете ли вы, о чем я говорю? Насколько я понял, вы, кажется, больше интересуетесь гуманитарными науками...

— Не совсем,— буркнул я, не желая откровенничать.

— Впрочем, в наше время это не имеет особого значения. Прежде, беседуя с гуманитарием, я твердо знал, что он понимает каждое пятое слово... Теперь приспособились все... Одни, чтобы жить в мире техники, о которой *volens nolens**, а кое-что знать надо, другие, чтобы не поглупеть и не опуститься до уровня вычислительных машин...

Итак, телепатия — «перенесение информации от мозга к мозгу без помощи органов чувств». Разумеется, речь идет о привычных пяти чувствах. О шестом болтают давно, но только в переносном смысле, толком не зная, что это такое. Телепатия — передача мысли на расстояние, через пространство... А что, если это распространить на четыре измерения, на пространство — время в эйнштейновском понимании? Ведь все происходит в пространстве и времени, иначе говоря, все содержится в пространстве — времени. Понимаете: содержится!!! Можно представить себе передачу информации из пункта *A* в пункт *B* — это обычная телепатия. Однако можно также вообразить и передачу информации из пункта *A* и момента T_1 в пункт *A* и момент T_2 . Тут нет никакого противоречия, никакого парадокса в переносе массы или энергии. Перемещается чистая информация! «Информация — это информация, а не энергия», — сказал Норберт Винер. Информация подчиняется иным, нежели энергия, законам сохранения... Если уж попытаться представить это в виде модели, то, пожалуй, наиболее удачной будет аналогия с радиоактивностью: мозг — навеска радиоактивного изотопа; чем дальше от нее, тем излучение слабее. Чем дальше во времени, тем излучение тоже слабее. Каждый мыслящий и чувствующий мозг

* Волей-неволей (лат.)

излучает информацию во время — пространство. Информация рассеивается, разреживается, но не исчезает. Это и есть сформулированный мною закон сохранения информации...

Если здесь, на этом месте, вчера сидел какой-то человек, явившийся источником потока информации, то сегодня легко можно было бы эту информацию уловить, хотя со вчерашнего дня она как бы испаряется, распространяется во все стороны! Научившись улавливать поток информации, текущей от определенного мозга, можно было бы установить телепатический контакт не только с живущими, но и с некогда жившими людьми... Это был бы, разумеется, контакт односторонний: интересующий нас человек не мог бы его ощущать, а тот, кто уловил информацию, никоим образом не мог бы влиять на его действия и мысли. Однако он мог бы полностью чувствовать и переживать то, что чувствовал и переживал тот человек на интересующем нас отрезке времени. Технически это все не так просто. Потоки информации, идущие от различных источников, в разных направлениях и из самых различных времен, взаимонакладываются. Селекция представляет собой серьезную проблему, но зато эффекты... Представьте себе, какой это изумительный источник для исторических исследований!

— Изумительный! — согласился я, когда старик наконец замолчал, чтобы передохнуть. — Однако это всего лишь фантазия, хотя, должен признать, весьма привлекательная. Насколько я знаю, даже обычная телепатия, если вообще существует что-либо подобное, до сих пор представляет собою явление недостаточно изученное, а факты, которыми мы располагаем, весьма немногочисленны и спорадичны!..

— Этому просто не уделяли достаточного внимания, вот что! — заскрипел старичок, начав дышать ровнее. —

Электромагнитные волны! Тоже мне мысли! Уперлись, как ослы: так телепатическую информацию не передашь! Не передашь — и все тут! Вот вам и доказательство! Похерили телепатию, будто кроме электромагнитных волн в мире ничего нет! Вот они настоящие-то метафизики... Живи вместо Максвелла и Герца два таких типа, они бились бы своими глупыми лбами об эти самые электромагнитные волны и показывали, что их нет! О, *ignorantia non est argumentum*! *

Он неожиданно закашлялся, покраснел и вытаращил поблекшие голубые глазки.

— Меня всегда раздражали такие люди! Я понимаю, нельзя принимать все на веру, но надо же искать, все время искать правду...

— Вы искали?.. То есть занимались проблемой телепатии во времени — пространстве?

В моем вопросе он, видимо, почувствовал скрытую иронию и недоверие, потому что с горечью сказал:

— Вы, молодой человек, мне не верите. Но к этому я привык. Я вам докажу. Зайдите ко мне хотя бы завтра. Вы увидите смерть Цезаря... Или нет! Вы убьете его и увидите его смерть глазами Брута.

— Отличная шутка! — сказал я, чтобы сделать ему приятное, и улыбнулся.

Старик вздохнул, встал и подал мне визитную карточку таким движением, будто вызывал меня на дуэль.

— Прощу! — резко сказал он. — Я буду ждать вас. Только предварительно позвоните, — и он ушел по аллейке, а я остался сидеть с «Жизнью Цезаря» и визитной карточкой в руках.

Я достаточно хорошо разбираюсь в вопросах, связанных с теорией информации, и отлично понимал, что

* Невежество — не аргумент (лат.).

выводы профессора были, деликатно говоря, натянутыми...

Несколько дней я был слишком занят, чтобы думать о Гиснеллиусе. Только в субботу, случайно нащупав в кармане сложенную вдвое карточку с его именем, я подумал, что, собственно, мог бы ему позвонить. Судя по номеру телефона, он жил в районе коттеджей на северной окраине города. На визитной карточке, правда, был адрес, но я никак не мог вспомнить, где находится улица Нильса Бора.

Я набрал номер. Он поднял трубку после третьего звонка. Я сразу узнал его хриплый голос астматика.

— Это вы? — обрадовался он, когда я напомнил ему о нашей беседе. — Прошу вас, приезжайте хоть сейчас. Удобнее всего на метро до станции «Академический городок», а там близко...

Я сказал, что через полчаса буду.

По адресу на карточке я нашел маленький домик, ничем не отличающийся от десятков других, выстроившихся вдоль узкой улочки. Огонь горел только в одном окне. Я нажал кнопку звонка у калитки. Спустя минуту щелкнул механизм электрического замка, и калитка приоткрылась. В дверях домика появилась фигура профессора в теплом халате.

— Добрый вечер! — приветливо поздоровался он и пригласил пройти в дом.

Через мрачную захламленную прихожую я попал в комнату, значительную часть которой занимали забитые книгами полки и огромный письменный стол. Возле стола под серым покрывалом возвышался какой-то предмет кубической формы.

Старик посадил меня за стол и принялся заваривать чай. Он делал это долго и неловко, обливаясь кипятком и ворча вполголоса.

— Холодно тут у меня. Приходится экономить, — сказал он, словно извиняясь. — Правда, есть электрокамин, но вся эта аппаратура пожирает уйму энергии...

Он подошел к кубу и сдернул с него покрывало. Я увидел что-то вроде пульта управления, состоящего из трех вертикальных стенок, между которыми стояло вращающееся кресло. Стенки и небольшой щит перед креслом были усеяны множеством указателей, рычажков и переключателей.

— Вот он, — гордо сказал старичок, усаживаясь напротив меня. — Телехронопатор... Вернее, его операционная часть. Остальная аппаратура занимает всю соседнюю комнату.

— Вы построили его сами? — недоверчиво спросил я, глядя на вполне прилично изготовленные части аппаратуры.

— Сорок лет я вел в университете исследовательскую работу, — сказал он. — Все это мне удалось изготовить, не привлекая особенного внимания. Мои ассистенты делали то, что я им приказывал. Но все нити я держал в своих руках. Здесь, в этом доме, вдвоем с моим старым лаборантом я монтировал аппаратуру.

Когда все было готово и опробовано, я попытался осторожно убедить нескольких наиболее авторитетных профессоров. Вы знаете, как они реагировали? При одном упоминании о телепатии начинали крутить пальцем у виска. Они дали мне понять, что я уже стар и утомлен работой. Мне предложили выйти на пенсию. В тот момент это было мне даже на руку, хотя я и не так представлял свой уход из университета... Как ни говорите — сорок лет! Но теперь это уже несущественно. Главное — мне так и не пришлось продемонстрировать телехронопатор. Я решил подождать, пока найдутся люди настолько разумные, чтобы понять значение моего изобретения.

Я совершенствовал прибор несколько лет, познавал все новые возможности этой изумительной аппаратуры...

— Не думаю, чтобы я был тем человеком, который заслужил честь первым ознакомиться с достоинствами этой машины, — скромно сказал я. — По сравнению с вами я полный невежда... в этой области.

Профессор снисходительно усмехнулся.

— В принципе вы правы, — сказал он. — Однако хотелось бы, чтоб кто-нибудь подтвердил мои выводы. Меня, старика, можно заподозрить в галлюцинациях, игре воображения и так далее... К тому же есть некоторые неясности, которые мы могли бы совместно выяснить. Вы подойдете к вопросу объективно, без личной заинтересованности, более критично...

Мы молча пили чай с сухими сдобными булочками, которые старик извлек из ящика письменного стола. Я смотрел на аппаратуру, пытаясь угадать принцип её действия. По образованию я электроник, однако расшифровать схему аппарата, глядя на щит, я не мог. Аппаратура была оригинальной и не походила ни на одно известное мне устройство.

— Пора включать питание, — сказал Гиснеллиус.

Он подошел к щиту и нажал несколько клавишей. Одна за другой загорелись контрольные неоновые лампочки, за стеной загудели сердечники трансформаторов. Машина ожила. Пол едва заметно завибрировал, как в зале со счетными машинами, где я работал.

— Обслуживание аппаратуры требует определенного навыка, — сказал профессор. — Это напоминает работу на коротковолновой радиостанции. Надо подстраиваться к потоку информации. Улавливать его наподобие радиоволн... Прошу вас, сядьте! — он указал на кресло перед пультом. — Здесь, в этой точке, фокусируются трансдукторы конечного усилителя, которые перешлют в ваш

мозг все, что думает и чувствует человек, с которым мы в данный момент устанавливаем связь...

— Вероятно, правильное было бы сказать «думал и чувствовал», если это человек из прошлого?

— Я умышленно употребил *tempus praesens**, — усмехнулся Гиснеллиус. — Когда мы имеем дело со временем — пространством, понятия одновременности или разновременности событий теряют привычный смысл... Нельзя говорить о прошлом или настоящем в обычном понимании. Никакая *consecutio temporum*** в этом случае не годится.

— Вы все время говорили о... телехронопатии — так, видимо, следует называть это явление — из прошлого, — сказал я. — А ведь, учитывая относительность времени, которую обуславливает обобщенное пространство...

Старичок взглянул на меня, с трудом пытаясь скрыть подозрительное беспокойство.

— Вы... знакомы с этой проблемой? Вы говорите так, будто... Кто вы, собственно, такой?

Не знаю, что удержало меня от признания.

— Я пишу кандидатскую по римскому праву... Что-то на стыке истории и юриспруденции, — не моргнув глазом, солгал я.

Он сразу успокоился, но я теперь был осторожнее.

— Когда-то я по-любительски интересовался наукой о пространстве, — добавил я быстро.

— Ах, так, — проворчал он. — Ну, садитесь!

Я не торопился — даже не знаю, что меня сдерживало!

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил я.

— Простите, на какой? — он рассеянно посмотрел на

* Настоящее время (лат.).

** Последовательность времени (лат.).

меня, но я видел, что он притворяется, и это подстегнуло мою настойчивость.

— Я спрашивал о возможности улавливания информации из будущего.

— Ах, нет, нет! — резко выкрикнул он, махая рукой около уха, — это совершенно невозможно... Ведь будущее не детерминировано...

— А вы откуда знаете?

Он смутился и некоторое время искал ответа, бессознательно шаря глазами по комнате.

— Знаю! — выкрикнул он наконец. — Но не вижу необходимости разжевывать. Достаточно будет только своего рода *reductio ad absurdum**, доказательства методом от противного, доказательства отрицательного: допустим, возможно уловить информацию из будущего. Этакая рабочая гипотеза. Что из этого следует? Вы улавливаете некое известие о событии, которое может касаться вас лично. Вы можете воспользоваться им, «смоделировав» позже свое будущее иным образом... Одним словом, наше предположение приводит к выводу, что будущее «действительное» может быть иным, нежели то, которое вы увидели методом телехронопатии. Это противоречие, очевидно, опровергает справедливость нашего предположения. Вам этого достаточно?

— Нет! — резко сказал я. — Может существовать способ обойти это противоречие в рассуждениях!

— Это как же? — недружелюбно буркнул он.

— Не знаю... — я задумался. — Может, так: сам процесс мысленной связи с будущим возможен лишь постольку, поскольку он не дает информации, которую «путешественник во времени» мог бы использовать для воздействия на собственное будущее...

* Доказательство от противного (лат.).

— А если он все-таки нападет на такую информацию? Ведь это невозможно предвидеть а priori...* — старичок хитро усмехнулся. — И что тогда, как вы думаете?

— Допустим, это вызвало бы его... немедленную смерть! — выпалил я, не думая.

Профессор залился беззвучным смехом.

— Вот... — сказал он, вытирая платком губы, — вот как можно попасть в собственные сети. Ведь если ваш «путешественник во времени» погибнет во время эксперимента, значит, в будущем не было такой информации, которую он мог бы использовать для своего спасения, а во-вторых, он, покойник, вообще уже не мог бы ничего сделать. Порочный круг, классический порочный круг! Вот вам второй весьма убедительный довод в пользу того, что в будущее заглянуть невозможно!

Однако мне этого было недостаточно. Незаметно для самого себя я поверил не только в то, что старик говорил о своем изобретении, но и в то, что он сам столь горячо отвергал. Подсознательно я рассуждал, видимо, примерно так: если вся история с улавливанием информации из прошлого правда, то, рассуждая логически, будущее в этом смысле должно быть равноправным. Я размышлял бессистемно, в голове у меня перемешались все мои не очень-то обширные знания, впутывались вопросы обратимости явлений в микро- и макромире, симметрии времени и так далее.

— Хорошо, начинаем! — сказал я наконец. — Все готово?

— Прошу вас, прошу! — профессор, потирая руки, указал на кресло. — Для начала сделаем небольшой экскурс в прошлое...

— С кем вы меня свяжете? — спросил я, уже сидя в кресле.

* Без проверки (лат.).

— О, это будет для вас неожиданностью! Вы даже не догадываетесь!

— Однако я хочу знать! — сказал я с неожиданным испугом.

Он, видимо, это почувствовал, потому что быстро отвел.

— Сидите и ничего не бойтесь. Вы совершите экскурс в недалекое прошлое.

— Но, так сказать, в чьей шкуре?

Он не ответил. Стоя за спинкой моего кресла, он костлявым пальцем нажал красную кнопку на пульте. Я почувствовал легкое головокружение...

Видимо, он уже давно стоял у меня за спиной, потому что, когда я повернулся, чтобы уйти, он криво улыбнулся и сказал:

— Вы, я вижу, любитель древности...

Он угадал, и не удивительно: я долго не мог решить, что взять — Плутарха, Геродота или Флавия и в конце концов купил «Жизнь Цезаря» — на другое просто не хватило денег.

— Вы угадали, — сказал я, пытаюсь пройти мимо, но он увязался следом.

— Времена Империи — чрезвычайно любопытный период, — сказал он, энергично и как-то бестолково жестикулируя. — Хотя лично я предпочитаю Древний Восток.

— Ну и как? — Профессор стоял рядом с креслом и заглядывал мне в глаза. — Точно попал?

— Вы отправили меня к моменту нашей первой встречи?

— Вот именно! Вы улавливали свои собственные впечатления, которые ощущали несколько дней назад.

— Я не подумал о такой возможности, — изумленно ответил я.

— О, вы не предвидели еще многого другого. Это было легче легкого: связь с самим собою, сверхвременная автотрансмиссия. Эффектно, правда? Самое настоящее путешествие в обратную сторону. Увы, это возможно только в рамках, ограниченных периодом жизни «путешествующего». Телехронопатор настроен на автотрансмиссию. Теперь вы можете спуститься в более отдаленное прошлое.

Он склонился над пультом, повернул рукоятку и сказал:

— Пятнадцать лет назад, считая от настоящего времени!

Правую руку он положил на красную кнопку старта. И тут я заметил, что его левая рука крадется к переключателю, находящемуся непосредственно под ручкой регуляции интервала времени. Это был маятниковый переключатель, имеющий только два положения: «+» и «—». До сих пор он находился в положении, обозначенном знаком «—».

Если бы Гиснеллиус повернул его так же решительно и уверенно, как и при предыдущем опыте, я не увидел бы в этом ничего подозрительного. Однако неуверенное движение старческой руки приковало мое внимание, обеспокоило меня.

Дальше я действовал, как в прозрении. Когда его рука передвинула переключатель, я резко вскочил на ноги и обеими руками быстро втиснул профессора в кресло. Он хрипло вскрикнул и отдернул руку от красной кнопки, но я мгновенно ударил по ней.

Зачем я это сделал? Гораздо позже я пришел к выводу, что руководствовался, пожалуй, только каким-то неопределенным страхом перед чем-то необычным и, как

мне казалось, опасным. Может, это была так называемая «интуиция», может, побочный эффект, вызванный действием работающего телехронопатора — какое-то слабое взаимодействие между моим собственным сознанием и сознанием Гиснеллиуса. Но смутное ощущение опасности заставило меня поменять наши роли в этом эксперименте. Морально я чувствовал себя — подсознательно, разумеется, — оправданным: я сделал с ним только то, что он собирался сделать со мной.

Когда я нажал кнопку, огоньки неожиданно потускнели, а за стеной, где по словам профессора находилась основная часть аппаратуры, что-то грохнуло. Моя рука, державшая до сих пор худую руку старика, соскользнула вниз по обитой кожей спинке кресла.

Огни люстры дрогнули, мигая на пониженном напряжении... Я огляделся...

Профессора не было! Дверь была закрыта, а он исчез!

Я, остолбенев, вглядывался в кресло, словно надеясь, что он появится там, куда я его только что посадил, потом, в паническом страхе, выскочил на улицу. Только добежав до угла, я замедлил шаг и оглянулся.

В темном окне профессорского домика плясал оранжевый язык пламени. Огонь и грохот, который я слышал раньше, были, видимо, вызваны коротким замыканием в перегруженной аппаратуре.

Я постоял немного в нерешительности, потом побежал к станции метро. Мимо с воем промчалась пожарная машина. Я облегченно вздохнул — кто-то, заметив огонь, вызвал пожарных.

Старик лгал! Вернее, не все, что он говорил, было правдой. Ибо будущее — независимо от того, детерминировано оно или нет, — не может стать известным человеку прошлого. В этом профессор был прав. Однако он

не выдал мне одного способа, с помощью которого оказалось возможным обойти логический парадокс: человек, узнавший свое будущее, перестает быть человеком настоящего! Он неотвратно должен немедленно перенестись в то будущее, которое ему открылось. В противном случае он мог бы воспользоваться в настоящем своими знаниями о будущем, а это приводит к парадоксу раздвоения будущего. Таким образом, перескакивая через время, которое отделяет его от будущего, путешественник во времени просто не успеет использовать сведения о будущем! Это единственная возможность выбраться из мысленного лабиринта... Только при таком условии существования телехронопатия (точнее, телехронокинез) в будущее.

Профессор Гиснеллиус прекрасно знал об этом. Он предвидел это теоретически и разрешил конструктивно. Но с помощью эксперимента он хотел подтвердить свою догадку. Прodelать же опыт на себе он не решался. Он был слишком стар! Откуда ему было знать, будет ли он еще жить через год, месяц, день? А если б он перенесся в будущее за пределы своей жизни, это означало бы прыжок в смерть!

Я уверен, что больше не встречу уже профессора Гиснеллиуса: указатель времени стоял на пятнадцати годах!

Мне неясно одно: почему парадокс, касающийся перемещения массы и энергии в прошлое, несправедлив в отношении будущего? Может, количество массы и энергии в каждой точке этой «будущностной» дольки времени — пространства все-таки не строго детерминировано?

ПРОГНОЗИЯ

Я приехал немного рановато: часы показывали без двадцати минут три. Жара стояла страшная. В небольшом кафе возле остановки былолюдно, но мне повезло: когда я вошел, надеясь получить что-нибудь прохладительное, один из столиков освободился.

Официантка куда-то запропастилась, и я коротал время, наблюдая за движением на узкой и обычно запруженной автомобилями улице. Не иначе как жара действовала и на машины: сегодня они ползли как-то неохотно и лениво, а прохожие, расстегнув пиджаки, еле передвигали ноги. В такие дни человеку кажется, будто время замедлило бег. Мысли текут лениво и тщательно обходят все серьезные вопросы, то и дело возвращаясь к песчаным морским пляжам или, на худой конец, к городскому бассейну...

— Место свободно?

Я поднял голову. Передо мной стоял немолодой уже человек, одетый в пеструю рубашку; его лоснящееся от пота лицо выражало усталость.

— Пожалуйста, — сказал я.

Он сел. Да, он был немолод, волосы уже начинали седеть, а перерезанный горизонтальными складками лоб и морщинистое лицо говорили о нелегкой жизни. Во всяком случае, так мне показалось. Я иногда люблю читать по человеческим лицам, а потом сравнивать свои наблюдения с действительностью.

Видимо, он почувствовал мой взгляд, потому что беспокойно шевельнулся и, подняв глаза, неуверенно спросил:

— Простите, мы... мы прежде никогда не встречались?

— Скорее всего, нет... — замялся я, снова взглянув на него. — А что, вам кажется...

Он смущенно улыбнулся и сделал такое движение, словно хотел что-то сказать, но, видно, раздумал, отрицательно покачал головой и отвернулся. В такую жару, действительно, даже говорить не хотелось.

Официантки все еще не было.

— А обслуживание здесь никудышное. Десять минут жду, — сказал я.

— Не тратьте зря нервы, — вздохнул сосед, не отрывая взгляда от улицы. — Официантка явится через четверть часа. Впрочем, можете быть уверены — пива не будет, да и содовой тоже...

— Я вижу, вы знакомы с местными порядками! — усмехнулся я. — Наверно, частенько сюда заходите?

К моему удивлению, он смущенно взглянул на меня и сказал:

— Не знаю...

— То есть как, не знаете? Не знаете или...

— Не знаю. Не помню.

Я пожал плечами, решив, что он просто не хочет разговаривать. Машинально я потянулся за своим портфелем, достал лежавшую в нем рукопись и принялся листать страницы. Текст, который я знал наизусть, показался мне на этот раз путаным и непонятным. «Еще одна страница и я приду к выводу, что это полнейшая ерунда... — подумал я. — Жарища настраивает пессимистически». Я застегнул портфель. Теперь уже ничего не изменишь: через четверть часа я отнесу рукопись в издательство и буду ждать решения...

— Я вас слушаю.

Ну, наконец-то явилась официантка. Она нехотя

стряхнула со скатерти хлебные крошки и табачный пепел. Лицо ее выражало смертельную скуку.

— Пожалуйста, пива, — сказал я.

— Пиво кончилось, — меланхолично произнесла она.

— Тогда содовой.

— Вся вышла.

Ничего не скажешь — мой неразговорчивый собеседник отлично знал местные порядки!

— А вообще есть что-нибудь напиться? Холодное, разумеется, — спросил я.

— Фирменный напиток. Желаете? И вам тоже?

Нам не оставалось ничего иного, как согласиться. Официантка исчезла, а мой сосед недовольно поморщился.

— Получим отвратное теплое пойло... — проворчал он.

— Судя по вашим предыдущим предсказаниям, — улыбнулся я, — все должно сбыться и на этот раз.

— Я не предсказываю, а знаю.

— Да ну? Неужто вы... ясновидец? — пошутил я.

— Ясновидец — это, знаете ли, из парапсихологии, — медленно сказал он. — Я называю этот случай иначе. Ясновидение, как вам, наверно, известно, это более или менее правильное общее предсказание. Что касается меня, то я могу предсказывать лишь то, что относится непосредственно ко мне, предвидеть события, в которых буду принимать участие лично, или же факты, которые станут мне каким-то образом известны. Впрочем, я неверно выразился. Я не предсказываю, я знаю... Знаю так же, как вы знаете, что происходило с вами или вокруг вас, скажем, час назад, год и так далее...

— Вы хотите сказать, — заметил я, — что помните свое будущее так же, как я помню свое прошлое?

— Вот именно. Я помню свое будущее, если вообще

так можно сказать. Я знаю то, что еще только произойдет. Я назвал бы это прогнозией, это недурно звучит...

— Отлично! И вообще это шикарная шутка. Поразительно — в такую жару вы не теряете чувства юмора...

Мне показалось, что незнакомец смутился.

— Я был бы счастлив, если б это была только шутка... — тихо сказал он, серьезно взглянув на меня из-под полуопущенных век. — Увы, это истина, пан Ковальский!

— Простите, не помню, чтобы я называл свою фамилию.

— Если бы вы даже и назвали, я не мог бы ее запомнить: кроме прогнозии я страдаю еще и полной амнезией! Вы понимаете? Именно в этом мое несчастье, двойное несчастье: я не помню ни одной минуты прошлого, зато знаю все свое будущее!

Я не мог произнести ни слова и осовело смотрел на этого человека, не зная, шутит он или говорит серьезно.

— Но... это же абсолютно невозможно! И откуда вы в таком случае...

— Я узнаю вашу фамилию в будущем, поэтому и помню...

— Так вы утверждаете, что все сказанное вами правда?

Он молча кивнул.

— И... вы не помните даже того, что произошло секунду назад? Зато знаете, что случится через десять лет? — резко спросил я.

— Вот именно. Конечно, близкое будущее я помню точнее и с большим количеством подробностей, чем отдаленное. А вот прошлое, пусть даже самое недавнее, для меня закрыто бесповоротно... как для вас, например, то, что произойдет через минуту...

— Но... — сказал я, — я-то знаю, что и через минуту буду сидеть здесь и беседовать с вами...

— А в три часа пойдете вон в тот дом напротив... Согласен, вы это знаете, но стопроцентной уверенности у вас быть не может. А вдруг да через минуту я отсюда уйду? Или, переходя улицу, вы попадаете под автомобиль? Нет, нет, под автомобиль вы не попадете, а я отсюда не уйду, пока не получу чего-нибудь выпить. Я сказал это только так, для примера. Итак, на основании анализа прошлого и настоящего вы можете более или менее достоверно предвидеть, что произойдет в будущем. Я же будущее знаю, просто знаю... О прошлом же могу судить только на основании встречного анализа тех событий, которые еще только произойдут.

Тридцатиградусная жара вконец отбивала способность что-либо понять. Вдруг меня словно осенило:

— Послушайте, — воскликнул я, — если все обстоит так, как вы говорите, то каким же образом вы можете логично отвечать на мои вопросы, коль, услышав их, тут же забываете, что они были заданы?

— Эх, милый мой! Ну, подумайте как следует, — снисходительно улыбнулся незнакомец. — Конечно, ваш вопрос я немедленно и полностью забываю, зато мой ответ на него помню отлично! Ведь до того, как я его произнес, он принадлежал будущему, тому ближайшему будущему, которое я отчетливо помню.

— Допустим, — согласился я, сбитый с толку. — Но тогда зачем вы вообще задаете мне вопросы? Вот вы спрашивали, встречались ли мы когда-нибудь. Но ведь мой ответ-то вы знали заранее!

— И опять вы ошибаетесь! — спокойно сказал он. — Не задай я этого вопроса, вы бы никогда не ответили на него! А я помню только то, что когда-либо произойдет, следовательно, мой вопрос был вызван логикой необходимости.

— В таком случае я не понимаю, почему свое чудес-

ное свойство вы называете несчастьем? Люди веками мечтали о подобном! Кто не хочет знать свое будущее?!

— Ошибаетесь. Все ошибаются, — сказал он. — Я лучше знаю, какой это груз — знать все до конца, до самых мелочей. Неужели вам никогда не хотелось забыть что-нибудь, какие-либо неприятные моменты из жизни? Забывчивость — прекрасная штука... Уверяю вас, не менее приятно знать о своем будущем не все, не полностью, не до конца! Неужели вы хотели бы забыть — как это случилось со мной — обо всем, что было? Забыть, кто вы, как вас зовут и что вы пережили? Убежден, вы не согласились бы полностью стереть свою личность. Тут уж вам придется мне поверить...

— Скажите... а как все это случилось? Может быть, зная обстоятельства, при которых вас постигло это... несчастье, эта катастрофа памяти, удалось бы найти способ вернуть вас в нормальное состояние?

— Откуда мне знать, как это случилось, если я не знаю даже, кто к кому подсел: вы ко мне или я к вам, и вообще, как получилось, что мы завели разговор на эту тему. Вы все еще не можете освоиться с мыслью, что перед вами человек, который перемещается как бы против течения реальности: моя «память» становится все беднее, каждое слово, каждое происшествие отбирает у нее кусочек знания о моей жизни!

— Значит, с каждой ушедшей минутой вы все меньше знаете и обо мне, хотя задавали мне вопросы и наблюдали за мной во время беседы?

— Разумеется. И все-таки у меня такое ощущение, будто когда-то я о вас что-то услышу... Встретить вас я, пожалуй, не встречу... Да, не встречу никогда, но...

— Вы меня не встретите... — сказал я и задумался.

«Если все это правда и он утверждает, что меня не встретит, то... это для меня единственная возможность...»

— Простите, — сказал я с притворным равнодушием. — Вы, конечно, понимаете — поверить во все, что я от вас услышал, нелегко. Однако я хочу в это верить и поэтому осмеливаюсь попросить и вас кое о чем... Вы не могли бы... рассказать мне что-нибудь о будущем? Что-нибудь такое, что спустя некоторое время можно было бы проверить... Например, не знаете ли вы какого-нибудь будущего изобретения? Если б вы согласились описать мне его по возможности подробно...

— Нет! — решительно и резко прервал меня незнакомец. — Я этого не сделаю.

— Но... я вас очень прошу!

— Коль я говорю, что не сделаю, то это не значит, что я упираюсь. Просто я знаю, что не сделаю. Я знаю, что никогда и никому не буду рассказывать о будущем.

Он был явно возбужден. Потом успокоился и мягко добавил:

— Выполнив вашу просьбу, я мог бы поставить вас в опасное положение. Да, да, не делайте удивленного лица. Подумайте: допустим, я подробно опишу вам некое устройство, зная при этом, что в будущем его создаст, скажем, пан Икс. Ознакомившись с идеей прибора еще до его появления, вы вряд ли удержитесь от искушения и попытаете его создать. Однако известно, что это будет сделано не вами, а паном Иксом. Отсюда напрашивается простой вывод: с вами случится несчастье еще до того, как вы успеете создать образец. Я не имею права подвергать вас опасности... Будущее, как видите, неосторожно приоткрытое перед легкомысленным человеком, может его убить!

— Но ведь вы-то знаете свое будущее! Как же вам удастся предохранить себя от чего-либо подобного?

— Меня спасает как раз то, что я знаю все свое будущее. Именно поэтому я в полной безопасности. Если

перед вами — во всяком случае, на первый взгляд — бесконечное множество вариантов жизни, то передо мной только один, и я должен его придерживаться. Впрочем, и у вас ведь тоже лишь один вариант: тот, который вы проживете. Но вы по крайней мере можете обманывать себя, думая, будто перед вами бесчисленное множество возможностей. Я выбирать не могу... О, я бы полжизни отдал, чтобы вспомнить хотя бы несколько мелочей из моего прошлого и забыть то, что меня ждет... Как знать, может, это и вылечило бы меня?.. Впрочем, вероятнее всего, моя болезнь необратима...

Он на минуту замолчал, потом уже иным голосом добавил:

— Да, вспомнил, откуда мне будет знакомо ваше лицо... Вы издадите превосходную книгу, которую я прочту через год! Там будет ваше фото. Это будет настоящий бестселлер. Вы ее уже написали?

Я взглянул на него, удивленный его магическими способностями. Неужели он действительно читает мои мысли? А может, и верно, телепатия или что-то еще в этом роде? В его прогнозию я, само собой разумеется, и не думал верить.

— Так, говорите, хорошая будет книга? Сегодня в три я сдаю ее в издательство...

— Она принесет вам успех... К сожалению, мне не придется прочесть остальные ваши книги.

— А та, о которой вы говорите... вы помните, о чем она?

— Ну, разумеется, отлично помню! Особое впечатление на меня произведет изумительное описание планеты, которую откроют герои романа...

«Не иначе, заглянул в рукопись, когда я ее просматривал», — подумал я, а вслух сказал:

— Бог с ним, с фирменным напитком! Сколько же

можно ждать! Уже почти три, надо идти. Было очень приятно с вами побеседовать.

Я встал, взял портфель и протянул руку собеседнику:

— Ковальский... — представился я машинально и в тот же момент сообразил, что... именно отсюда, из этого моего представления он «помнил» раньше мою фамилию. Я тут же обругал себя за эту мысль, которая означала, что подсознательно я верил в рассказ незнакомца. Разве можно принимать всерьез подобную чепуху?

— К сожалению, я не могу вам представиться! — сказал он, просительно улыбаясь. — Не помню своего имени. Я, видите ли, болею странной болезнью...

— Знаю, знаю. Вы рассказывали об этом несколько минут назад.

— Да? Ну, стало быть, вы понимаете... Я, правда, не помню, о чем мы беседовали, но, думаю, я сказал вам, что...

— Да, да, вы все рассказали... Простите, я спешу, — нетерпеливо бросил я.

Кивнув ему на прощание головой, я ушел с потоком пешеходов.

Мой новый роман был принят редактором весьма благосклонно. Он даже сказал:

— Успех обеспечен, пан Ковальский. Особенно сильное впечатление производит изумительное описание планеты, которую открывают герои романа...

До сих пор не могу вспомнить, кто и когда говорил мне уже нечто подобное...

Память, что ли, отказывает? Минутку, что я хотел... Кто я? Как меня зовут? Сажу и пишу, а через минуту за окном разыграется ветер, надо закрыть окно... О, уже дует! Почему я не встал, чтобы закрыть окно? Сейчас ветер разобьет стекло.

Дзынь!

СТРАННЫЙ, НЕЗНАКОМЫЙ МИР

Опускаясь по пологой параболе в плотной атмосфере планеты, корабль гасил скорость.

— Высота?

— Три триста... три двести пятьдесят...

Неожиданно угрожающе завывала сирена автопилота, и корабль рывком развернуло на 180°. На полной тяге взревели двигатели. Резкое торможение вдавило космонавтов в кресла.

— Что случилось? — спросил Гие.

— Автопилоту пришлось посадить корабль, — прохрипел Моокс.

Гие отстегнул ремни и потянулся к контрольной ленте автопилота.

— М-да... ничего себе, — ворчал он, читая запись. — Впереди вдруг выросла отвесная стена, а внизу появилась идеальная посадочная площадка — плоская горизонтальная плита. Правда, не очень длинная. Еще немного, и мы врезались бы в стену...

— Неужели это... поверхность планеты?

— Вряд ли. Еще минуту назад у нас была солидная высота.

— Недурное начало. Вынужденная посадка, к тому же неизвестно где.

— Уж не думаешь ли ты...

— Что это они «подсунули» нам посадочную площадку? Это довольно логично: воздвигнуть преграду и одновременно создать отличные условия для посадки.

— Все не так просто! Перед посадкой автопилот про-

вел радарный зондаж. Вокруг что-то вроде гигантского закрытого со всех сторон ящика, только в одной его стене имеется прямоугольное отверстие, через которое мы сюда попали. Больше ничего автомат не смог сообщить. Остальное придется уточнять самим.

— Тогда пошли!

Вдруг ослепительно вспыхнули телеэкраны. Темноту вокруг корабля рассеял поток резкого, не известного откуда бьющего света.

— Наверное, нас засекли! — неуверенно сказал Моокс.

— Ничего не видно... Где же они?

— Смотри, что это?

Что-то огромное, отливающее металлом, приближалось с такой скоростью, что спустя мгновение заслонило три четверти главного экрана, исчезло и вновь появилось на обоих боковых экранах одновременно, словно кольцом охватывая корабль. Резкий толчок бросил их на пол. Корабль словно подбросила вверх какая-то неведомая сила. Мгновение он висел неподвижно, а потом мягко опустился на бок.

Экраны погасли так же внезапно, как и загорелись. Корабль лежал неподвижно, а Гие и Моокс напрасно пытались понять, что же все-таки произошло.

— Выходим! — нетерпеливо крикнул Гие. — Они и так уже знают о нас больше, чем мы о них!

— Возьми минализатор, а я на всякий случай прихватчу излучатель...

— Не думаю, чтобы они были настроены враждебно. Судя по всему, они уже давно могли нас уничтожить, но не сделали этого.

— Видимо, хотят нас как следует изучить, а уж потом...

— Что потом?

— Думаешь, я знаю? Во всяком случае, не делай особо резких движений: это может их испугать и тогда неизвестно, чем все кончится...

Передвигаться в скафандрах по каменистой местности, покрытой коричневыми валунами, было невозможно. Пришлось вывести из корабля гусеничный вездеход-амфибию. Но и ему приходилось нелегко. Машина то взбиралась на зыбкие холмы, то спускалась в какие-то долины. Неожиданно свет фар отразила гладкая зеркальная поверхность. Подъехали ближе. Путь преграждала не имевшая, казалось, ни конца ни края отвесная стена. Моокс направил луч рефлектора вверх.

— Через нее не перебраться.

— Придется идти вдоль. Где-нибудь она должна кончиться!

Машину повернули влево, двигаясь медленно, внимательно осматривали местность. Когда амфибия съезжала на дно небольшой впадины, впереди снова что-то блеснуло.

— Опять стена? — встревожился Гие.

— Нет, что-то внизу... Какой-то водоем.

Водоем оказался не очень глубоким прудом, заполненным темно-коричневой жидкостью. Моокс взял пробу для анализа.

— Вода, обогащенная какими-то соединениями углерода и взвесью из того же коричневого вещества. Анализатор не может точно определить его химический состав. Поехали дальше, необходимо выбраться из этой пустыни.

Гие некоторое время внимательно рассматривал вычерченную автоматом курсовую кривую, потом толкнул Моокса:

— Похоже, мы движемся по окружности... Мы оказались внутри какого-то гигантского цилиндра. Останови машину, я взгляну, из чего эта стена.

Поверхность стены была гладкой и скользкой. Концом корундового резака Моокс провел беловатую царапину и собрал несколько крупинок.

— Окись кремния, — сообщил он немного погодя. — С добавкой натрия и кальция. Дай излучатель, я попробую пробить.

Несколько ударов пламенем, и из углубления потекла расплавленная масса. Стало очень жарко. Моокс продолжал работать. Углубление увеличивалось. Наконец пламя прорвалось сквозь отверстие наружу. Когда масса вокруг черного провала немного застыла, они с трудом протиснулись в него. С противоположной стороны пришлось спускаться на тросе. Основание стены было из того же материала и тянулось до самого горизонта.

Светало.

— Ты пойдешь направо, а я прямо, — сказал Гие. — Встретимся здесь.

Разошлись под прямым углом. Гие долго шел быстрым шагом. Темнота начинала редеть. Неожиданно плита кончилась и он полетел вниз. Но уже в следующий момент мягко повис, запутавшись в чем-то эластичном. Он осмотрелся, посвечивая фонариком. Во все стороны разбегались не то кабели, не то большого диаметра трубы. Гие вскарабкался на одну из них, наклонно идущую вниз. Поверхность трубы была покрыта чем-то вроде наростов и по ней удобно было идти. Уже почти рассвело, когда он добрался до отвесной стены, в которой исчезали все кабели. Стало теплее. Кабели плотно прилегали к стенкам отверстий, так что перебраться на ту сторону было невозможно. Гие решил рискнуть. Выхватив излучатель, он нацелил его в стену. Дважды сверкнуло пламя; и вдруг какая-то чудовищная сила раскидала

кабели. Потеряв равновесие, Гие полетел вниз на складчатую сплетенную из толстых канатов белую поверхность...

Моокс решил возвращаться. Ни следа жизни, ничего, только гладкая, твердая плита. Когда ему показалось, что место встречи уже близко, он включил коротковолновый приемник и обнаружил, что передатчик-маяк, оставленный возле проделанного отверстия, не работает. Тогда он перестроился на волну Гие. Тоже тишина... Или он за пределами приема, или... И что стало с ракетой, заключенной в стеклянную ловушку? Моокс долго бродил вокруг. Уже почти рассвело. Силясь отыскать какой-нибудь след товарища, он видел только какие-то неясные, перемещающиеся на далеком горизонте тени. Высоко над головой простиралась огромная белая плоскость. Она не могла быть небом. Вокруг вздымались колоссальные отвесные стены, но чересчур далекие, чтобы на них можно было различить какие-либо подробности. С одной стороны в стене зиял гигантский светящийся прямоугольник, и именно оттуда струился свет нарождающегося дня. Радарный зонд точно охарактеризовал положение: их поймали в колоссальную ловушку.

Ракеты не видно. Гие молчит... Да, это конец экспедиции, которая должна была стать прелюдией к освоению и колонизации Большой Планеты в системе Желтого Солнца.

Вконец измотанный, Моокс упал на стеклянистый безнадежно однообразный грунт.

Сон быстро овладел уставшим телом, однако мозг, утомленный многочасовым напряжением, по инерции еще

продолжал работать. Я понимал, что засыпаю. Перед глазами мелькали какие-то картины, мешавшиеся с действительностью. Я слышал шум ветра за раскрытым окном, но мне казалось, что это звук ракетного двигателя. Еще немного — и этот необычный фильм растает...

Вдруг я вздрогнул. В полуреальный мираж вторглось НЕЧТО, своей несомненной реальностью разорвавшее легкий покров сна. Вначале я не понял, что это. Лишь позже сообразил — звук. Словно скребли металлом о металл...

Где я? Ах, да, в лаборатории института... Я работал допоздна и прозевал последний поезд в город.

Что же это мог быть за звук? Я потянулся к выключателю, и комнату заполнил яркий белый свет. Но переключатели и контрольные лампочки вычислительного устройства не светились, значит, звук шел не отсюда. Я посмотрел на горизонтальную, сделанную из полированного металла лобовую панель электроmozга, которая служила крышкой мнемотеки и защищала элементы памяти от влияния внешних магнитных полей. У одного конца панели темнело раскрытое окно, а я на раскладушке лежал по другую ее сторону. И вдруг на блестящей поверхности панели я заметил темную прямую царапину. Царапина начиналась в метре от окна и бежала к стене. Проследив ее направление, я взглянул через плечо и вздрогнул от удивления: царапина кончалась почти на высоте моей головы в полуметре от стены. В конце ее лежал какой-то загадочный предмет, на первый взгляд показавшийся мне похожим на пулю от малокалиберной винтовки. Я хотел взять его рукой, но вовремя почувствовав, что он излучает тепло, воспользовался плоскогубцами.

Странный предмет действительно походил на пулю длиною не более половины спички; на тупом срезе видне-

лось несколько симметрично расположенных отверстий. «Что такое? — подумал я. — Покушение на мою жизнь?» Сама эта мысль показалась мне забавной. Да и откуда можно было стрелять? Разве что с вертолета — комната находится на семнадцатом этаже, а в радиусе десяти километров нет второго такого же высокого здания. Кроме того, стрелять должны были откуда-то издалека, потому что звука выстрела я не слышал, а конечная скорость пули была слишком мала, коль она остановилась, проехав по плите всего три метра! Наверное, какая-нибудь шальная охотничья пуля! Вокруг — охотничьи угодья. Утром покажу ее товарищам. Надо же: именно в мое открытое окно, одно из нескольких сотен окон здания, попала заблудшая пуля. Куда бы ее положить? Рядом с раскладушкой на покрытом стеклом столике стоял стакан из-под выпитого кофе. Я осторожно опустил туда находку, закутался в одеяло, потому что утро обещало быть прохладным, и спустя несколько минут уснул.

Я проснулся от резкого укола в темя, как будто меня ужалила пчела. Вскочив, я уселся на постели и начал растирать болевшее место. Пчелы нигде не было. Может, просто комар...

Семь часов. Через полчаса придут товарищи. Надо побыстрее привести себя в «божеский вид». Прежде всего — крепкий кофе. Я поставил на газовую горелку пол-литровую лабораторную колбу с водой (высоконаучный метод заварки кофе, практикующийся почти во всех лабораториях...) и схватил со стола стакан, чтобы сполоснуть его под умывальником. Вместе с осадком от вчерашнего кофе из стакана, звякнув о фаянс, что-то выпало. Моя пуля! Но было уже поздно: она соскользнула в слив-

ную трубу, смытая водой из крана. Теперь никто не поверит в мое ночное приключение!

Из стакана сочилась тонкая струйка воды... «Вот те раз! — удивился я. — Дырявый стакан! Но ведь еще вчера он был совершенно цел! Видно, в стекле оказался воздушный пузырек. Теперь он лопнул».

Подобное объяснение меня вполне удовлетворило, и я закончил изучение стакана тем, что выбросил его в мусорный ящик и достал из стенного шкафчика новый.

Вода в колбе кипела, я засыпал туда двойную порцию кофе.

В коридоре слышались шаги уборщиц, скоро соберутся и наши сотрудники. Мы сейчас готовимся к очень интересной работе. Используя самый большой в стране электронный мозг, собираемся доказать, что в радиусе действия фотонных ракет практически невозможно обнаружить разумные существа, уровень развития которых был бы близок человеческому. Мне кажется, это очевидно!

АБСОЛЮТНОЕ ВРЕМЯ

Первая ступень ракеты

Джон Гарвей не любил отборочных экзаменов, потому что ведь: *pes Hercules...* Тем более что он отнюдь не был Геркулесом. Правда, он с отличием окончил институт по специальности «космическая радиосвязь», но... Но разве он такой в Англии один? Принимать во внимание следовало весь мир, даже маленький Люксембург, гражданин которого, Жан Перпиньян, был Первым связистом на борту Космической ракеты. Правда, во Всемирном космическом совете — как и в других областях — наибольшее влияние имеют великие державы, однако для всех граждан нашей общей матери Земли права старта (космического старта!) равны.

Джон отыскал взглядом на столе экзаменаторов английский флажок. «Мой земляк в комиссии должен быть за меня», — подумал он, но тут же сообразил, что в зале включены антинационалистические индикаторы, которые немедленно начинают трезвонить, учуяв шовинистические настроения.

— Мистер Джон Гарвей из Ковентри, Англия! — услышал Джон свое имя. Оно показалось ему чужим: председатель был белорусом и смягчал твердые английские согласные. Видимо, у Джона был довольно жалкий вид, потому что он ободряюще добавил:

— Если вас не напугали трудности избранной вами специальности, то вам нет надобности опасаться и нас. Я поддерживаю вашу кандидатуру.

Представитель Всеафриканской федерации, еще сохранивший старую неприязнь к англичанам, с явным неодобрением покрутил головой. Этого движения никто не заметил. Но в тот же момент раздался лязг антинационалистических индикаторов. Эти мучительные для слуха звуки показались Джону самой чудесной музыкой. Африканец устыдился своего, быть может, даже и не вполне осознанного движения и перестал крутить головой, вернее, просто изменил направление движений с отрицательного на положительное. Индикаторы моментально успокоились.

— Ваша кандидатура принята, — объявил председатель. — То есть, — тут же поправился он, — будет принята, если вы заручитесь согласием супруги на ваше участие в экспедиции. Надеюсь, вам не надо объяснять, что фотонная ракета, в течение месяца мчащаяся в космосе со скоростью света, в результате относительности времени вернется на Землю лишь через тридцать земных лет. Сейчас вам (он заглянул в анкету Джона) тридцать два года, жене — тридцать. В момент вашего возвращения тридцатидвухлетнего молодого человека будет встречать шестидесятилетняя женщина... Я знаю, вы любите жену, но другие... Ну да, было, есть и будет множество трагедий, вызванных «сжатием» времени, поэтому Всемирная федерация женщин поставила перед Всемирным космическим советом жесткое условие фотонных полетов: согласие супруги.

— Моя жена согласна, — убежденно сказал Джон.

Действительно, Мэри уже давно сказала свое «да», тем более что была посвящена в планы мужа...

Планы! Планы, которые принесут им миллион фунтов стерлингов! Какое счастье, что в зале не установлены моральные индикаторы, проверяющие этические побуждения кандидатов в космонавты! Эти индикаторы нахо-

дятся пока еще в стадии эксперимента. Стоимость их изготовления еще слишком высока, однако уже в ближайшем будущем их массовое производство должно свести на нет величайший конфликт конца двадцатого века: диспропорцию между высоким уровнем техники и все еще отстающим от него этическим уровнем «потребителей» этой техники.

Если бы сейчас в зале были моральные индикаторы, все полетело бы в тартарары. Уважаемая комиссия узнала бы, что единственным поводом космических устремлений Джона Гарвея было... желание получить наследство дядюшки-миллионера, которому врачи сулят самое большее пять-десять лет жизни. Ждать такой срок богатства, которое можно заграбастать после месячного полета в фотонной ракете?! Джон выбрал второе. А высокая комиссия в свою очередь выбрала Джона. Что поделаешь, отсутствие моральных индикаторов...

«Мои поздравления... Ты — миллионер», — Джон так сильно сжал собственную руку, что побелела кожа.

— Не надо нервничать, коль вы уже приняты, — по-своему истолковал его состояние председатель и приветливо улыбнулся.

«Конечно. Не нервничать. Битва, собственно, уже выиграна. Теперь только войти в ракету. Переждать месяц. Выйти. Зайти в банк...»

Все время — о времени

От стен главного салона струился ровный свет, характер которого профан определил бы как «прекрасную имитацию дневного света Земли», а знаток — о, этот добавил бы еще кучу подробностей вроде подызлучения «дельта-23», отлично тонизирующего нервную систему космонавтов. Если бы не эти излучения, кто знает, были бы раз-

говору колумбов космоса всегда такими неизменно спокойными и доброжелательными, как те, которые происходили в главном салоне.

Джон взглянул через иллюминатор на быстро исчезающий вдали светлый шар Венеры (фотонная ракета миновала ее уже через восемь минут полета). Эта картина показалась ему столь же новой, сколь нов и неповторим мир, впервые видимый прозревшим слепцом.

— До сих пор мы действительно были слепыми,— продолжал Джон свои раздумья вслух. — Там, на Земле, никто из нас не мог заметить света, так как мы не могли воспринимать его скорости. Только сейчас, двигаясь со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, мы видим свет. Чудесное зрелище!

Сидевший рядом француз, профессор Вавье, продолжил эту мысль:

— Больше того: вернувшись на Землю, мы весьма реально увидим время. Время, от которого сейчас бежим со скоростью света. Мой двухлетний сын будет уже тридцатидвухлетним мужчиной. Кто знает, может быть, через неделю я уже стану дедом.

Джон недоверчиво взглянул на часы. Они показывали 15 часов 11 минут 23 июля 1981 года. Третий день полета, который должен был продолжаться месяц для космонавтов и целые тридцать лет для остальных землян и, что самое главное, для доживающего свои деньки дядюшки Гарвея!

Японец Окада, Главный хронолог, заметил недоверчивый взгляд Джона и улыбнулся:

— Вижу, вы никак не возьмете в толк эти штучки со временем и пространством...

— Я когда-то читал рассказ Уэллса «Новейший ускоритель», — вмешался Вавье, — где время тоже «сокращается», как у нас.

— А мне как-то попался в руки «Потерянный горизонт» Джемса Хильтона, — добавил профессор Иванов, — повесть о некой долине в Тибете, где время текло медленнее. Впрочем, зачем в поисках «лупы времени» забираться в такие дебри? Достаточно посмотрежь замедленный фильм (как обычно говорят, что совершенно неверно, все обстоит как раз наоборот — это фильм ускоренный!), чтобы увидеть, как, например, стакан, танцуя в воздухе, падает на стол несколько минут или цветок (вот тут-то как раз фильм замедленный) распускается за несколько секунд...

— Но пионером в этой области был, пожалуй, все-таки Андерсен, — датчанин Янсен не был бы датчанином, если б не сказал этого. — Вы, конечно, помните ту сказку, в которой принцесса перед самой свадьбой каким-то чудом оказалась на небе, провела там всего три месяца, а потом вернулась к возлюбленному. А за это время, так сказать, в «междучасье», на Земле прошло много сотен лет и бедная путешественница во времени нашла в своей столице лишь очень древний памятник некой принцессе, которая неожиданно исчезла перед самой свадьбой...

Космонавты замолчали, Джон думал: «А что будет, если наша экспедиция немного задержится и мы вернемся не в 2011, а, скажем, в 2100 году? Не будет ли просрочено право наследования?» Чтобы не думать о вероятности столь печальных обстоятельств, он снова заговорил:

— Можете меня обвинить в невежестве, но я никак не могу уразуметь всех этих различных времен. Для меня время — всегда время. Одно время.

— Неужели только одно? — с сомнением заметил профессор Окада. — Вы сами в это не верите. Сколько раз вам приходилось говорить и слышать такие фразы: «Ну и времена нынче!», «Тяжелые времена» и так далее. Слышите: «времена», а не «время»! Множественное число!

— Так только говорится...

— Но так оно и есть. Почему время должно быть, черт побери, только одно? Время — это форма существования материи, ритм этого существования. Существование же может быть различным, следовательно, и ритмы тоже. Даже шарманка в состоянии менять ритм в зависимости от того, с какой скоростью мы вертим ручку. Даже у самого педантичного музыканта, постоянно с равными промежутками ударяющего по одной и той же клавише, даже у него мы заметим смену ритма, ибо невозможно выдержать абсолютно одинаковую частоту и силу ударов. А что же тогда можно сказать о том симфоническом свержоркестре, которым является мир! Совершенно ясно, что для такого Мафусаила, как, например, уран с его продолжительным периодом полураспада, тысяча лет то же, что для нас мгновение! И опять же наше человеческое мгновение, длящееся полсекунды, должно казаться астрономически большим промежутком времени какому-нибудь Антимафусаилу, например пи-мезону, который, как вычислил еще в 1961 году доктор Гляссер, «живет» едва ли не две десятиллионные доли миллиардной части секунды!

— Теперь я кое-что понимаю, — виновато вставил Джон, но профессор Окада нетерпеливо махнул рукой:

— Человек, говорящий «теперь понимаю», еще очень мало разбирается во времени! «Теперь» — это для человека отнюдь не объективная современность, а... прошлое! Например, когда вы смотрите на Солнце с Земли, то видите его не таким, какое оно «теперь» в вашем понимании, а воспринимаете лишь то, что в данный момент зафиксировала сетчатка вашего глаза, то есть фотографию того Солнца, каким оно было целых восемь минут назад. Именно столько времени нужно свету, чтобы проделать путь от Солнца до человеческого глаза. Даже выражение

моего лица вы видите не «теперь», а увидите лишь в будущем, правда близком, а именно через... одну трехсотмиллионную долю секунды, так как «теперь» я нахожусь от вас на расстоянии метра.

— И все это из-за Эйнштейна, — шутливо вздохнул профессор Иванов. — До самого начала нашего века со временем все было просто. Ньютон, как и многие до и после него, утверждал: «Абсолютное время движется равномерно и независимо от какого-либо объекта».

— Если бы я даже и не знал о теории Эйнштейна, — заметил профессор Вавье, — то все равно догадался бы сам, что с этой равномерностью и единством времени что-то не так. Еще в школе я заметил, что час игры в футбол значительно короче, чем час математики, которую я откровенно ненавидел.

— Господи помилуй! — не на шутку испугавшись, воскликнул профессор Иванов, — тогда каким же чудом вы заняли должность Первого математика? Если вы напутаете в вычислениях и «пнете» нашу ракету словно футбольный мяч в несколько ином направлении, то наш матч со временем и пространством может окончиться весьма плачевно! Мы можем вообще...

Он не договорил, вспомнив, что космическая этика считает шутки, касающиеся гибели в космосе, признаком дурного тона, чем-то вроде анекдотов о теще.

Однако профессор Вавье не растерялся:

— Ну и шутник же вы! В 1981 году притворяться, будто вам неизвестно о существовании медицинских процедур, изменяющих наклонности! Отец приказал мне пройти курс лечения, когда я был еще в пятом классе. После нескольких месяцев воздействия электрораздражителями кора моего мозга стала столь же «математиколюбна», сколь велика до того была моя «мячефилия». Напрасно

я просил отца не стирать в моем мозгу страсть к футболу. Ее все-таки стерли, и вот... и вот сейчас я там, на нашей старушке Земле, один из ведущих игроков футбольной команды Парижского университета.

— Вы решились на регенерацию приглушенных клеток? — догадался профессор Иванов.

— Вот именно. А почему бы футболу мешать моим математическим занятиям? Как раз наоборот: эти два вида занятий взаимно дополняют друг друга! Футбол «вентирует» организм, дегенерирующий от избытка умственного труда. А математика в свою очередь очень пригодилась мне в матчах при вычислении угла, под которым надо бить по мячу, чтобы он попал в ворота противника...

— Да, — согласился профессор Иванов, — сегодняшние спортсмены уже не знают противоречия «тело — интеллект», которое царило еще несколько десятков лет назад. Теперь даже к предварительным прыжкам через планку не допускают людей, не знающих физики. Да это и понятно, в эпоху таких «прыжков», как наш, и нельзя иначе.

Часы, обыкновенные, земные часы, несколько странно выглядевшие в этой ракете, уже освобождающейся от пут земного времени, солидно пробили очередной час. Они ничего не знали об открытиях Эйнштейна, а посему вещали, что «время есть время, а часы — пророк его».

— Мы проболтали целый час, — заметил Джон.

— В пересчете на земное время это раз в триста больше, или около двух недель!

Профессор Иванов встал с кресла и направился в свою кабину. Подходило время его дежурства в ракетной обсерватории. Пунктуальность нужна была даже — вернее, не «даже», а «особенно» — тут, где Время сбросило личину сухого педанта и обнаружило свою истин-

ную природу упрямого, ветреного существа, которое протискивается всюду, где только что-нибудь происходит.

— Время есть везде, где что-нибудь происходит, — эту мысль высказал профессор Вавье. — Хорошо, а там, где ничто не происходит и ничего нет, там что, отсутствует и время?

— Знаю эту теорию, — включился в разговор профессор Окада. — Но по моей шуточной теорийке именно там, где что-то делается, где делается много, именно там, повторяю, времени всегда чересчур мало, именно там «нет времени»...

Все улыбнулись. И одновременно подумали, что замечание, брошенное профессором Вавье, совсем не шутка и что над ним следует серьезно подумать.

Только Гарвей, размышляя о времени, имел в виду одно-единственное время, весьма однозначное: время, когда нотариус в Ковентри вручит ему завешание и скажет, пожимая руку:

— Миллионер умер — да здравствует миллионер. Люблю быть акушеркой при рождении новых миллионеров...

Исполнение желаний

Счетчики ракеты действовали беззвучно, так что космонавты на фотонном корабле могли без всяких помех слушать, как по мере приближения к Земле все учащееся бьются их сердца. Это не было связано с изменением ритма времени — ракета все еще мчалась со скоростью света, а свидетельствовало о том, что космонавты нервничали: как выглядит постаревшая на целых тридцать лет Земля? Главный врач экспедиции подсовывал успокаивающие таблетки. Воспользовалась ими лишь дежурная группа. Но остальные отказались:

— Мы не хотим лишаться эмоций, даже если они не всегда будут только приятными.

Ракета уже входила в зону земного притяжения. Главный руководитель заглушил фотонные двигатели, и сейчас корабль до смешного медленно по сравнению с предыдущими скоростями падал на Землю.

Профессор Иванов нажатием кнопки предусмотрительно опустил жалюзи на всех иллюминаторах. Уже приближались к верхним слоям атмосферы, а раскаленная поверхность корабля действовала даже на искушенных «космических волков».

Джон Гарвей глубоко погрузился в свое кресло и отгородился от всех возможных неприятностей — прикрыл глаза. Пусть там говорят, что хотят, о прятании головы под крыло, но раз это кому-то помогает...

Профессор Иванов хлопнул его по плечу:

— Вставайте. Люк открыт, выходить надо всем вместе, иначе подумают, что мы потеряли вас в космосе!

Джон вскочил:

— Уже?

— Да, уже год 2011!

Чтобы у космонавтов не оставалось никаких сомнений на этот счет, толпы встречающих принесли им в подарок бесчисленные календари. «Календарь на 2011 год» — это читалось как заголовок захватывающего фантастического романа.

Джон подал руку президенту Всемирного космического совета, директору космодрома... Но где Мэри? Может быть, забыла его за эти тридцать лет? Нет, невозможно: они говорили друг другу тысячи раз, что их любовь будет продолжаться вечно...

Он пожимал руку очередной приветствующей его особе и очень удивился, когда эта особа — прелестная девушка — нежно поцеловала его в губы.

— Это очень мило с вашей стороны, — облизнулся Джон (губная помада имела изумительно приятный вкус), — но я женат и моя жена, вероятно, тоже где-то тут, на ракетодроме!

— Я знаю об этом, — без тени смущения ответила девушка, — я знаю об этом лучше, чем кто бы то ни было, потому что я-то и есть Мэри, твоя жена!

— Невероятно! — изумился Джон. — Ты... вы... Моей Мэри в 2011 году должно было исполниться шестьдесят лет!

Девушка прикрыла ему рот ладонью:

— Тише! Мне должно было быть шестьдесят и есть шестьдесят, но зачем же об этом знать всем? Разве для того я столько времени мучалась в клинике, чтобы теперь... Вы за время вашего полета страшно отстали и еще совершенно не знаете, что лечение омоложением позволяет не только задержать старость, но и снять с человека несколько годков!

— Вот и верь тут фотонной ракете, — проворчал Джон. — Но, но, — забеспокоился он всерьез, — надеюсь, наш дядюшка был уже слишком стар и чересчур болен, чтобы решиться на такое лечение?

— Ты прав.

— Слава богу!

— Не такая уж слава. У дядюшки, правда, не хватило времени на утомительные омолаживающие процедуры. Но умереть он тоже не хотел. По протекции, обманув антипротекционные индикаторы, он попал в состав одной из фотонных ракет. «Врачи дают мне еще два года жизни, — сказал он мне при отлете, — так я годик проведу в ракете, а когда вернусь, проживу еще годик в двадцать третьем веке!»

— Наш милый дядюшка поступил очень мудро, — добродушно улыбнулся Джон. — Во всяком случае, я все

больше его люблю и уважаю. Какое счастье, что он жив и здоров и что из его миллионного состояния уже невозможно взять ни гроша. Ведь деньги не приносят счастья. Счастье может дать только честная работа и любовь к такой женщине, как ты, любимая!

Он на минуту замолчал и удивленно взглянул на жену.

— Мэри...

— Что, милый?

— Ты слышала, что я только что сказал? Странно... Все это совершенно искренне, от всего сердца, а ведь, еще выходя из ракеты, я чувствовал нечто совершенно противоположное. Разумеется, я имею в виду не тебя, а наследство. Чем это объяснить?

— Я уже сказала, что вы страшно отстали, блуждая по провинциям нашей Вселенной, — объяснила Мэри. — За это время моральные индикаторы усовершенствовались до такой степени, что каждое чувство, противоречащее принятой этике, сразу же направляется на нужный путь.

— Так... — изумился Джон. — Что за парадокс: наибольшая скорость приводит к отставанию! Несмотря на теорию относительности, время по существу всегда абсолютно. Так надсмеяться надо мной, лишиться наследства, выхватив из объятий смерти этого вредного старикашку! Нет, время — абсолютный обманщик!

Он снова умолк, а спустя минуту сказал:

— Мэри... Я опять искренен, искренен наоборот...

— Не огорчайся. Иногда наши моральные индикаторы заедает... Это пройдет...

— Да, уже прошло. Я счастлив, что дядюшка жив. Мир прекрасен.

ВЕЧНЫЕ

Гроту

Он нас очень забавлял. Щупленький и хрупкий, он едва доходил нам до пояса. Зато неиссякаемый запас энергии! Он мог часами следовать за кем-либо из нас, перебегать дорогу, заглядывать в глаза и беспрерывно говорить о Земле.

Уже тогда, когда, тыча себя пальцем в грудь, он впервые произнес «Человек», Букст назвал его «человечком». Буксту страшно хотелось погладить его, но «человечек» оказался ему слишком нежным и тонким. Мы недоумевали, каким чудом это тщедушное тело смогло столько перенести! Никто не выказывал нетерпения, когда человечек, подпрыгивая, бегал за ним нога в ногу по всему кораблю и тараторил, тараторил о том единственном, что без остатка заполняло его головку.

Мы подобрали его ракетку где-то между Атрацом и Генахом, и в первый момент никто не подозревал, что внутри нее есть живое существо. Пока расстояние было велико, а это НЕЧТО, обнаруженное нашим телетактором, напоминало капельку, перемещавшуюся по звездному фону, мы считали его обычным обломком мертвой материи, возможно частью какой-то конструкции. Лишь позже увеличенные снимки показали, что перед нами обтекаемое, веретенообразное, не лишенное примитивной целесообразности, герметически закрытое тело. Корабль? Скорее — экипаж... Но эти его миниатюрные размеры!

Было решено принять его на борт. Маневры, измене-

ние курса, торможение. Приходилось сдерживать любопытство.

Однако наступил момент, когда скорлупка легла на захваты в центральной лаборатории, а мы стояли вокруг, еще не зная, что найдем внутри. Кто-то из самых нетерпеливых заметил, что было бы неплохо разрезать кораблик магнитомом. К счастью, остальные воспротивились этому. Мы чувствовали, что имеем дело с чем-то совершенно незнакомым. Начали с просвечиваний и послойных анализов, которые почти немедленно выявили наличие неподвижного организма.

Мы извлекли его, точнее, вылушили, словно насекомое из кокона, но наши знания о его происхождении не продвинулись от этого ни на шаг. Он показался нам мертвым и холодным. Возвращением к жизни он обязан Хексу, который обнаружил, что это не физическая смерть, и сумел ликвидировать летаргическое состояние.

Еще долгое время мы заходили в зал, где неподвижное голокожее существо постепенно сменяло свою серо-зеленую окраску на кроваво-красный цвет жизни. Потом краснота уступила место более бледному оттенку. В организме восстановились нормальные функции обмена и окисления. Тогда-то и началось пробуждение сознания, и человек впервые шевельнул губами. Вначале звуки были неразборчивыми, однако автоматы их записали. Наконец задолго до того, как он впервые открыл глаза, из его рта полился поток слов. Подвергнутые несложному анализу, они позволили нам понять почти все еще до того, как он сам осознал, что вообще существует.

Потом же, потом он ходил за нами, приставал ко всем и принуждал слушать себя. Он даже не спрашивал, каким образом мы спасли его, не удивлялся нашему внешнему виду, ему не было дела до приборов, которых он не мог знать. Его ничто не интересовало. Только Земля...

Напрасно Букст, стремясь оторвать человечка от вечной темы, пытался его чему-нибудь научить. Все было бесполезно. Человечек на секунду замолкал, хмурился, набирал воздух и начинал свое неизменное: «А у нас на Земле...»

Он добился своего: мы его слушали.

Чего только не разводили на кораблях в то время! Теперь и у нас был свой человечек. Он щебетал о каких-то доходящих до колен травах, о чем-то, что он называл потоками, в которых можно увидеть блеск форели. Он бежал за кем-нибудь из нас по бесконечному коридору шестой палубы, не поспевая на своих коротеньких ножках, и кричал о неизвестной нам радуге и о том, как поля перед рассветом покрывает туман. Но это было только начало, фон, на котором он рисовал картину из железа, бетона и стекла. Руки подъемных кранов вздымались к небу, оковы кессонов опоясывали моря, сверкающие куполы покрывали города...

— Хекс, — спрашивал я врача, — у него все в порядке? Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, — рассмеялся Хекс. — Он здоров и нормален. Видимо, такие уж они.

А вообще-то мы по-настоящему любили его и он даже стал чем-то вроде талисмана. Все радовались его радости, когда Руководитель сообщил, что мы меняем курс и летим к Земле. Человечек побледнел, веки у него затрепетали, он снова покраснел и исполнил какой-то безумный танец. А ведь мы сошли с прежнего курса не из-за него. Это была исследовательская экспедиция, и нас интересовали любые существа независимо от того, где они обнаружены. Уровень их развития не имел значения. Хотя, судя по разглагольствованиям человечка, именно его высокоразвитые соотечественники должны были нас «просветить».

Он не был на Земле три тысячи лет. Он знал об этом: мы не скрывали результатов исследований его ракеты. Он принял это спокойно, даже безразлично. Но его слишком возбуждала надежда на возвращение, чтобы он мог думать о переменах, которые, несомненно, произошли на Земле. Он настолько был уверен, что застанет все лишь немного измененным, но знакомым и близким, что никто из нас не решался предостеречь его от разочарования. Он радовался тому изумлению, которое вызовет его неожиданное возвращение. Его считали погибшим. По его утверждению, он стал жертвой пробного — можно посочувствовать! — полета. Он был в состоянии летаргии. Его управляемую с Земли ракетку должны были автоматически посадить на ракетодром. «Видимо, — говорил он нам, — что-то испортилось и корабль умчался в пространство. Поймать его не удалось».

Слушая его, мы согласно кивали головами и лишь изредка обменивались между собой понимающими взглядами. Уже сам его рейд в скорлупе через половину Галактики казался истинным чудом.

Отыскать Землю было несложно. Только в первый момент мы испытали некоторое смущение, когда человек принялся перечислять звезды, видимые с его планеты, и сообщать их координаты. Увы, нам их названия ни о чем не говорили. Но после того как он начертил, как мог, Галактику, и поместил на рисунке Солнце, а потом все те немногочисленные туманности, облака материи, шаровые скопления, цепочки звезд, какие помнил, Акст сравнил эскиз с нашими картами, и все стало ясно. С того момента мы шли, как по нитке. Человек не давал нам покоя, а с той минуты, когда телетактор впервые поймал свет его Солнца, он стал просто невменяем.

— Перед посадкой мы тебя свяжем! — шутили мы, а он тут же задавал нам какой-нибудь вопрос вроде:

— Как вы думаете, уже ликвидировали льды на полюсах?

Несмотря на горячие уговоры человечка совершить посадку на Землю всем кораблем с полным экипажем, что, по его уверениям, должно было вызвать у землян величайшую радость, мы остановились поодаль. Было решено, что на планету отправится разведка. Кроме человечка, должны были лететь Букст и Соукс, но Соукс не мог прервать каких-то там своих опытов, и жребий пал на меня.

В момент старта на корабле царило некоторое напряжение: не было полной уверенности в хорошем приеме. Связи с Землей установить не удалось, и мы считали, что там не понимают наших сигналов. Однако люди могли занять и выжидательную позицию. Что-то от нашего настроя передалось и человечку, он был немного бледен, когда забирался в кабину. Букст взял его за спину и посадил на предварительно выложенное антигравитатором место.

Человечек молчал, и когда мы отрывались от корабля, и во время полета. Впрочем, ускорение было колоссальным, несмотря на то что мы регулировали его, учитывая возможности человечка. Он лежал, вдавленный в кресло, временами теряя сознание. Сесть следовало как можно скорее, не облетая планеты. Изображение ее поверхности с молниеносной быстротой вырастало на экранах, заполняя их яркими красками.

У открытого люка мы с Букстом подождали, пока человечек спустится по крутым ступенькам трапа — он должен был первым ступить на свою планету. Это было наградой за то, что он скрасил наше однообразное путешествие.

Он отстегнул застёжки шлема, отбросил его в сторону, сорвал с себя комбинезон, сделал несколько шагов,

споткнулся, а может, у него подкосились ноги, во всяком случае он упал на колени, а потом ничком лег в траву.

Трава была действительно высокой. При каждом движении из нее взлетали фонтаны стрекочущих существ. Ветер легко колыхал стебли, и тогда человек, все время бежавший впереди, останавливался и всей грудью вдыхал воздух, полный запахов, о которых мы, заключенные в скафандры, не имели ни малейшего представления. Приятно было смотреть, как он оживал, оказавшись в привычной для себя обстановке. Увы, даже в исключительных условиях питомника он никогда бы не мог так себя чувствовать.

— За этим холмом, — кричал он, — мы увидим дома! Слово даю! Мы в Европе, а здесь живет чертовски много народа!..

Мы с Букстом, поправив рукоятки оружия — всякое могло случиться, — последовали за человеком к вершине холма, с которого открылся широкий вид... на все те же разогретые травы, отдаленные холмы, небольшие купы деревьев и так до самого горизонта. Человек остановился, по характерному движению ноздрей и тяжело вздымавшейся груди мы видели, как он устал.

— Тут кое-что изменилось, — сказал он. — Может, мы немного подъедем? Я не силен в ходьбе, последнее время я мало двигался...

Мы летели на небольшой высоте, готовые опуститься, как только появится город. От нашего внимания не скрылась ни одна подробность. Но под нами по-прежнему зеленели травы, заросли кустарника, леса, прорезанные извилинами скалистые выступы гор. Под нами проносились белизна снегов и голубизна ледовых озер. А человек все не подавал знака идти на посадку. Прижавшись к визиру, он то и дело называл реки и озера. Мы не сомневались, что он знает этот район, как свои пять паль-

цев, но всюду, где, по его словам, должен был быть город, плотина или дорога, мы не могли обнаружить ничего, кроме созданий самой природы.

А человечек недоумевающе смотрел на нас своими странными глазами с мигающими кусочками кожи, которые всегда так нас смешили. Он опять погрузился, погрузившись в молчание. Мы боялись, что будут хлопоты с его кормлением. Было видно, что он ничего не понимает и что для него имеют значение не столько сами изменения или их причина, сколько невозможность доказать нам, чужакам, что действительность превзошла все, что он успел поведать о здешней цивилизации. Мне казалось, он физически ощущал наши якобы полные внимания и напряженного ожидания взгляды, в которых сквозила насмешка.

В конце концов, что для нас значила вся эта история! Мы тут же могли лететь куда угодно.

— Понимаю, — с облегчением произнес он. — Они покинули некоторые области и переместились в другие, с лучшим климатом! — Он улыбнулся, чтобы дать понять, что все в порядке и нам не избежать удивления, когда мы увидим, что они успели создать.

— Эта часть континента, — добавил он спустя минуту, — вероятно, является заповедником, местом, где природа может действовать в полную силу.

Он опять был самым собой. Мы горячо поддакивали. Я дал ему пожевать что-то сладкое — мы всегда старались иметь что-либо в карманах. Он очень это любил. Проходил час за часом, мы облетели почти всю планету — крупнейшие континенты, экваториальные и полярные районы, урожайные низменности, солнечные плоскогорья, — но нигде не обнаружили и следа жителей. Становилось ясно, что если здесь когда-либо и существовали цивилизация и организованное общество, создавшее ра-

кету человечка, то теперь от всего этого не осталось и следа...

Впрочем, нет, след был! Мы опустились там, где человечек ожидал найти огромный город. И на этот раз он выскочил первым, с надеждой, запасы которой были у него воистину неисчерпаемы. Однако это уже не был тот человечек, какого мы знали. Что-то в нем надломилось, и если он минутами оживал, то это был только слабый огонек по сравнению с прежним костром энергии и энтузиазма, который он разжигал в себе при первой же возможности.

Под слоем почвы, корней и перегноя мы обнаружили слой сыпкой ржавчины, а под ней остатки бетона. Это уже было кое-что и могло сойти за то, что когда-то было огромным городом. Букст погладил человечка по спине и сказал:

— Порядок, ты был прав, тут должен был лежать чертовски большой город...

— Чертовски большой, представляю себе... — повторил я следом.

— Ничего ты себе не представляешь! — прервал человечек. Он передернул плечами, словно смахивая с себя прикосновение Букста. Топая ногами, сжав кулаки, он хрипел с бешеной ненавистью:

— Нет! И вы оба, и я сам ошиблись, ха-ха-ха... Я обманул вас, и дайте мне покой, черт побери! Тут не было ничего, кроме песочных куличей: эти домики из морской пены, эти мосты из соломы... Я врал, что тут была какая-то цивилизация...

Бессмысленно бормоча, он опустился на землю. Я заметил, что Букст держит палец на спусковом крючке баллона с усыпляющим газом.

Я был рядом, когда человечек открыл глаза. Казалось, он должен был все забыть, но тут же, словно два-

дцатичасовой сон ничего не значил, схватив меня за комбинезон, тревожно спросил:

— Взрыв?

Я непроизвольно погладил его, но он даже не обратил на это внимания.

— Нет! — ответил я: мы уже знали результаты исследований Букста. Они покинули эту планету, улетев неизвестно куда. — Никакого взрыва не было. Однако, — добавил я, — три тысячи лет — это достаточный срок, чтобы разрушить....

Он опустил кусочки кожи, за которыми скрывал глаза, и я замолчал. Тогда он попросил, чтобы мы еще раз попытались поискать.

Мы были в воздухе, когда динамики заговорили голосом Варкса.

— У меня для вас кое-что есть, — сказал он как-то странно. — Чертовски глупая история. У меня была связь с базой: это и есть планета, которую мы покинули, перебираясь к Аль-Тарфу... И... и, — он заикался, — очень прошу вас, ребята, перестаньте гладить его по голове, потому что... потому что, может, вы гладите собственного пра-пра-прадедушку...

Солнце выглянуло из-за горизонта, утренний ветер шевелил кроны деревьев. Раздвинув ветви, мы вышли из кустарника. Он шел впереди, глядя на его огромные уши и шерсть на голове, я начинал понимать его злость. Он еще ничего не знал. Но теперь найти что-нибудь стало нашей обязанностью.

А потом мы увидели их. Ничем не заслоняемые острия граней резали небо, и все мы были перед ними такими маленькими... Сначала в лучах солнца они были красными, а потом — по мере того, как оно поднималось выше, — разгорелись до белизны. Ветер овеивал их сорванными с пустыни вуалями сыпучей пыли. И тут мы поняли, что

время не властно над ними, что все здесь пережили только они одни!

— Теперь вы видите! — крикнул наш предок. — Посмотрите на эти пирамиды. Я уверен, что подобное вам никогда даже и не снилось.

ЧЕЛОВЕК С ОРЕОЛОМ

— Да, это любопытно... Так вы, профессор, считаете, что ваша золотая клетка — это дырявый мешок и по саду вашей лаборатории, по саду, предназначенному для размышлений об искривляющемся пространстве, бродят подозрительные личности. — Полковник перестал ходить по кабинету и остановился у окна.

— Я сказал: неизвестные, — из-за своего стола профессор видел полковника на фоне далеких фиолетовых гор, освещенных вечерним солнцем.

— Безразлично: неизвестные значит подозрительные, — полковник еще немного постоял, потом подошел к выключателю и зажег свет. Только теперь профессор заметил, что верхняя пуговица полковничьего мундира расстегнута.

— Сначала я подумал было, что это новый помощник садовника.

— Исключено. Мои работники дисциплинированы. Они охраняют вас незаметно и никогда не позволили бы себе своим присутствием помешать вашим творческим размышлениям.

Профессор Трот опять почувствовал, как сильно он не любит полковника. Однако он спокойно ответил:

— Как обычно, вы правы, полковник. Это не был ни помощник садовника, ни садовник, ни один из ваших породных дворников, ни кто-либо из персонала моей лаборатории.

— Простите, профессор, — Трот заметил, что полковник изучающе смотрит на него. — Насколько я помню,

тогда был рассвет, серый рассвет. Вы вышли на террасу, а он стоял метрах в пятнадцати от вас около куста роз «Рамзес».

— Поражаюсь вашей памяти, полковник Хоган.

— Во всяком случае, вы не могли видеть его лица. Персонал лаборатории постоянно сменяется, вы не знаете этих людей.

— Сказать вам, почему я утверждаю, что это был человек извне?

— Это меня, пожалуй, заинтересовало бы, — улыбнулся полковник.

«Я скажу ему, скажу, хотя он мне все равно не поверит, но наконец-то оставит меня в покое», — подумал Трот и ему стало веселей, когда он представил себе озадаченную физиономию полковника.

— Видите ли, — сказал он очень тихо. — Ни у моих ассистентов, ни у ваших людей нет ореола.

— Простите, чего?

— Ореола.

— Не понимаю, — полковник совершенно растерялся.

— Ну чего-то вроде светящегося диска вокруг головы. Тонкой световой оболочки.

— Вы смеетесь, профессор.

«А сейчас он зол, в самом деле зол», — подумал Трот и это доставило ему явное удовольствие.

— Я, полковник, никогда не шучу, почти никогда. — Он глядел уже не на Хогана, а в окно на горы, которые серели в предвечерних сумерках.

— Это невозможно, профессор. У людей не бывает ореолов.

— Во всяком случае, у большинства людей, — поправил Трот и подумал, что теперь-то полковник наверняка выйдет из кабинета.

Однако Хоган не вышел. Он некоторое время стоял

молча, потом приблизился к письменному столу и, глядя на профессора сверху, спросил:

— И что вы тогда сделали?

Трот на мгновение замялся.

— Крикнул: «Подождите минутку» — и пошел в лабораторию, чтобы взять со стола фотоаппарат.

— Да. Действительно. Это слышал один из моих... скажем так — наших сотрудников. И дальше что?

— Увы, ничего. Когда я вернулся с аппаратом, в саду уже никого не было.

Только теперь Трот заметил, что Хоган покраснел.

— В саду никого не было, профессор. Вы шутите. Замешательство... Рапорт начальству...—его голос делался все более глухим. — Лаборатория охраняется так, что все рассказанное вами исключено, абсолютно невозможно. Там никого не могло быть ни с ореолом, ни без ореола!

— Вы пытаетесь меня переубедить, полковник?

«Еще немного, и я смогу выкинуть его из кабинета», — подумал Трот.

— Но, профессор, подумайте: ореол! Это же ребячество. — Хоган сел в кресло, обхватив голову руками.

«Гладиатор, гладиатор, которому приказано думать», — Трот взглянул на Хогана бесстрастно, как на актера на телевизионном экране.

— Вы типичный рационалист двадцатого века, полковник Хоган, — сказал он. — Вы убеждены, что все, что оставалось выяснить на этом свете, уже выяснено, а остальное — сказки.

— Но, профессор...

— Да. Именно так. Но на таких людях, как вы, держится наша цивилизация, — добавил Трот тише, а потом еще долго неподвижно сидел за столом, когда шаги Хогана уже стихли в коридоре. И только тогда заметил, что в

углу комнаты, у книжного шкафа, стоит человек с ореолом.

Лизи пришла, как обычно, в полдень.

Трот знал, что когда-нибудь она не придет, однако считал, что вероятность этого пока чрезвычайно мала. Он немного работал утром, и его стол был завален бумагами. Лизи собрала разбросанные по ковру обрывки вычислений и только тогда уселась напротив него. Она нажала клавиш радиоприемника, и когда кабинет наполнили звуки скрипок, тихо сказала:

— Похищены Топс и Мюлер.

— Откуда ты знаешь? — спросил он так же тихо.

— От человека Хогана.

— Думаешь, теперь моя очередь?

— Не исключено, — сказала она спокойно, совершенно спокойно, и Троту это не понравилось.

Игра скрипок становилась все громче. Он слушал их, вертя в пальцах карандаш.

— Размышляешь, был ли смысл начинать все это? — спросила она.

— Нет. Это уже пройденный этап. Решение принято. Я принял его, когда впервые говорил с тобой. Помнишь?

— Я думаю, да. Что касается новых формул, то я, как обычно, вложила их во второй том собрания сочинений Эйнштейна. Запомнишь?

— Да, конечно.

— Ты должен успеть. Это важнее всего. Эти формулы уже непосредственно ведут к синтезу антиматерии. Слышишь?

— Да.

— Ну и прекрасно, — улынулась она. — Когда ты их обработаешь, наше дело будет закончено.

— Наше дело... А ты уверена, Лизи, что это именно... что это как раз то, чего мы хотели?

— Я тебя не понимаю. Откуда вдруг эти сомнения? Ты же знаешь, я тебе много раз говорила, что антиматерия — это ключ к подлинно современной технике.

— Конечно, но, например, Хоган...

— Что Хоган?

— Он и антиматерия. Представляешь себе?

— Я тебя не совсем понимаю. Хорошо, пусть Хоган. Такой же, как и множество других. Даже более порядочный.

— Знаешь, Лизи, ты живешь здесь уже столько лет, и, несмотря на это, мне порой кажется, что ты приехала сегодня... — он осекся и начал внимательно слушать сообщение, сменившее скрипичный концерт.

«А теперь передаем комментарии. Переданное сегодня утром сообщение об исчезновении в течение последних суток пяти физиков-атомников вызвало некоторое беспокойство. Иоахим Рид, рассматривая этот вопрос на страницах «Up and Down», утверждает, что, несмотря на тщательные поиски, на след исчезнувших напасть не удалось. Особо сенсационно выглядит исчезновение доктора Топса. Ученый исчез во время работы из своего усиленно охраняемого кабинета. Один из сотрудников Топса, Донуэлл, который первым обнаружил его отсутствие, утверждает, что нашел на столе еще дымящуюся трубку и разбросанные записи. Когда через несколько минут он вернулся в кабинет с начальником охраны, ни трубки, ни бумаг уже не было...»

— Я это выключу, — сказала Лизи и нажала клавиш. — Пять человек, и все в один день. Это многовато. Видимо, они получили какие-то новые данные. — Она взглянула на Трота. — Не принимай этого близко к сердцу. В худшем случае на ежегодном съезде атомников в

Торопе будут присутствовать одни пенсионеры. Я поеду туда в качестве... хм... твоей вдовы...

— Без глупых шуток, Лизи.

— Ты не любишь, когда тебе говорят правду. Это характерно для твоей эпохи.

— Не шути. Ты знаешь, что теперь моя очередь.

— Только когда передашь формулы. Помни об этом.

— А остальное неважно? Что будет дальше, тебя не интересует? — спросил он, зная определенно, что ее это действительно не интересует.

Она пожала плечами.

— Чего же ты хочешь, дорогой мой? За два года ты стал одним из крупнейших ученых континента. Пожалуй, это стоит того, чтобы... Ты не думаешь?

— Перестань!

— Во всяком случае, уложенный чемодан стоит у тебя в кабинете. Несколько сорочек, носки. Запонки тоже там. Я стараюсь быть хорошей женой, а ты этого не замечаешь. Теперь я не знаю, позволят ли тебе взять все это. Хотя, если Топсу разрешили взять трубку...

Трот смотрел на ее лицо, большие серые глаза и выступающие скулы. «Я должен сохранять спокойствие, — повторял он себе. — Теперь уже все равно ничего не изменишь».

— Боюсь, что у Топса будут хлопоты с табаком. Он ужасно любил хороший табак, — сказал Трот и, заметив, что Лизи изучающе смотрит на него, добавил: — Знаешь, я приглашу Хогана. Поговорим втроем на интересующие его темы.

— А ты не думаешь, что было бы лучше, если б эти формулы...

— Перестань. Всеу свое время. Ты нетерпелива, как... обычная женщина.

Трот нажал клавиш видеофона.

— Соедините меня с полковником Хоганом; — сказал он.

— Я слушаю вас, профессор, — лицо Хогана заполнило весь экран.

— Как вам все это нравится?

— Вы обеспокоены, профессор?

— Обеспокоен? Чего ради! Однако я хотел бы увидеться с вами.

— Хорошо, профессор. Я иду, — экран погас.

— Сейчас он придет. Поболтаем, — Трот сказал это с некоторым удовлетворением.

— Может, передашь формулы через него? Это последний шанс.

— Ты заблуждаешься, Лизи. Они всеведущи.

— И систематичны, дьявольски систематичны. Пожалуй, это их самое характерное качество.

В дверях появился Хоган.

— Я пришел, профессор. О, миссис Лизи?!

— С тех пор как вы почти полностью изолировали моего мужа, мне приходится навещать его здесь.

— Я очень сожалею, но это необходимо для безопасности профессора.

— Да, разумеется. Только, боюсь, скоро вообще перестанете меня сюда впускать. Я никогда не казалась вам подозрительной?

Хоган улыбнулся, эта улыбка предназначалась Лизи. «У него атавистически развитые клыки», — подумал профессор.

— Откровенно говоря, — продолжал улыбаться Хоган, — ваше прошлое не очень ясно.

— Да что вы, полковник...

— Конечно, я неточно выразился. Просто ваше прошлое не имеет документального подтверждения. У вас меньше документов, чем у любого среднего гражда-

нина. Но в нашем демократическом государстве это допустимо.

— Видишь, я говорил. В один прекрасный день тебя ко мне не пустят.

— Я шучу. Вы познакомились с профессором прежде, чем он стал таким ценным для нас. До некоторой степени это ставит вас вне сферы наших интересов.

— А может, — Лизи взглянула на Трота, — может быть, именно мне он обязан тем, что оказался в этой вашей сфере?

«Она смотрит на меня, как на дрессированную обезьяну», — подумал Трот и почувствовал удовлетворение от того, что случилось вечером — от второй встречи с человеком с ореолом.

— Конечно, вы вдохновляли профессора в его творчестве.

— В определенной степени да. Не так ли, профессор?

Теперь он уже знал, что поступил правильно. «Она никогда, никогда не принимала меня всерьез. Я всегда был для нее... древностью», — подумал он.

— Лизи, — сказал он, — у нас с полковником серьезный разговор.

— Я не мешаю. Надеюсь, мы увидимся завтра. Я обязательно приду. — Последнюю фразу она подчеркнула, и Трот понял, что Лизи уже не надеется застать его завтра в этом кабинете.

Она еще раз оглянулась и вышла.

— Я заинтересовался ореолами, — сказал Хоган.

— Вы? Да вы шутите, господин полковник.

— Я говорю серьезно. Не только вы, господин профессор, видели человека с ореолом.

— Так, значит, теперь вы мне верите?

— Вы были правы. Я сомневался. Но это у меня в некоторой степени профессиональное. Я изучил пробле-

му. Об ореолах написано не очень много. В христианском искусстве они появились где-то в четвертом веке. А идея заимствована из буддизма. Вот, пожалуй, и все.

— У вас поразительные знания.

— Стараемся быть всесторонними.

— Да, я тоже над этим думал. Разумеется, по-любительски, без первоисточников. Перед вами у меня лишь то преимущество, что я видел человека с ореолом.

— И каковы же ваши выводы?

— На самых древних картинах ореол изображался в виде круга независимо от положения головы. Вывод напрашивается сам.

Хоган внимательно взглянул на профессора. «Этот гладиатор не так глуп», — подумал Трот.

— Интересно, — теперь Хоган говорил медленно. — То, что ореол был у людей по меньшей мере необычных, — это факт, поэтому позже его считали непременным атрибутом святых.

— Вы правильно рассуждаете, Хоган, — похвалил профессор. — Я специально ввел вас в курс дела, чтобы вы лично могли во всем убедиться.

— Не понимаю. Уж не хотите ли вы сказать, профессор, что... — Хоган попятился к двери.

— Именно это я и хочу сказать. Вы знаете, и они об этом знают. Вам уже отсюда не выйти.

— Глупые шутки, профессор, — Хоган повернулся к двери, но там стоял невысокий человек, голова которого казалась несколько деформированной, он был в сером комбинезоне.

— Кто вы? — Хоган выхватил из кармана маленький черный револьвер. На ковер посыпались выхваченные вместе с ним предметы, какой-то блокнот и большой белый платок.

— Спрячь, Хоган, свою брызгалку, — сказал челове-

чек. — Мне придется ее разбить, а случайно я могу отбрызнуть тебе руку. Ну, быстро!

— Руки вверх, буду стрелять! — Хоган сказал это спокойно, и Трот подумал, что у полковника отличные нервы.

Небольшой человечек высунул из рукава что-то, что не было рукой. Его движение было быстрым, слишком быстрым для человека. Хоган даже не успел нажать спусковой крючок, как неведомая сила выбила у него из руки пистолет. Удар был такой силы, что Хоган покачнулся.

— Спокойно, Хоган. Без глупостей. Видишь, я совершеннее тебя.

— Вы отлично владеете современным языком, — сказал Трот.

— Я учился ему по вашим книгам. Скажи этому Хогану, что неожиданный прыжок к двери ему ничего не даст, так же как и попытки сбить меня с ног. Пусть поймет, что влип.

— Он прав, полковник, — Трот взглянул на Хогана, который спокойно массировал правую руку.

— Ты удивительно прыткий тип, — сказал человечек Хогану, — но гимнастика тебе не поможет. Улавливаешь?

— Как сюда проник этот уголовник? Как вы думаете, профессор?

— Нормально. Через пятое измерение, — тут же ответил человечек.

— О чем это он?

— Слушай, Трот, да этот тип в наших делах ни бумбум.

— Полковник, он из будущего. Честное слово, я не думаю, чтобы вы были в силах что-нибудь сделать.

— Я позову людей.

— Пространство этой комнаты скользит во времени,

тебе отсюда не смыться, — человечек сказал это с явным удовольствием.

— Я думаю, полковник, он прав. Только меня удивляет отсутствие ореола.

— Вам больше не о чем думать?

— Во всяком случае, это интересно...

— Ну, потопали, — человечек прервал профессора на полуслове. — Внимание. Раскрываю поле. Не двигаться. Что-то звякнуло, словно разбивающийся стакан, и в дверях появилась Лизи.

— Андроид, стоп! Сотри память, — сказала Лизи, и человечек замер.

— Объявляю постоянную замкнутую программу. Я специализирован.

— Приказываю: сотри! — повторила она.

— Исполняю, — ответил человечек, и Трот услышал тихий шелест, напоминающий шум муравейника.

— Что ты сделала с ним? — спросил он.

— Ничего особенного. Стерла ему память. Это же автомат.

— Как... как вы это сделали?.. Вы... вы оттуда?

— Теперь вы уже знаете, полковник.

— Сейчас я... — Хоган подошел к двери.

— Вы отсюда не выйдете. Мы все еще скользим во времени. Ты еще не передал ему формулы? — серьезно взглянула она на Трота.

— Нет, — ответил Трот, мгновение помедлив.

— Отлично. Я вышлю его в будущее вместо тебя.

— Не понимаю.

— Я перепрограммирую автомат, и он заберет Хогана. Ты обязан интерпретировать свои формулы.

— Нет... я протестую... я не хочу. Я не дам себя забрать отсюда!

— Вы перенесетесь в будущее независимо от того,

хотите этого или нет. В двадцать пятый век. К тому же в ваши обязанности входит защищать профессора, не щадя живота своего. А вы не умрете, вы будете жить. В будущем есть специальные резервации для людей из ранних эпох. Охота, конная езда. Никаких забот. Это совместные резервации для людей из первых двадцати веков.

— Я? Вместе с пещерными людьми?

— Вы родились в период, в котором люди нападали на своих сородичей. Тут я ничего не могу поделать. Впрочем, там не так плохо. Автоматы ликвидируют большинство конфликтов. Оставляют ровно столько, сколько необходимо, чтобы не нарушить атмосферы и колорита вашего времени, — Лизи доброжелательно улыбнулась.

И тут Хоган прыгнул. Прыгнул к Лизи, но андроид был проворнее. Удар сбил полковника с ног, и он повалился лицом на пушистый ковер.

— Слушай, Лизи. Какой во всем этом прок? В конце концов они меня все равно найдут.

— Не найдут. Ты откажешься от всякой деятельности. А если даже... Тогда антиматерия уже будет собственностью человечества. Ну и я... я останусь с тобой в этом времени.

Трот хотел что-то сказать, но Лизи его прервала.

— Потом. Сейчас я должна перепрограммировать андроида. — Она подошла к автомату и сильным рывком приоткрыла его серый панцирь. Андроид одним движением рук убрал панцирь и замер в неестественной позе.

— Ин-струк-ция семь-де-сят пять, — сказал он по слогам. — Транс-тем-по-ра-ция че-ло-ве-ка двад-ца-то-го ве-ка...

Трот смотрел на Лизи и на андроида. Неожиданно ему на голову обрушился сильный удар.

— Внимание, Лизи, — крикнул он, но Хоган был быст-

рее. Замерший автомат с раскрытым панцирем покатился к стене...

— Не шевелиться! — Хоган целился в них из своего маленького револьвера. Трот медленно поднялся. «От страха этот гладиатор готов нас застрелить», — подумал он и вдруг почувствовал, что ему это безразлично.

— К стене. Ты тоже, профессор. Слушай, девчонка, я не шучу. Мне терять нечего.

Лизи подошла к Троту.

— Как называется этот андроид? — спросил профессор.

— Молчать! — истерически крикнул Хоган.

Лежащий у стены андроид монотонно бубнил:

— И-ден-ти-фи-ка-ция субъ-ек-та в до-ба-воч-ной па-мя-ти. Про-странст-вен-ная ло-ка-ли-за-ция по ре-ше-нию ко-ор-ди-на-то-ра. Мой па-ро-ль...

Тогда Хоган выстрелил в черное отверстие обнаженного андроида. Трот заметил, как оттуда посыпались маленькие блестящие кристаллики. Андроид стал бубнить.

— Ты повредил автомат! — воскликнула Лизи.

— Он хотел сообщить свой пароль, а это было тебе для чего-то необходимо, не так ли? Не двигаться!

— Прimitив! — сказала Лизи.

Хоган, внимательно глядя на нее, начал пятиться к двери. Вдруг Трот заметил, что ногу Хогана, которую он отставил назад, пружинисто отбросило. Хоган закачался.

— Что это?! — закричал он, и Трот понял, что Хоган боится все больше.

— Сдвигение времени. Ну, и как тебе это нравится, полковник.

— Прекрати... сдвигение!

— И не подумаяю.

— Не шути, а то...

— Застрелишь?

Хоган на мгновение задумался.

— Нет. Убью профессора.

«Он-таки убьет меня», — подумал Трот.

— Считаю до пяти. Раз... два...

— Подожди, я должна посмотреть, что с автоматом, — Лизи сделала шаг вперед.

— Стой! Сам посмотрю. Скажи, что надо сделать.

Лизи хотела ответить, но тут Трот чуть ли не физически ощутил высокий звук, напоминающий звук лопающегося стакана. Хоган крикнул и начал исчезать в белом охватывающем его коконе. Некоторое время были видны только его ноги, потом исчезли и они. Кокон вздрогнул несколько раз и замер.

— Ну, теперь-то ты видишь, Лизйоча, на что способны эти типы, — сказавший это человек стоял посреди кабинета. Высокий, в черном облегающем комбинезоне, вокруг его головы подобно ореолу светился прозрачный еле заметный шлем.

Лизи немного помолчала, потом спросила:

— Что ты с нами сделаешь?

— Сначала скажи, почему ты не носишь шлем? Ты же знаешь, что это недозволено. Хочешь умереть от одной из болезней этих веков?

— Не бойся, не умру. Ты хочешь забрать нас в XXV век?

— Да. Тебе это не сулит ничего приятного.

— Догадываюсь, но это не важно. Все равно, я права.

— Продолжаешь упорствовать, даже после опыта с Хоганом?

— Это единица. К тому же, ускорив ход цивилизации, можно уменьшить число подобных типов.

— Сомневаюсь. Передача им технологии получения антиматерии привела бы к значительным осложнениям. Ты историк-утопист, Лизйоча.

— Я хотела провести эксперимент в резервации, однако вы мне не позволили.

— Но это еще не повод, чтобы переноситься в прошлое и подсказывать физикам двадцатого века формулы, ведущие к синтезу антиматерии. Это трудно назвать глупостью. Это преступление, Лизйоча! К счастью, тебе это не удалось.

— Неправда. Формулы уже в их времени!

— Нет, Лизйоча! Они у меня, — человек с ореолом вынул из складок комбинезона несколько листов бумаги и показал Лизи. Трот знал, что это именно те листки.

— Откуда они у тебя? Откуда ты знал, где их искать?

— Просто некоторые люди двадцатого столетия разделяют наши взгляды на антиматерию.

— Трот! Не может быть, — Лизи взглянула на профессора.

— Да. Трот. Может, без тебя он не стал бы гением, но это настоящий ученый, отвечающий за свои открытия.

— Как ты мог? — теперь Лизи обращалась к профессору.

— Он меня убедил. Верь мне, Лизи, это небезопасно. Он сообщил мне простой способ создания снарядов из антиматерии. Ты говорила, что это невозможно.

— Их никто никогда не конструировал.

Трот хотел ответить, но человек с ореолом прервал его:

— К счастью, мы знаем, к чему это может привести.

— Неправда. Я не верю. Ты недооцениваешь людей.

— Ты не права, Лизйоча. Мы отдаем должное их трудолюбию и возможностям. Знаем, что через сто лет они сами получают антиматерию. Да... а что касается Хогана, то я переменял решение. Он будет помещен в резервацию доисторических людей, где легко свыкнется с условиями каменного века.

ВИТАЛИЗАЦИЯ

Он пробуждался от глубокого сна, длившегося десятки лет, космического сна без сновидений, во время которого он преодолел световые годы пустоты. Он возвращался к жизни.

Сначала он увидел всплеск света, ярко горящую точку, потом различил склонившуюся над ним фигуру и наконец услышал голос:

— ...Космогатор Гоер... Космогатор Гоер...

Он знал, что это говорит автомат, какой-то настойчивый автомат вроде того, который когда-то будил его на рассвете, чтобы он успел добраться зеленым виروبусом на первую лекцию.

— Слышу... — сказал он, — но еще темно. Еще четверть часа, и я встану...

Автомат не ушел.

— Космогатор, зрительные центры твоего мозга еще работают не в полную силу. Это пройдет, зрение возвратится, как только окончится последний этап процесса витализации...

И тогда он вспомнил, что находится в космосе. Он попробовал приподняться, и витализационное кресло, почувствовав это едва уловимое движение, поддержало ему спину.

— Где мы? — спросил он.

— Твой космолет достиг системы Регула.

— Регула? Значит, мы у цели? — Он уже помнил все: отлет с Земли, желтый песок дюн за терропланом, беззвучную суматоху висящего в пустоте космодрома, осле-

пительное пламя из дюз и Солнце, которое осталось за кормой, постепенно превращаясь в желтую звезду.

— Включи экран. Я хочу видеть...

Автомат выполнил приказ. На экране разбушевалось белое атомное пламя.

— Ты первый человек, увидевший Регул вблизи, — сказал автомат.

Гоер знал об этом. Он хотел встать, подойти ближе к экрану, но не мог...

— Помоги мне, — бросил он автомату. — Долго ли я еще буду таким... — он хотел сказать «беспомощным», но подумал, что это было бы неуместно в разговоре с автоматом.

— Это естественно. Все процессы в твоём организме протекают как положено. Я подключен к центру, контролирующему ход витализации.

Гоер знал, что автомат не лжет, не может лгать.

— Сколько времени длился анабиоз? — спросил он.

— На Земле прошло больше ста лет.

— Сто лет... — такой срок по сути дела ставил его вне времени. Он не знал, контролирует ли автомат и его чувства, но предполагал, что это возможно, поэтому не стал больше думать о времени.

— Все ли системы космолета работают нормально? — это был первый вопрос, который должен был задать космогатор.

— В данный момент все в порядке, — автомат на секунду как бы замялся. — Были мелкие аварии, а из серьезных — утечка нейтронов на тридцать втором году локального времени полета.

— Порядок, — сказал Гоер и только теперь понял, что не знает этого автомата... — Ты... ты... Унинав..? — спросил он.

— Не совсем. У меня только часть его памяти и неко-

торые исполнительные системы. Я новый Унинав, с элементами того, которого ты знал.

— Это значит, что тот демонтирован?

— Да.

— Почему? Что случилось?

— Авария.

— Говори ясней. Характер и время аварии.

На этот раз автомат ответил сразу же, словно читая наизусть навечно записанное в его памяти.

— Механическое повреждение управляющей части мозга на тридцать пятом году локального времени полета.

— Что с ним случилось?

— У меня нет полной информации. В моей памяти записано, что броневой шлюз третьего внутреннего отсека космолета замкнулся за ним.

— Что там делал этот интеллектуальный обломок?

— Не знаю. Но ты меня обидел.

Гоер понял, что случилось нечто серьезное. К горлу подступил комок, как тогда, когда перед отлетом он обращался к людям мира по видеотренингу.

— Обидел? Тебя, автомат?!

— Ты называешь его интеллектуальным обломком, а ведь во мне заложена его частица.

— Насколько мне известно, ощущение, о котором ты говоришь, не было предусмотрено конструкторами в псевдопсихике моих автоматов.

— И все-таки я это чувствую.

— Подожди, а что же входит в тебя, кроме узлов Унинава?

— Системы двух андроидальных автоматов и новые элементы.

— ...Двух андроидальных автоматов? Что с ними случилось?

— Они были повреждены.
— Каким образом? Ну говори! Я тебе приказываю!
— Они были разрезаны горелками дезинтеграторов...
— Что? Кто это сделал? Отвечай! — Гоер заметил, что кричит, только тогда, когда услышал ровный, монотонный ответ автомата:

— Автоматы по ремонту панциря.
— Каким образом? — теперь он говорил уже спокойно, словно речь шла о мелком повреждении, случившемся на Земле, где достаточно людей, чтобы справиться даже с серьезной аварией автоматов.

— По приказу Автокора, внутреннего автокоординатора космолета.

— Соедини меня с ним на фонии, — приказал Гоер.

— Мне кажется...

— Не имеет значения, что тебе кажется, — прервал космогатор. — Выполняй приказ.

Послышался гул, хаотично изменяющий свое напряжение, сквозь него пробивался короткий прерывистый писк. И Гоер понял.

— Я только хотел сказать, что, мне кажется, такая связь не имеет смысла, так как Автокор демонтирован.

— Почему ты не сказал этого сразу? Кто его демонтировал?

— Автоматы по ремонту панциря.

— По чьему приказу?

— По моему.

— Так ты, ты уже существовал?..

— Да.

— ...А зачем ты дал им такой приказ?

— Велика была вероятность уничтожения систем управления реактором космолета.

— Не понимаю. Объясни.

— Автокор уничтожил много автоматов. Количество

не было мне сообщено. Однако я мог начать действовать только в том случае, если бы он поставил под угрозу срыва цель полета. Повреждение реактора явилось бы такой опасностью...

Гоер уже понимал, что все, проделанное Униनावом, было действиями автомата с псевдопсихикой, сложность которой достаточно высока. Автокор — автомат, координировавший все, что делалось внутри космолета, был уничтожен. «Автоматы по ремонту панциря...», как окрестил их Унинав, были небольшими сплюснутыми конусами, из которых вырывалось жало атомного пламени. Но Автокор, знавший все, что происходит внутри космолета, не должен был допустить своей гибели.

— Но почему же Автокор не уничтожил тебя?

— Он не знал о моем существовании. Унинав необходим для достижения цели полета, и регенерационные автоматы самостоятельно воспроизводят его без всяких внешних приказаний.

Теперь Гоер понимал, как мало он знает. Он боялся спросить напрямик о том, что было самым важным... о самом космолете.

— А космолет, после всего, что случилось, космолет цел?

— Он не поврежден.

Автомат не лгал. Он не мог лгать, и Гоер подумал, что все могло кончиться гораздо хуже, а он сам сейчас мог бы быть метеоритом, кусочком материи, мчащимся сквозь пустоту в рое осколков, которые некогда были космолетом. А автоматы... с автоматами он справится, он, Гоер, кибернетик и космогатор, первый человек в системе Регула.

— После возвращения поговорю с кибернетиками, проектировавшими эти автоматы...

— Не поговоришь. Их уже не будет в живых.

— Да, ты прав. Ты довольно всесторонен для Унинава, — добавил он минуту погодя.

— Я не типовой Унинав. Более точно было бы сказать, что я частично специализированная система со способностью к самоусовершенствованию.

— А знаешь ли ты, что было причиной этой... массовой дезинтеграции автоматов?

— Нейтронная утечка. Это случилось на тридцать втором году локального времени полета. Кристаллическая память Автокора подверглась облучению, в результате чего возникли устойчивые нарушения. Он начал выдавать автоматам противоречивые приказы, а если они не выполняли хотя бы одного из них, демонтировал их, как бесполезные.

— Это значит, что сейчас, когда он демонтирован, весь космолет ведешь ты?

— Да.

Гоер понимал, что вести космолет среди звезд и координировать работу всех его автоматов не по силам одному, пусть даже и не обыкновенному, Унинаву. Однако вслух он этого не сказал.

— На обратном пути к Солнцу придется репродуцировать автоматы...

— Обратного пути не будет.

— Что... что ты сказал?

— Космолет не вернется на Землю.

— Ты лжешь! — вырвалось у Гоера, но, крикнув это, он уже знал, что автомат сказал правду. Ведь эта глыба металла и кристаллов, с которой он говорил и спорил, была автоматом.

— Я не лгу. Я автомат.

— Только обычные автоматы не лгут... я знаю, это закон... Но ты какой-то странный автомат...

— Мое поколение автоматов не может отступить от

этого закона. Единственное, что я могу сделать, это не говорить всей правды...

— Но на этот раз ты сказал?

— Сказал. Ты не вернешься на Землю.

— Почему, объясни, почему?

— Невозможно изменить направление полета. Израсходовано горючее.

— Израсходовано? Когда?

— Когда старый Унинав уже не существовал, а меня еще не было...

— Это сделал Автокор?!

— Да.

— Но почему не витализовали меня? Я повернул бы к Земле... Довел бы весь этот... разладившийся кибернетический лом... — Гоер вдруг умолк, потом совершенно другим тоном спросил: — А кто выпрямил траекторию и нацелил космолет на Регул?

— Я.

— Ты знал, что топлива на возвращение не хватит?

— Знал.

Гоер встал, сделал несколько неуверенных шагов и потянулся за дезинтегратором.

— Космогатор, этого требовала моя программа. Я обязан был нацелить космолет на Регул, — автомат не мог изменить высоту голоса, но говорил все быстрее, — космогатор, я единственный исправный автомат космолета... Подожди... не...

Он замолчал в тот момент, когда Гоер нажал спусковой крючок. Оболочка автомата лопнула и края разреза разгорелись ослепительно белым огнем. Гоер ослабил нажим пальца только тогда, когда пол за спиной автомата стал коричневым и задымился.

— Ты знал, ты знал, что я не вернусь, — повторял он и, покачиваясь, прошел в диспетчерскую космолета.

Ему казалось, что он покинул диспетчерскую только вчера. Он знал здесь каждый экран, каждый клавиш. Автоматы, почувствовав его присутствие, подключили диспетчерскую к информационной сети космолета, и ряды серых экранов посветлели, замигали контрольные лампочки. Началось так хорошо знакомое ему неуловимое беззвучное движение. Прикоснувшись к клавишам, он ощутил их холод и какую-то непривычную шероховатость. Эта была пыль, осевшая в стерильном, влажном и фильтрованном воздухе за десятилетия полета. Из диспетчерской космолетом управлял только он, человек. Все автоматы были включены непосредственно в сеть управления, их металлические отростки никогда не прикасались к клавишам.

Он включил систему малого вычислителя, чтобы определить положение космолета. Серый экран прибора разгорелся. Зеленая стрелка метнулась к белому диску Регула, едва не коснулась его и, обогнув, перешла на другую сторону экрана.

— Вероятность входа в протуберанец девяносто семь и две десятых процента, — сказал автомат.

— ...и космолет превратится в пар... — продолжил про себя Гоер.

Но автомат услышал его:

— Повторить?

— Не повторять! Молчать! — крикнул он, а потом уже спокойно добавил: — Автомат-передатчик!

— Сообщение с направленных антенн передано, — доложил автомат.

— Ну, значит, на Земле узнают, как я погиб, через семьдесят девять лет. Именно столько времени идет отсюда радиосигнал до Земли, — подумал Гоер и решил, что вряд ли потомки без труда отыщут в хрониках его имя.

— Включить внешний экран, — сказал он автоматам, — я хочу заглянуть в это пекло...

— Не понимаю.

— Это не имеет значения. Включи экран.

— С фильтрами?

— Без фильтров. Я хочу видеть звезду такой, какова она в действительности: огромная, белая. Когда-то меня учили, что у нее спектральный класс В-5.

— Ты ошибаешься, В-8.

Это был другой автомат с тем стандартом голоса, который присущ автоматам, приспособленным для долгих разговоров с человеком.

— Еще один автомат? Сообщи свои данные.

— Нет, это все еще я, Унинав.

— Но ведь я тебя уничтожил... — удивился Гоер.

— Ты уничтожил только андроид, с которым я временно был соединен.

— А ты? Где ты?

— Я тебе этого не скажу, разве что ты выдашь такой приказ.

— Нет, не надо. Хорошо, что ты цел. У меня нет объективных причин уничтожать тебя...

— Я тоже так считаю.

— В конце концов довести космолет до Регула — твоя задача. Ты так запрограммирован... Впрочем, это уже не имеет значения. Вскоре мы начнем испаряться. Ты проверил вычисления?

— Да. Они точны.

— Значит, нет шансов на спасение?

Ответа не последовало.

— Почему ты не отвечаешь?

— Потому что не могу решить, шанс ли это.

— Что?

— Через несколько часов космолет пройдет пример-

но в тридцати миллионах километров от седьмой планеты.

— Понимаю. Опиши ее.

— На поверхности соединения кремния. Вода отсутствует. Ускорение силы тяжести в полтора раза больше, чем на Земле. В атмосфере азот и благородные газы. Кислорода нет. Скорость вращения около ста шестидесяти дней. Температура поверхности от ста восьмидесяти до минус ста градусов по Цельсию.

— Не рай, — сказал Гоер.

— Кроме того, планета проявляет значительную активность в широком диапазоне электромагнитных волн... — дополнил автомат.

— Не понимаю.

— Это трудно объяснить.

— Проверь наблюдения!

— Уже проверил. Все точно.

«Большая активность»... — Гоер подумал, что до сих пор по активности на первом месте была Земля.

— Ничего особенного, просто обитатели Регула посылают в космос радиоволны.

— Это можно считать одной из гипотез, — согласился автомат. — Я ожидаю твоего решения, — добавил он.

— Приготовь ракету ближнего радиуса. Я лечу на эту планету.

Унинав помолчал, потом спросил:

— Космогатор, ты уверен, что принял оптимальное решение?

— Ты, автомат, обыкновенный автомат, хочешь оценить мое решение?

— Ты человек. И сделаешь как хочешь. То, что говорю я, не имеет особого значения. Хочешь, чтобы я продолжил?

— Говори.

— После высадки на планету ты сможешь прожить еще не больше полутора месяцев. Потом умрешь.

— Довольно типичный конец. Ты не сказал ничего нового.

— Это будет длиться долго, космогатор.

— Не понимаю, почему тебя это так волнует. Ведь лечу я, а не ты.

— Ты ошибаешься. Я должен лететь с тобой. В твоём космолете уже нет автоматов, которые могли бы управлять ракетой ближнего радиуса действия.

— Не может быть...

— Это факт, космогатор.

Гоер подумал, что, собственно, ничего не знает ни о космолете, ни о его автоматах, что космолетом управляет не он, а автомат, Унинав, замкнутый где-то внутри корабля за броневыми переборками.

— Хорошо, полетишь вместе со мной,— сказал он наконец.

— Там песчаные бури. Я вижу рыжие смерчи пыли, тучи длиной в несколько сотен километров. Они засыплют ракету прежде, чем ты откроешь шлюзы. Кроме того, слой пыли, покрывающей планету, местами может доходить до нескольких сотен метров. Ракета утонет в ней.

— Не пугай меня, автомат...

Гоер подумал, что все равно в этом нет никакого смысла. Он ничем не рискует. Испариться с космолетом или утонуть в пыли, погибнуть, не коснувшись ногой ни одной планеты... Смерть в космосе — нормальная штука.

— Во всяком случае, прежде чем умереть, я проведу изучение этой планеты, насколько будет возможно... Так обязан поступить космонавт.

— Обязан, если может передать на Землю полученную информацию...

— Ты споришь со мной, автомат. Кибернетики этого не предусматривали. Ты не хочешь лететь со мной?

— Я полечу. Я автомат и не решаю.

— Но не хочешь?

— Это не то слово. Я не могу не хотеть. Но когда ты умрешь, я останусь и долго еще буду жить в засыпанной ракете, больше четырехсот лет... пока хватит аккумуляторов...

— И ты боишься одиночества...

— Я буду бездействовать, а псевдопсихика автомата к этому не приспособлена.

— Забавно. Но, конечно, я верю тебе. Я мог бы, высадившись на планету, уничтожить тебя, дезинтегрировать.

— Это было бы решением проблемы.

Гоер на минуту задумался.

— Нет, это невозможно, — сказал он, — После нас прилетят другие, и если тебя найдут... ты будешь знать... ты будешь все помнить. Ты должен сохраниться и ждать, несмотря ни на что, хотя вероятность того, что тебя найдут на этой планете, почти равна нулю. Ты согласен со мной?

— Когда стартует ракета? — прервал автомат.

— Высчитай это. Полет должен продолжаться как можно короче...

Гоер хотел еще что-то добавить, но вдруг что-то щелкнуло и под аккомпанемент писков раздался голос:

— Говорит Авто... говорит Авто... говорит Автокор...

— Унинав, что случилось?

— Заговорил Автокор.

— Но я же его не вызывал...

— Ты вызывал его раньше. Теперь он ответил.

Вслед за писками послышался гул, наконец эти звуки слились в один пронзительный свист.

— Автокор, молчать! — Гоер произнес свое приказание тихо, но автомат услышал его и замолк.

— И часто он так?

— Давно я его не слышал, — в ответе Унинава Гоер уловил какой-то новый оттенок, но тут же подумал, что ошибся — автоматы не меняют интонации.

— Интересно, почему он вдруг отозвался. Впрочем, бог с ним, у меня другие заботы. Ракета готова?

— Ждет.

В этот момент в диспетчерской без вызова появился андроид, он подошел к Гоеру и остановился в двух шагах от него. Когда андроид поднял свою специализированную конечность, Гоер увидел, что это дезинтегратор... Дезинтегратор был направлен прямо на него.

— Выйди! Выйди немедленно! — крикнул он, но андроид не шевельнулся.

Гоер встал из-за пульта и пошел, прижимаясь к стене. Автомат двинулся следом.

— Стой!

Автомат продолжал идти. Тогда Гоер остановился. Автомат тоже замер и направил на него дюзу дезинтегратора. Тут Гоер испугался. Ему хотелось броситься на пол и втиснуться между пультами, но он знал, что андроид быстрее его. Тогда он подумал об Унинаве.

— Унинав, почему ты не выполнил приказ? Объясни! Слышишь?

— Это автомат, подчиняющийся только Автоктору и входящий в аварийную систему.

— Задержи его!

— Не могу. Он подчиняется только Автоктору.

— Но Автокор не существует!

— Уже существует. Минуту назад я включил питание и запустил его.

— Но ведь он поврежден, он все уничтожает!

— Цель полета достигнута. Теперь Автокор не может этому помешать. А в этом была причина, по которой я его демонтировал.

— Но зачем ты его запустил?

— Ты этого не запрещал.

— Но ведь он... — Гоер замолчал. Он понял.

Он медленно сел и тогда андроид сделал шаг к нему и снова остановился, направляя дезинтегратор в его сторону.

— Так ты хочешь, чтобы Автокор уничтожил автоматы, тебя, космолет? Выключи его! Выключи немедленно! Я приказываю!

— Не могу. Он уже уничтожил мои эффекторные автоматы.

— Исправь их.

— Ремонтные системы выведены из строя.

— Лжешь!

— Автоматы не лгут.

— Автокор реагирует на приказы извне?

— Нет.

— Я проверю. Автокор! Останови все автоматы. Останови! Я приказываю! — Гоер встал и, глядя на андроид, сделал шаг назад. Андроид двинулся следом за ним. Унинав сказал правду.

— Почему он идет за мной, Унинав?

— Он получил приказ уничтожить тебя. Но каждый из нас, даже этот примитивный автомат, имеет систему, не допускающую дезинтеграции человека. Если бы ты был автоматом, то уже не существовал бы. Будучи человеком — ты в безопасности.

— Но он идет... идет за мной.

— Приказ не отменен. Предохранитель не запрещает ему приближаться к тебе.

Гоер остановился. Он чувствовал, что уже сыт по

горло этими автоматами, автокорами и унинами, что он уничтожит их или переделает, и тогда это снова будет космолет, а не гроб с разладившимися электронными кретинами.

— Я возьму дезинтегратор и уничтожу Автокор, — сказал он.

— Ты не успеешь, — тут же ответил Унинав. — Управление реактором повреждено и взрыв наступит в ближайшие несколько минут.

— Так что же мне делать?

— Ты еще можешь улететь на ракете.

— А ты? Перенеси себя в нее. Я приказываю!

— Сейчас андроиды режут стены моего помещения. Это потребует еще некоторого времени. Стены толстые. Я мог бы помочь тебе стартовать. Но ты приказал. Я открываю шлюзы помещения.

— Стой! Останься! Без тебя мне не вылететь.

— Иди в ракету. Скорее...

Гоер схватил дезинтегратор и прыжками помчался вдоль коридора в глубь космолета, к шлюзам, туда, где была ракета. Он бежал мимо автоматов, режущих горелками панцирь, перескакивал через полыхающие вишневым жаром плиты раскроенных стен, оставляя позади обгоревшие, неподвижные автоматы. Неотступно он слышал за собой топот андроида. Но вот за одним из поворотов маленький специализированный конический автомат, пропустив Гоера, огнем своего дезинтегратора пополам перерезал андроида. В воздухе стоял дым и запах горячей изоляции. В глубине космолета то и дело что-то взрывалось и по коридору проносились потоки горячего воздуха. Наконец, он миновал последний излом коридора. Перед ним был шлюз. Ракета ждала его с раскрытым люком. Гоер захлопнул его и услышал голос Унинава.

— Ты готов, космогатор?

— Готов, — ответил он. И тут же почувствовал легкий толчок в спину и тихий свист и увидел на экране звезды.

— Внимание, космогатор, — голос Унинава был так же четок.

— Скорость ракеты 312 километров в секунду относительно планеты. Ты идешь по касательной. Момент запуска тормозных двигателей записан на твоём мнемотроне. Желаю успеха.

— Я понял.

Неожиданно в наушниках загудело.

— Что с тобой? Ты поврежден?

— Нет.

— Так что же с тобой?

— Я смеюсь, — ответил автомат после долгого молчания.

— Не понимаю.

— Так можно сказать, применяя слова, употребляемые человеком.

— Теперь я понял. Прием окончен!

Время тянулось страшно медленно, хотя это были первые минуты после старта. Звезды горели ярким ровным светом, а в углу экрана ясной точкой висела цель его полета. Он знал, что без автомата посадка будет очень трудной, и вовсе не был уверен, что доберется до поверхности планеты. «Если ошибусь при подходе, сгорю, словно метеорит», — подумал он и попытался вспомнить, чему его учили в юности в Академии космонавтики при пилотировании малых ракет. Но оказалось, что почти все он забыл. Неожиданно заговорил Унинав. Его голос заглушали космические помехи.

— Космогатор Гоер, космогатор Гоер...

— Что тебе?

— Я поймал направленные на космолет сигналы с планеты. На планете люди...

— Ты поврежден... ты бредишь...

— Я сообщил им траекторию твоей ракеты. Они подтвердили прием.

— Ты бредишь. В системе Регула нет людей. Мы — первая экспедиция...

Но тут он услышал новый сильный голос. Голос человека.

— Это неправда, космогатор Гоер. Мы ждали твой космолет.

ТРАНСФОРМАТОРИЙ

Он шел на посадку на незнакомую планету, не обозначенную ни на одной карте космоса. Вспучиваясь, приближалась, пока, наконец, не заполнила весь лобовой экран ее однообразная грязно-коричневая поверхность с резко обозначенной линией терминатора, отделявшей дневное полушарие от ночного. Он подходил к планете с ночной стороны, и огромный белый шар Регула со сполохами протуберанцев постепенно скрывался за ней, краснея сквозь ее атмосферу. Скоро красная заря поблекла, и ракета вошла в конус тени.

Его вели голоса, человеческие голоса, пришедшие из космоса, голоса, которых он никак не ожидал.

— Внимание, Эпси, ракета Гоера вошла в конус тени. Ты ее видишь?

— Конечно. Я держу ее на третьем ультрадете.

— Держи точнее. Не знаю, приходилось ли им пилотировать в таких условиях.

— Все в порядке, Тод. Он выходит на эллиптическую орбиту. Как самочувствие, Гоер?

Они обращались непосредственно к нему. Это нарушало инструкцию. Однако он ответил, как всегда. Иначе он не умел.

— Говорит Гоер. Все в порядке. Готов к включению тормозных двигателей. Перехожу на спираль. Как слышите? Прием.

— Прекрасно слышим. Ты что, волнуешься?

Горизонт посветлел. Ракета выходила из тени. Но сигнала на включение двигателей все не было.

— Выхожу из тени, — наконец сказал он. — Дайте сигнал торможения. Прием.

— Не понимаю, почему он не тормозит? — спросил один из них.

— Ждет какого-то сигнала.

— А может, он нас не слышит?

Гоеру показалось, что они смеются над ним, космогатором, который погубил свой космолет, наверное испаряющийся сейчас в атомном жаре Регула.

Когда он заговорил снова, его голос опять был спокойным, ровным голосом пилота, вызывающего станцию наведения.

— Я — Гоер. Слышу вас хорошо. Жду сигнала. Прием.

— Какого сигнала?

— Повторяю: дайте сигнал торможения.

— Не понимаю. Просто возьми да включи тормозные двигатели.

— Когда?

— Когда хочешь!

Ничего не понимая, он немного помолчал, а потом, плюнув на инструкцию, сказал:

— Я же не могу сесть вслепую. Без наводки мне не найти космодрома.

Его собеседники минуту молчали.

— О чем ты беспокоишься? — удивился Тод. — Ведь мы поймаем твою ракету буметоном.

— Чем поймаете?

— Буметоном. Не знаешь, что такое буметон?

— Не знаю.

— Как ему объяснить, Эпси?

— Это такой подвижный космодром для приема ракет из нижних слоев атмосферы, — сказал Эпси.

— Хорошо, но как ваш буметон меня найдет?

— Пусть тебя это не волнует. Найдет. В наше время...
— Ваше время?
— Ну да. Надеюсь, ты не думаешь, что развитие человечества остановилось после твоего отлета...
— Ну, техника, конечно, ушла вперед.
— Поэтому входи в атмосферу, а об остальном не думай.

Гоер нажал рычаг рулей. Его тут же вдавило в кресло. Горизонт планеты, имевший теперь вид беловатой, отчетливо закругляющейся дуги, в которой исчезали звезды, переместился, исчез с лобового экрана и вынырнул на экране, помещенном над головой Гоера. Ракета нацелилась на диск планеты. Потом он услышал высокий вибрирующий свист и увидел голубое прозрачное пламя, текущее от носа вдоль обшивки. Изображение планеты на экранах задрожало, помутнело и расплылось. Ракета вошла в плотные слои атмосферы. Гоер слышал четкое тикание отмеряющего высоту альтиметра, стрелка его медленно двигалась к нулю. «А если не успеют», — подумал он.

— Я — Гоер. Осталось пятьдесят километров до поверхности, — наконец сказал он.

— Знаем, — тут же послышалось в ответ.
— Я не вижу вашего... космодрома.
— Ты уже в нем, Гоер.
— Не шути, осталось тридцать километров.
— Эпси, слышишь? Он нам не верит.
— Не требуй от него слишком многого, Тод.
— Перестаньте шутить, ведь еще немного и я врежусь в скалы или нырну в океан.

— А он нетерпелив, Эпси.

— Это свойственно людям того времени. Я только что узнал это из мнемотрона... Ну, хорошо, сверни поле, Тод.

Тиканье альтиметра неожиданно прекратилось. Стрел-

ка на мгновение словно бы в нерешительности заколебалась и упала. Гоер не почувствовал ни малейшей перегрузки, обычно сопутствующей торможению.

— Что случилось? — спросил он. — На альтиметре нуль.

— Все в порядке. Ты на месте.

— Но ведь не было торможения...

— Ты садился на буметоне, — ответил Эпси, как будто это слово уже все объясняло.

Гоер немного помолчал. «Опять смеются надо мной», — подумал он со злостью.

— Так что же мне теперь делать?

— Открыть люк и выйти.

— В океан?

— Ты в буметоне.

— Послушайте, люди, поймите же: этот ваш буметон или другое устройство мне не знакомы. Я всего лишь оставший в развитии космонавт, который много лет просидел в металлической банке в космосе.

И тут он услышал шум голосов. Кто-то звал его по имени, какой-то бас рассуждал о его космолете, басу вторил целый хор высоких и низких голосов. Вдруг все стихло.

— Открывай люк, — услышал он голос Тода.

— Что... что это было? — спросил он.

— Ничего особенного. Они хотели тебя услышать и прорвались в канал.

— Кто?

— Ну, все. Открой, наконец, люк. Не понимаю, чего ты ждешь?

Гоер защелкнул шлем скафандра и оперся руками о зажимы шлюза. Он колебался. «В конце концов я ничем не рискую», — подумал он и открыл зажимы. Дверцы шлюза беззвучно раздвинулись, не слышно было даже

свиста воздуха. Он выглянул в открытый люк. Было абсолютно темно, чернее, чем в знакомой ему извечной тьме космоса.

— Слушайте, где я? Вы меня слышите? Где я... — все громче кричал он.

— В буме... — начал было Тод, но Эпси прервал его на полуслове.

— Ты на космодроме.

— Но тут ничего нет. Тьма! — крикнул Гоер и тут же увидел, что снаружи мгла рассеивается. Ракета стояла на чем-то светящемся и со всех сторон была окружена мягким фиолетовым мерцанием.

— Теперь светло, Гоер?

Он ответил не сразу, но Эпси ждал.

— Да, уже светло,— сказал Гоер.

— Этот цвет тебе нравится?

— Ну, если он нравится вам...

— Хм... это не совсем так, но в конце концов не важно. Выходи из ракеты.

Он вышел, соскользнув по скобам люка, и оказался на эластичной, прогибающейся поверхности: «Похоже на мокрый луг»,— подумал он. Неожиданно пришла мысль, что впервые на этой планете он вспомнил Землю.

— Я вышел,— решительно сказал он.— То, на чем я стою, прогибается. Оно выдержит мой вес?

— Не бойся. Ты стоишь на силовом поле. Оно эластично, но гораздо прочнее любого материала, который ты знал на Земле.

— Куда мне идти?

— Мы тебя примем, но к тебе никто не выйдет.

— Почему?

— Будем считать, что таковы наши обычаи.

— Странно. Многое изменилось с того момента, как я покинул Землю, и, похоже, не к лучшему.

— Ну, об этом судить еще слишком рано. Пока можешь снять шлем. Мы приготовили тебе земную атмосферу.

— То есть как — мне?

— Ну, просто синтезировали ее по самым лучшим земным образцам. Специально для тебя.

— А вы?

— Нам это ни к чему,— сказал Эпси и замолчал.

Гоеру почудилось, что в голосе Эпси прозвучали какие-то особые нотки.

— Как это ни к чему?

— Он этого не поймет, Эпси,— вмешался Тод.

Гоер не стал раздумывать над услышанным. «Все это кажется совершенно нереальным,— подумал он,— и уж, действительно, фантастически сложным, чтобы понять сразу».

— Я снимаю шлем,— громко сказал он и тут же почувствовал запах соснового бора. В этом запахе было что-то еще. Некоторое время он не мог понять, что именно, но потом вспомнил, что так пахнет воздух над разбивающимся о замшелые валуны горным потоком. Он несколько раз глубоко вдохнул. Видимо, его услышали, потому что Тод спросил:

— Хорошая работа, а?

— Я предпочитаю воздух без запаха,— сказал Гоер.— Тот воздух, что мы оставили на Земле, не для космонавтов. Вернусь на Землю, буду дышать им, а не вернусь... Нет, я предпочитаю без запаха.

— Хорошо,— сказал Эпси.— Переносим тебя в кабину твоего космолета.

В тот же момент ракету охватила фиолетовая мгла, контуры корабля затуманились и пропали. А когда лиловое свечение исчезло, Гоер увидел, что находится в кабине космолета. Это, действительно, была кабина его космолета.

та. В автолекторе были видны сведения о Регуле, которые он прослушивал, прежде чем покинуть космолет.

— Но космолет сгорел! — громко крикнул он. — Сгорел в атомном излучении Регула. Я не мог изменить траекторию полета и покинул корабль... Слышишь, Эпси, он сгорел... Как я могу находиться внутри космолета, которого нет...

— Ты в его копии, в точной копии, ограниченной несколькими помещениями. В некотором смысле мы были внутри него, прежде чем он сгорел, и получили информацию, необходимую для его воссоздания. Ведь должен же ты где-нибудь жить на этой планете. Это было наиболее простое и самое удобное решение. Разумеется, мы и сами могли бы что-нибудь придумать, но, боюсь, наделали бы при этом массу ошибок. Мы плохие знатоки твоего времени.

— Так это не космолет?

— Нет. Взгляни на экраны. Они серые и в них не видно звезд.

— Да. Звезд нет.

— Мы, разумеется, могли бы воссоздать твой космолет со всеми подробностями, имитировать работу двигателей и движение звезд на экранах, но ведь не в этом дело. Твой полет окончен. Твоего космолета не существует. Ты на планете, кружащей вокруг Регула, а это искусственная среда, твоя среда, в которой тебе легче всего будет привыкнуть к условиям новой человеческой цивилизации, нашей цивилизации.

— Ты думаешь, он что-нибудь понял, Эпси? — спросил Тод.

Эпси не ответил. Гоер не понимал, но в этот момент он ни за что не признался бы в этом. Он смотрел на знакомую обстановку, на постель, небольшую видеограмму над ней, на которой был изображен он сам, стоящий

у ракеты. Видеограмма была сделана, когда он вернулся из первого полета вокруг Луны. Все здесь было таким, как там, в космолете. Некоторое время он стоял неподвижно, потом вышел в диспетчерскую. Воспроизведенный во всех подробностях пульт управления был мертвым. Не горела даже контрольная лампочка, которая светилась всегда с момента запуска космолета и до того мгновения, пока он, направленный в диск Солнца, не испарится в его кипящих газах. Он взглянул на экраны — все матово-серые, даже те, в которых обычно видны трюмы и реактор. Гоер подошел к двери, которая вела к главному входу, он хотел открыть ее, но дверь не подавалась.

— Там нет ничего, — сказал Эпси. — Остальные секторы космолета мы не воспроизводили.

— Да, сделано идеально. Сколько же потребовалось информации с космолета, чтобы воспроизвести все с такой точностью? — Гоер стоял перед дверью и смотрел на ее блестящую серую поверхность.

— Это свободно умещается в границах наших возможностей.

Гоер мгновение молчал, потом медленно, не поворачиваясь и не изменяя голоса, спросил.

— Скажи, Эпси, кто вы в действительности?

— Люди.

— Люди? Но ведь невозможно, чтобы за то небольшое время, пока я был в анабиозе, вы настолько ушли вперед!

— Это неважно, Гоер.

— Не верю, не верю! Слышите! Вы не люди. Вы меня обманываете.

— Тогда кто же мы по-прежнему?

— Жители этой проклятой коричневой планеты. Я разгадал вашу уловку! Разгадал! — кричал он, слыша эхо собственного голоса под потолком диспетчерской.

— Этого следовало ожидать, Эпси,— сказал Тод.

Эпси немного помолчал.

— Ты не прав, Гоер,— сказал он наконец.— Попробую тебя убедить.

— Тут слов недостаточно.

— Ты слишком самоуверен, Гоер. Ты думаешь, чужая цивилизация стала бы убеждать тебя в чем-нибудь?

— Не знаю. Вероятно, это зависело бы от того, зачем я им нужен.

— Логично,— сказал Тод.

— Попробуем иначе,— согласился Эпси.

— Подожди. Он убедится сам.

— И все-таки я попробую. Почему ты думаешь, что встреча с чужой цивилизацией на этой планете более вероятна, чем встреча с людьми?

— Ваша техника — не человеческая техника.

— Ответь на вопрос.

— Хорошо. Я считаю, что возможна и встреча с людьми. Но это были бы люди, а не голоса.

— Как это понять?

— Обычно. Не знаю, что б я дал, чтобы меня встретил нормальный космонавт в скафандре и на нормальной маленькой ракете переправил на базу, на настоящую базу — белый купол, впрессованный в скалы.

— Буметон все это упрощает,— сказал Тод.

— Но это же не посадка. Это — ничто! Для вас космонавт — не более чем белковая посылка, которую следует доставить по нужному адресу.

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько.

— А база? Зачем тебе база? — вмешался Эпси.— Ведь то, что мы приготовили для тебя, удобнее. Ты знаешь здесь каждый уголок.

— Но это клетка... понимаете, клетка...

— А твой космолет в пустоте — не клетка?

— Нет. Я мог им управлять, мог, наконец, выйти наружу и улететь в космос.

— Если дело только за этим, мы сделаем тебе выход. Ты сможешь разгуливать по планете в скафандре, у тебя будет ракетка для разведочных полетов. Хочешь?

Гоер не ответил. Он смотрел на матовые экраны диспетчерской, вернее, ее копии, потом спросил:

— Скажите, что вы собираетесь со мной делать?

— Ты увидишь все что захочешь, разумеется, в определенных разумных пределах.

— Зачем я вам нужен?

— Не понимаю.

— Ну, вам, чуждым существам с иной структурой.

— Увы, он не верит, что мы люди, Тод, — сказал Эпси.

— И не знаю, сумеешь ли ты его убедить.

— Вы можете убедить меня — придите ко мне.

Они не ответили, и Гоер повторил немного громче:

— Придите ко мне, слышите?

— Ты увидишь нас на экране, — первым отозвался Эпси. — Смотри, это я.

Загорелся большой лобовой экран, и Гоер увидел на нем высокого мужчину в странной переливающейся одежде, медленно прогуливающегося вдоль ряда пальм. Вдали, за желтым пляжем, пенилось море.

— Но это Земля!

— Да, Земля.

— Понимаю. Сначала ты показал себя там на Земле, а теперь ты придешь сюда, в диспетчерскую, я увижу твое лицо и буду знать, что ты человек, что ты был на Земле. Так, да?

— Не совсем. Я не приду к тебе в диспетчерскую ни сейчас, ни завтра, никогда. Никто к тебе не придет.

— Почему?

— Думаю, ты не поверишь. Нет ничего такого, что могло бы к тебе прийти.

— Не понимаю... ничего не понимаю. Или я уже не могу мыслить логично, как человек... Анабиоз... Ничего не понимаю.

— Успокойся, Гоер. Попробую тебе объяснить.

— Минутку, — перебил его Тод. — Он должен и меня тоже увидеть на экране.

— В данный момент это несущественно, — не дал ему закончить Эпси.

— Для меня — существенно, Эпси. Он — человек. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь сказал, что видел меня...

— Можешь рассматривать себя с помощью трансформаторов.

— Это разные вещи, Эпси.

— Передай себя психоанализаторам. Они убедят тебя, что ты действительно существуешь.

— Я не сомневаюсь, просто...

— Не прерывай. Сейчас мы занимаемся Гоером. Итак, Гоер, ты хотел знать...

— Да. Хочу знать.

Гоер прошел к пульту управления и сел в кресло космоджонгатора. Он смотрел на экран. Пальмы кончились, и море становилось все ближе. Мужчина шел прямо к волнам.

— Итак, Гоер, примерно через сто двадцать лет после твоего отлета — мы это проверили — человечество технически осуществило перемещение во времени...

— В чем?

— Во времени. Разумеется, в прошлое. Можно было перенестись во вчерашний день, в прошлый месяц, прошедший год, на сто, тысячу лет назад.

— Значит, это все-таки возможно?

— В твоё время очень немногие верили в это. Начались путешествия во времени. Гораздо хуже обстояло дело с пространством. Скорость света ограничивала возможности перемещения человека с помощью космолетов. Кроме того, космонавт не может сотни лет находиться в анабиозе. Таким образом, способ передвижения, которым пользовался ты, не имел больших перспектив. Как ты помнишь, рассчитывали даже, сколько звезд может исследовать человек в зависимости от максимальной продолжительности состояния анабиоза.

— Да, конечно...

— Это тоже было преодолено. Человечество научилось пересылать колоссальное количество информации со скоростью света в виде пучка электромагнитных волн.

— Ну и что?

— Таким образом стало возможным пересылать всю информацию, касающуюся индивидуальности человека.

— Индивидуальности?

— Да. Всю информацию, которая в сумме даёт тебя: твои воспоминания, привычки, стремления.

— И это возможно?

— Технически трудно, но выполнимо. Там, на Земле, из мозга человека экстрагируется информация и высылается в виде пучка электромагнитных колебаний в космос.

— И тогда человек перестаёт существовать? — спросил Гоер.

Эпси не ответил. Гоер смотрел на экран. Человек дошёл до плотного, смоченного пеной приборя слоя песка, на котором оставались следы его ступней.

— Нет, — Эпси говорил как бы с трудом, — не перестаёт. Он перемещается в космосе в виде неизменного пучка волн. Время для него не существует.

— А волны дойдут до трансформатория, — добавил Тод.

— До чего?

— До преобразовательной станции. Ты на одной из таких станций.

— Здесь собраны приборы, в которых информация может продержаться любое время. Эти приборы аккумулируют информацию, запоминают ее... и человек начинает мыслить. Его индивидуальность хранится в трансформатории столько, сколько нужно.

— Так ты — индивидуальность?

— Нет, Гоер, — твердо сказал Эпси, — мы люди, люди, понимаешь? А содержится ли наше сознание в белковой структуре или это импульсы в кристаллической сети — несущественно.

— Но вас нет.

— Ну и что? Мы видим с помощью рецепторов автоматов, управляем автоматами, которые исполняют любой наш приказ, можем изучать планеты, открывать новые солнца, добраться до самых удаленных туманностей...

— Нет, это слишком неправдоподобно... Не верю. Впрочем, если это даже и правда... — Гоер на мгновение заколебался, — то что с того?

— Потом мы возвращаемся на Землю, — немедленно ответил Эпси. — Возвращаемся на Землю и получается, что наша личность уже модулирована информацией, полученной из космоса, мы помним все, что видели, помним результаты исследований...

— Ты еще не сказал ему основного, Эпси. Ты не сказал о согласованности времени...

— Сейчас скажу. Видишь ли, Гоер, такое изучение космоса немногого стоило, если бы мы возвращались на Землю через десятки или сотни лет к другим, непонятным для нас временам.

— А разве есть иной выход?

— Временное перемещение в прошлое.

— Не понимаю.

— Вначале на планеты, расположенные вокруг солнечной системы, мы отправляем трансформатории с помощью обычных космолетов, предварительно отбрасывая их во времени на несколько тысяч лет назад. Потом, если расстояние какой-либо звезды составляет от Земли, скажем, десять световых лет, мы сами отступаем во времени на двадцать лет, излучаемся в виде пучка волн к этой звезде, проводим там исследования и возвращаемся точно в свое время.

— Я понимаю, таким образом можно было бы изучать самые удаленные галактики. Но я знаю, что это неправда... Вы меня не обманете.

— Такая пересылка возможна, если использовать промежуточные ретрансляционные трансформатории. Иначе волна информации — под действием помех — дойдет до конечного трансформатория через десятки лет с колоссальными искажениями...

— Так вы...

— Мы направляемся к звездам, отстоящим от Земли на сотни световых лет. Трансформаторий на Регуле — для нас только пересадочная станция. Никто из нас еще не возвращается на Землю. На обратном пути мы появимся здесь через сто, а то и больше лет.

Гоер поднял голову и опять увидел экран.

На экране в зеленом саркофаге лежал человек — тот самый, что до этого шел к морю. Глаза у него были закрыты, а над ним склонились слабо покачивающиеся странные устройства. Дальше за ним горел розовый отсвет, время от времени наливающийся ярким красным светом. Гоер заметил, что эти изменения ритмичны.

— Ты смотришь на экран? — спросил Эпси.

— Да. Там тело в саркофаге, а над ним автоматы...

— Это мое тело, Гоер, в анабиозе. Ты видишь подго-

товку к эмиссии личности в космос. Это несущественные подробности, — добавил Эпси, и экраны посерели.

Гоер встал и принялся ходить вдоль экранов. Вдруг он услышал голоса.

— Смотри, настоящий человек, здесь, на Регуле!

— Еще один фантом, созданный в трансформатории. Не верьте, это фантом. Прибор обманывает нас! — голос был пронзительный.

— Человек, настоящий человек, — продолжал первый голос.

— Двигается, ходит. Он может сам пошевелить рукой...

— Видите, таким способом тоже можно преодолевать космос!

Вдруг голоса умолкли.

— Они хотели тебя увидеть, — сказал Тод. — Они видят или видеотронию или автоматы. Для них ты — развлечение.

— А кто они?

— Личности, исследующие космос.

И тогда Гоер неожиданно остановился.

— Довольно, довольно... — прошептал он. — Не обманывайте меня... Я начинаю понимать. — Он попятился, так что его спина коснулась экрана. — Понимаю, вы держите меня в клетке и изучаете, изучаете человека. Не обманывайте меня... вы, космические создания!

— Мы люди! — Эпси крикнул это с каким-то отчаянием.

— Не лги. Покажи лицо, свое лицо...

— Откуда ты знаешь, что у космических созданий есть лица? — вдруг спросил Тод.

Гоер, пораженный этим, на мгновение замолчал, потом уже не совсем уверенно сказал:

— Ну, так придите сюда.

— Ты знаешь, что мы не можем.

— Не можете? Вы, копирующие космолеты, не можете скопировать человека?! Придите сюда в виде копий, идеальных копий. А может, это как раз я должен стать образцом, матрицей для размножения и теперь...

— Что ты еще надумал?

— Просто я сейчас прохожу испытательные исследования. А потом вы будете копировать сотни, тысячи таких, как я, и высылать на Землю...

Гоер замолчал. Эпси не отвечал, словно ожидая, что Гоер скажет еще что-нибудь.

— Включи биотроны, Тод, — наконец произнес он.

Гоер услышал высокий тонкий звук, и ему показалось, что его издают стенки копии космолета. Он хотел сказать что-то еще, но не успел.

— Этот архивный космонавт уже выключен, — сказал Тод. — Отличная копия. Единственная в своем роде. Только ее надо бы немного перестроить.

— Нет, Тод. Этого мы не сделаем. Это человек — настоящий человек, идеально воссозданный по оригиналу, который сгорел в атмосфере. Мы не можем этого сделать, ведь мы — люди.

ЕГО ПЕРВОЕ ЛИЦО

Силовое поле, замыкающее коридор, раскрылось, и Гоер поднялся на небольшую прямоугольную площадку, висящую среди спиралей какого-то причудливого сооружения. Он чувствовал, как площадка под тяжестью его тела слегка прогибается, но лишь спустя некоторое время понял, что стоит на силовом поле. Вокруг, в огромном холле, куполообразный потолок которого он угадал там, где спирали исчезали в темноте, он не заметил ничего, что нарушало бы однообразие спиральных конструкций. Снизу струился голубоватый свет. Выглянув за край площадки, Гоер увидел основания спиралей, растворяющиеся в голубоватой дымке. Неожиданно одна из ближайших спиралей задрожала, превращаясь в блестящий цилиндр, он услышал шум, тихий, почти на границе восприятия, потом спираль лопнула и возле площадки появилась небольшая ракета. Она не походила на ракеты, с которыми он имел дело на Земле, но ее удлиненные обводы свидетельствовали о том, что она предназначена для полетов в атмосферах планет. Вход был открыт. В тот момент, когда он собирался войти в шлюз, на его плечо опустилась чья-то рука.

— Я войду первым,— сказал стоявший позади мужчина,— кресло пилота впереди, а я пилот. Внутри с трудом можно протиснуться,— объяснил он, и Гоер увидел его спину, широкую спину космонавта в блестящем скафандре, исчезающую в отверстии входа. Гоер вошел следом и занял кресло позади кресла пилота. Тот уже сидел, и через его плечо Гоер смотрел на немногочислен-

ные светящиеся указатели приборов, разбросанные по темному прямоугольнику пульта управления.

— Мы летим на Таранту, — сказал пилот.

— Вторую планету системы?

— Да.

— Долго лететь? В кабине не очень-то удобно, — добавил Гоер, чтобы хоть как-то оправдать любопытство.

— Учитывается только время полета в атмосфере. Через космос мы идем на сверхскорости. Время почти останавливается, и ты даже не заметишь, когда мы достигнем планеты.

— Релятивистское замедление времени?

— Да. К тому же мы разгоняем и тормозим ракету гравитационным полем, поэтому ускорений ты тоже не почувствуешь.

— В гравитационном поле все тела падают одинаково.

— Вот именно. Этот закон открыт на Земле в твою эпоху.

— На несколько столетий раньше.

— Сейчас, когда мы научились перемещаться во времени на много веков в любую сторону, это не имеет значения...

— Ты думаешь?

— Конечно, Гоер. Я родился через несколько сотен лет после тебя... ну и что? Мы летим вместе в одной неудобной ракете.

— Однако вы иные, вы — люди из будущего. Пожалуй, так следует вас называть.

— Не знаю... возможно. В конце концов наш мир отличается от вашего.

— Силовые поля, перемещение во времени, трансмиссия психики...

— Не только этим...

— А чем еще?

— Неважно. Выходим из сверхскорости. Перед нами Таранта.

Гоер взглянул на экран, где на глазах вырастал зеленоватый диск планеты. Во время своих прежних полетов он видел много разных планет, но никогда не приближался к ним с такой огромной скоростью.

— Собственно, зачем мы туда летим? — спросил он.

— Тебе не сказали?

— Нет. Просто спросили, хочу ли я лететь.

— Автоматы обнаружили кое-что интересное. Их сообщения были туманны.

— Туманны... Сообщения ваших автоматов? Но ведь они не способны к туманным сообщениям. Их информация — предел точности.

— Это тем более странно.

— И поэтому летим мы?

— Да. Впервые за много лет на планету летят люди.

— Вы считаете Таранту неинтересной планетой?

— Совсем наоборот. Ее тщательно изучают наши автоматы. Просто сейчас не принято посылать людей на исследование планет, садиться на них, прогуливаться в скафандрах по их поверхности и вообще проделывать все то, что, как я слышал, больше всего привлекало древних космонавтов.

— Ну, привлекало... это, пожалуй, преувеличение, — сказал Гоер и вспомнил, как когда-то, еще будучи юным пилотом, он медленно утонул в болоте осваиваемой в то время Венеры, как грязь заливала стекло его шлема и по скафандру бегали паукообразные насекомые с головоломными латинскими названиями.

— Обычно автоматами управляют с корабля, вращающегося вокруг исследуемой планеты по замкнутой орбите, — сказал пилот.

— Однако на этот раз полетели мы с тобой.

— Тем хуже для нас.

— Вначале я думал, что вы хотите подыскать мне какое-нибудь занятие... и придумали полет на Таранту.

— Мы нашли бы для тебя другое дело или — еще проще — погрузили бы в анабиоз. Такой полет требует большого внимания.

— Тогда зачем же меня послали? Я совершенно не знаком ни с вашими автоматами, ни с методами исследований...

— Для этого здесь я, — сказал пилот.

— Зачем же тогда я?

— Лететь должны два человека. Так лучше.

— Но это еще не объясняет, почему вторым оказался именно я.

— Просто ты был уже готов. Ты был единственным готовым человеком...

— Не понимаю, — Гоер приподнялся в кресле, чтобы увидеть лицо пилота, но это ему не удалось — пилот смотрел на экран. — Не понимаю, — повторил он.

— Это не имеет значения. Меня предупредили.

— О чем?

— Что ты не будешь понимать. Это не мешает.

— Не мешает чему?

— Изучать Таранту. Они правы, — добавил пилот, поясняя: — Они всегда правы. Это, вероятно, имеет значение при разведывательных работах.

— Но я хочу знать... просто знать.

— Зачем? Тебе это ни к чему.

— То есть как, ни к чему? Я хочу знать — это естественно. Я не хочу действовать вслепую, не понимая, что делаю. Я не автомат.

— Я не совсем улавливаю, о чем ты... Ты человек, ну и что?

Гоер подумал, что пилот над ним смеется, и замолчал. Он глубже погрузился в кресло и ждал. Пилот нажал клавиш на пульте управления, и диск планеты, перестав увеличиваться на экране, начал медленно вращаться. Гоер понимал, что созданное двигателем гравитационное поле, в сотни тысяч раз более сильное, чем земное, мгновенно остановило движение ракеты к планете. Он знал об этом, но не мог поверить.

— Еще далеко? — спросил он.

— Входим в атмосферу, — сказал пилот. — Я должен приблизительно найти то место. Это не так просто.

— Ты не знаешь координат?

— Не совсем точно. Вернувшиеся с Таранты автоматы были не в порядке.

— Не работали?

— Хуже. Работали плохо. Их память была повреждена, частично стерта...

— Почему?

— Именно это нам предстоит выяснить.

— Так как же мы найдем нужное место?

— У нас есть приближенные координаты... Кроме того, может, какой-нибудь из автоматов еще работает.

— Они остались там?

— Почти все.

— И мы их заберем?

— Зачем? Этот кибернетический хлам? Пусть остаются. Мы посмотрим, что там случилось.

Зелень планеты исчезла с экрана, и они вошли в атмосферу, пробивая тонкий слой белых облаков. Облака расступились в сотне метров перед ними. Гоер знал, что это силовое поле разрывает их, создавая туннель, в который падает ракета. Наконец они увидели поверхность. Пилот потянул какой-то рычаг, и ракета неподвижно повисла в воздухе.

— Атмосфера под нами. Конец полета,— сказал он.

— Почему мы не падаем?

— Мы уравнировали гравитацию планеты. Наш двигатель работает. Взгляни на облака, которые обходят нас широким кольцом.

— А серая поверхность под нами — это равнина?

— Океан.

— И мы должны на него опуститься?

— Нет. Нам надо отыскать остров.

— Это, пожалуй, нетрудно. Если есть координаты.

— Передвигающийся остров.

— Как это — передвигающийся?

— Это не единственное удивительное свойство Таранты,— сказал пилот. Он сделал поворот вместе с креслом, и небольшой, до сих пор не освещенный экран, расположенный на уровне его головы, загорелся голубоватым светом. В его левом углу пульсировала светлая точка.

— Видишь. Нас вызывает какой-то автомат,— сказал пилот.

Ракета закачалась в силовом поле собственного двигателя, потом начала падать. Пилот повел ее над самой водой, так что Гоер видел огромные коричневые волны, перекатывавшиеся в нескольких десятках метров под ними. Потом пилот поставил ракету так, что искорка на экране оказалась в центре. Гоер не почувствовал никакого ускорения, только гребни волн расплылись в грязно-коричневую плоскость.

— Летим к острову. Сейчас его увидишь,— сказал пилот.

— Почему так низко, над самой водой?

— Чтобы долететь.

— Не понимаю.

— Одна из разведочных ракет летела выше и не долетела. Ее остатки мы потом нашли в океане.

— Что с ней случилось?

— Неожиданно прекратила передачу сигналов. Вероятно, взорвалась в атмосфере.

— С нами тоже может произойти что-либо подобное?

— Да.

— Мы летим одни, на одной ракете?

— Ты боишься?

— Нет. Только, думается, мы напрасно так поступаем. Ведь мы рискуем собственной жизнью.

— Но ведь это не имеет значения.

— Ты так думаешь?

— Конечно. А ты, Гоер, по-прежнему чудишь. Меня предупреждали, но я не думал, что это будет так выглядеть. Вы, люди из прошлого, принципиально отличаетесь от нас.

Гоер хотел что-то ответить, но увидел остров. Его овальный край немного выступал из воды.

— Вот и остров, видишь. Он напоминает полупогруженного кита.

— Искусственное сооружение. Это сообщили автоматы.

— Садимся на острове?

— Нет. Нельзя повторять ошибки автоматов. Мы повиснем рядом, над самой водой и по силовому полю переберемся на него.

— По силовому полю?

— Так будет безопаснее.

Пилот перевел рычаги, и ракета подошла к острову.

— Включаю силовое поле, — сказал пилот.

Поверхность воды стала матовой и застыла, образуя полосу, соединяющую ракету с островом.

— Ты создал полосу неподвижной воды, которую не заливают волны.

— Обычное силовое поле. Ну, можно спускаться.

— Прямо на воду?

— Конечно.

Они защелкнули шлемы скафандров. Люк ракеты открылся. Гоер первым переступил порог. Он на мгновение заколебался, потом соскочил прямо на воду, которая слегка прогнулась, словно хорошо пружинящий матрац.

— Действительно, я стою на этом.

— Это силовое поле, — заметил пилот. — А ты — иррационально осторожен. В конце концов, какая разница, создано ли поле в пустоте, воздухе или воде?

— Вероятно, ты прав.

— Даже наверняка.

— Ну, ладно, пошли, — прервал Гоер.

Они прошли по полосе воды и оказались на островке. Его поверхность была темной и шершавой, словно камень.

— Какой-то странный камень.

— Похоже на тероник, — согласился пилот. — Впрочем, не знаю, автоматы не сообщили результатов анализа.

— Тероник? Что это?

— Не знаешь? Вещество, выдерживающее тысячи градусов и высокое давление.

— Откуда мне знать? Я ничего не знаю. Я не понимаю, зачем меня сюда послали. Ведь по сравнению с вами — я из далекого прошлого.

— Спокойно, Гоер. Они знали, что делали.

— Я в этом не уверен.

Пилот не ответил. Он медленно шел к центральной части острова. Гоер двинулся следом.

— В центре острова... — сказал пилот, и вдруг его голос, переносимый радиоволнами в шлем Гоера, превратился в гудение и скрип.

— Что случилось?

В шлеме раздавался скрежет, и Гоер не мог разоб-

рать слов, но именно тогда он заметил, как вспыхнул на шлеме красный индикатор.

— Осторожно! Радиация! Отойди отсюда!— крикнул Гоер и отскочил на несколько шагов в сторону. Пилот наклонился над чем-то, что на поверхности острова выглядело как более темное пятно. Потом подошел к Гоеру.

— Это автомат,— сказал пилот,— один из наших автоматов, разбитый и впрессованный в поверхность острова.

Гоеру показалось, что за стеклом скафандра он увидел что-то вроде улыбки на лице пилота.

— Ты не любишь радиации, Гоер?

— Точнее, лучевой болезни. Когда-то, еще на Земле, я прошел через это.

— Да, в твоё время, когда вы жили всего несколько десятков лет, это было существенно.

— А теперь?

— Теперь?.. Пошли дальше. По сообщению автоматов в центре острова есть ход, по которому можно попасть внутрь.

— Ход? Так, значит, остров — работа разумных существ? Это не гипотеза, а факт?

— Разумеется. Ты думаешь, в противном случае мы были бы здесь?

— Но ты не говорил...

— Я получил такую инструкцию. Я должен был тебе сказать об этом только на острове, что и делаю.

— Они мне не верят. Почему?

— Видимо, есть причины. Видишь ли, они подозревают... Впрочем, ты сам все увидишь, когда мы спустимся внутрь острова. Вот и ход.

— Спустимся? Одни? Без всякой гарантии, без автоматов?

— Присутствие автоматов было бы нецелесообразно... может быть, даже небезопасно.

— ... Наших автоматов?

— Да. К такому выводу пришли системы, принимающие решение.

— Интересно,— сказал Гоер и решил, что больше не будет ни о чем спрашивать.

— Я спущусь первым,— сказал пилот.

Из небольшого рюкзака он достал моток не очень длинного шнура.

— Хочешь укрепить лить и спуститься по нему внутрь... внутрь острова?

— Да.

— Другими средствами ваша техника не располагает?

— Мы должны применять самые простые способы.

— Это тоже одно из распоряжений вашего совета, принимающего решения?

— Систем, принимающих решения, хотел ты сказать. Эти системы — автоматы.

— И это их решение?

— Да. И их указаний мы будем придерживаться. Они решают гораздо лучше и более оптимально, чем человеческие коллективы, выполнявшие эти функции в твоё время. Они просто выносят решения на основании реальных предпосылок,— пилот говорил это, медленно спускаясь в глубь колодца. Гоер наклонился над отверстием и увидел скобы.

— Смотри, здесь скобы,— сказал он.— Можно спуститься без литья.

— Мы спустимся по литью. Такова инструкция.

— Но...

— Не спорь, Гоер.

Гоер пожал плечами, схватил лить и спустя минуту уже стоял на дне колодца рядом с пилотом. Отсюда рас-

ходились три коридора, достаточно высокие, чтобы можно было идти, не наклоняя голову.

— Ну, сенсаций здесь нет,— сказал Гоер, когда они зажгли рефлекторы.

— Но есть радиация.

Пилот был прав. В шлеме, опять горел огонек индикатора.

— Излучают стены?

— Нет, вон тот лом,— сказал пилот и осветил кучу искореженного металла, лежащего в нескольких метрах от устья коридора. И тут Гоер увидел хвататель, часть автомата. Его, вероятно, сильным ударом оторвали от корпуса — металлическая кисть была превращена в лепешку.

В этот момент Гоер услышал шаги. Это были тяжелые шаги, доносившиеся из глубины одного из коридоров.

— Там... там... видишь...— Гоер осветил движущуюся массу в глубине коридора. Она медленно приближалась, касаясь стен чем-то напоминающим гибкие подвижные щупальца.

— У нас нет даже дезинтегратора,— сказал пилот,— не разрешили... почему не разрешили? — проговорил он зло.

— Возвращаемся наверх?

— Не успеем. Автоматы проворнее нас и то не успели.

Они прижались к стене колодца и ждали. Сначала из коридора высунулись щупальца и скользнули по их скафандрам, потом показался корпус. Два ряда мощных хватателей, прижатых к груди, слегка дрожали, ударяясь о панцирь.

— Это... это охранный автомат...— сказал Гоер и еще сильнее прижался к стене.

— Что ты сказал?

— Это охранный автомат.

— Ты уверен?

— На моем космолете были такие же... может, менее совершенные...

— Наше счастье,—сказал пилот и решительным движением отвел в сторону коснувшееся его щупальце.

— Что... что ты делаешь?

— Пошли дальше.

— А это... этот автомат?

— Видишь, он ничего с нами не сделал. Автоматы, даже охранные, не дезинтегрируют людей.

— Ты думаешь, это земной автомат?

— Не думаю. У меня есть тому доказательства. Я прикоснулся к нему, а он не напал.

Гоер немного помолчал, потом спросил:

— Ты считаешь, что это земной автомат?

— Не я. Системы, принимающие решение.

— И поэтому сюда прилетели мы — люди?

— Да. Одни люди, без автоматов. Автоматы подвергались бы нападению, а случайно могло достаться и нам.

— Понимаю,—сказал Гоер.— Но почему ты мне не сказал?

— Инструкция. Инструкция, которой я обязан придерживаться.

— Но зачем?

— Ты узнал этот автомат.

— Я?

— Конечно. Я никогда не видел подобных. Это модель, которой несколько сотен лет. Их форму не помнят даже наши мнемотроны.

— Так для этого нужней я, человек, возраст которого исчисляется веками?

— Браво, Гоер. Ты делаешь успехи.

— Но ты мог бы мне сказать...

— Я не мог тебе ничего навязывать.

— Ну да... Древний человек исполнил свою роль. Теперь ты отошлешь меня на слом?

— Не морочь мне голову. Надо осмотреть зонд.

— Зонд?

— Я так думаю. В твоё время человечество посылало зонды ко всем звездам, расположенным неподалёку от солнечной системы. На них не было экипажей, потому что они шли со сверхскоростью. В то время системы подсветового привода были ещё очень примитивны и ни один человек не выдержал бы таких ускорений...

Они прошли до конца коридора, оканчивающегося шлюзом.

— Видишь, архаический входной шлюз, — сказал пилот.

Шлюз раскрылся, как только управляющие автоматы почувствовали присутствие людей.

— В ваше время достаточно было быть человеком и перед тобой открывались любые шлюзы. Наши автоматы не смогли бы сюда добраться, — сказал пилот. — Если бы у нас были только автоматы, нам пришлось бы расколоть корабль пополам, чтобы проникнуть внутрь.

— А сейчас?

— Что сейчас?

— Разве недостаточно быть человеком?

— Достаточно. Только у человека столько обличей, что автоматы не всегда его распознают. В ваше время у человека была одна форма и эта форма была единственная во всем космосе.

Гоер взглянул на шкафы со скафандрами, расположенные вдоль стен, и окончательно убедился, что находится в земном корабле.

— Где-то тут должен быть подъемник, соединяющий шлюзы со штурманской, — сказал он, — так, вот он...

Когда он подошел, дверь автоматически раскрылась. Они вошли внутрь, и кабина подъемника с шумом съехала в глубь корабля.

Штурманская была небольшая, как во всех автоматических зондах, в которых человек находится лишь до тех пор, пока не выведет космолет из плоскости солнечной системы.

— Ты думаешь, корабль поврежден?— спросил пилот.

— Не знаю. Сейчас проверю. Затребую программу контроля полета,— сказал Гоер и нажал клавиши на пульте управления.

Загорелись огоньки, и в центре пульта зажегся большой рубиновый глаз, потом бесстрастный голос произнес:

— Разрыв покрытия в районе шестнадцатой и семнадцатой камер, повреждена автоматическая защита.

— Ты что-нибудь понял?

— То же, что и ты. Надо спуститься туда и проверить... если ты не получил других указаний от своих автоматов, принимающих решения.

— Ты хотел сказать, систем. Нет, внутри корабля нам предоставлена полная свобода действий. Если хочешь, можно возвращаться. Вероятно, мы прилетим сюда еще раз с соответствующими автоматами, обезопасим этого автоматического чербера... и поднимем зонд в пустоту. Там будет гораздо проще осмотреть космолет.

— Сначала все равно придется заделать отверстие. Я космонавт старой выучки и предпочитаю знать, что случилось с космолетом, коль уж я здесь.

— А может....

— Ты сказал, что решение принадлежит нам. Пошли.

— Как хочешь.

Они спустились на шестнадцатый горизонт и по узкому коридору прошли к шлюзам переборок.

Подъемник, выполняя заложенную в него программу, с тихим шипением вернулся к штурманской.

— Мы на месте. Думаю, на семнадцатый уровень отдельного хода нет,— сказал Гоер.

— Вероятно, нет,— согласился пилот.— Почему автоматы не открывают шлюзы?

— Ты забываешь, что там повреждена оболочка корабля. В таком случае автоматы блокируют шлюзы.

— Что же нам делать?

— Откроем их вручную.

— А это возможно?

— Только изнутри.

— Ты много знаешь об этих космолетах.

— Это моя специальность. Я — космонавт.

Гоер рванул рычаг, спрятанный в нише у дверей. Шлюз раскрылся. В людей ударила струя воздуха, бурно покидающего закрытые до сих пор камеры. Где-то в глубине слышался шум воды.

— Пробоина должна быть широкой,— сказал пилот.— Закрой шлюзы, а то затопим корабль.

Гоер не ответил. Он стоял неподвижно, вслушиваясь в потрескивания, идущие из динамика.

— Слушай,— сказал он наконец,— там... кто-то зовет на помощь. Сигнал автоматического вызова помощи... Слышишь?

— Обычные разряды...

— Слушай внимательно. Теперь слышишь?

— Обман слуха. Закрывай шлюзы, Гоер.

— Нет. Я слышу ясно. Кто бы это мог быть?

— Наверно, автомат.

— Ну что ж, даже в ваше время решение принадлежит человеку.

— Что ты собираешься делать?

— Спуститься туда.

— Зачем? Ведь корабль прилетел с Земли. Ничто... никто не пережил бы такого полета без анабиоза... Это автомат.

— И все-таки я спущусь.

— Останься.

— Не могу. Это призыв о помощи.

— Стой. Ты рассуждаешь, как древний человек. Я тебе объясню...

— Потом. Останься снаружи и отблокируй шлюзы, если их захлопнут автоматы.

— Но Гоер...

Гоер не слушал. Он прошел шлюзы и, включив фонарь, побежал по спускающемуся вниз коридору. Он слышал шум воды, врывающейся внутрь корабля. Сигналы гудели громче. Потом коридор кончился, и он увидел трюм. Вода была всего в нескольких метрах ниже. На ее поверхности освещенные снопом света плавали какие-то баллоны и бутылки. И вдруг он увидел скафандр, неподвижное человеческое тело в скафандре. Хватаясь руками за расчалки, крепящие груз, он спустился к поверхности воды, нырнул, оттолкнулся от стены и поплыл к человеку в скафандре.

Выйти из воды, несмотря на груз, было нетрудно, потому что вода уже поднялась до уровня входа в коридор. Потом он тащил человека в скафандре по коридору вверх. Наконец Гоер переступил порог шлюза и услышал характерный щелчок его сомкнувшихся створок. Тогда он взглянул через стекло шлема в лицо человека и почувствовал легкое головокружение. Это было его собственное мертвое лицо.

— Мне неприятно, Гоер, что все так получилось, — лицо Оркса смотрело на Гоера с экрана. — Тебя следовало

предупредить, но мы не думали, что все может так кончиться.

Гоер не ответил. Он сидел в своей кабине и, казалось, не интересовался объяснениями Оркса — разглядывать собственное лицо после смерти не очень приятно.

— Да, мы должны были тебя предупредить.

— Я тоже так думаю.

— Но мы не знали, как ты это воспримешь.

— А как вы расцениваете это теперь?

— Самым лучшим образом. Мы определенно недооценивали тебя. Вообще, я думаю, мы недооценивали людей прошлого... В принципе все очень просто. Ты ведь знаешь, что мы храним в мнемотронах информацию, равносильную личности и форме любого из нас... Мы не синтезируем на основании этой информации людей только потому, что нам удобнее путешествовать через космос в виде электромагнитных волн. Но, ты должен понять, бывают особые случаи...

— Например, я.

— Ты тоже. Тебя мы сохраняем в классическом виде, как...

— Как своего рода достопримечательность?

— Ты преувеличиваешь. Впрочем, не в этом дело. Когда мы обнаружили этот корабль-зонд, то выслали туда автоматы и тебя, предыдущего тебя, потому что в современном виде ты вторично синтезирован по образцу, хранящемуся в наших мнемотронах.

— И что?..

— И никто не вернулся. Ты знаешь, каким образом были разбиты автоматы. Мы предполагали, что твоя ракета была уничтожена излучателем зонда прежде, чем успела сесть на Таранту. Теперь мы знаем, что ее уничтожил автомат, выбросив остатки в океан тогда, когда ты, первый ты, был уже внутри зонда.

— Следовательно, вы предполагали, что я погиб еще до того, как проник в зонд?

— Да. Потом мы синтезировали тебя вторично, дали тебе пилота и послали на зонд без автоматов, зная, что ваши автоматы никогда не дезинтегрируют людей.

— Да, в этом отношении они безотказны.

— Хорошая, старая работа.

— И вы не думали, что на зонде я найду самого себя?

— Я вообще не понимаю, как это могло случиться.

— Зато я понимаю,— сказал Гоер и улыбнулся Орксу.— Это очень просто. Каждый раз, когда мое первое, а затем и второе воплощение оказывались на корабле, я делал одно и то же: выяснял причины повреждения оболочки. Только в первый раз, когда, открыв шлюзы, я вошел внутрь, они автоматически закрылись за мной, так как ворвавшаяся в разгерметизированное помещение вода добралась до сигнальных приборов. Открыть шлюзы можно было только снаружи.

— А когда ты был с пилотом, то опять спустился на поврежденный горизонт?

— Да.

— Удивительная настойчивость.

— Рефлекс каждого космонавта. Кстати, у зонда есть еще и воздушные утечки. Воздух внутри загрязнен.

— Я знаю. Мы откачаем его, прежде чем поднимем корабль в пустоту.

— Скажи мне еще,— Гоер предупредил прощальный жест Оркса,— почему... почему вы повторно послали меня лишь тогда... лишь спустя восемь дней?

— Просто нам нужно было время, чтобы тебя синтезировать. Тебя и пилота. Это сложный процесс, Гоер. Нам на это необходимо восемь дней, ровно восемь дней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Энергетик, физик-ядерщик, два литератора, научный работник — организатор и участник полярных спелеологических и палеонтологических экспедиций, радиодрама-тург, студент-биофизик, доктор физико-математических наук — восемь авторов в одном переплете, восемь тем-пераментов, восемь характеров. Различны их возраст, манеры, вкусы, литературные позиции. Короче, восемь индивидуальностей. Так и представляется комната, полная голубоватого табачного дыма, разгоряченные лица, напряженные голоса, возмущенные возгласы, хлесткие реплики. Ведь каждый рассказ — порою резкая, порою язвительная реплика, с намеками, которые иногда становятся разящими. Завсегдатаям споров — авторам и любителям фантастики все понятно, но гостям или новичкам, пожалуй, следует объяснить, о чем спор.

Оговорюсь на всякий случай: речь идет не о всемирной дискуссии двадцатого века, дискуссии о том, кому принадлежит будущее — социализму или капитализму. В этой дискуссии все польские товарищи на нашей стороне — все они ненавидят фашизм и войну, борются за мир, все выступают против гонки вооружений, эксплуатации, классового и национального угнетения, погони за наживой. Тут все очевидно и разъяснений не требуется. Разговор пойдет о специфичных именно для фантастики вещах, преимущественно о роли науки в построении будущего.

В польской, да и не только польской фантастике споры эти велись и ведутся главным образом в двух плоскостях: чаще между фантастами-физиками и фантастами-лириками и, кроме того, между мечтателями-энтузиастами и осторожными скептиками. Вторая группа спор-

щиков завязала спор раньше первой, с нее мы и начнем.

Конечно, в роли энтузиастов выступают здесь писатели — страстные поклонники науки, глубоко уверенные, что наука осуществит все, в том числе и то, что сегодня сама считает неосуществимым. Роль же скептиков, как ни странно, избрали для себя специалисты. «Как ни странно» — написал я, потому что обычно, в житейской практике, работающий больше верит в себя, чем посторонний неумелый наблюдатель. Не будем разбираться, как именно, когда и почему, но так уж сложилось исторически, что еще с прошлого века специалисты считают необходимым резко очерчивать пределы своих возможностей, отсекая неосновательные надежды на чудеса. Они психологически приучены к этому ограничению. Даже у Дж. Томсона, широко мыслящего физика, написавшего книгу «Предвидимое будущее», основные законы природы трактуются как «принципы невозможности»: невозможно превзойти скорость света, невозможно создать положительный полюс без отрицательного и т. д.

Скептики, само собой разумеется, фантастических рассказов не пишут, поэтому в данном сборнике их точка зрения не представлена, точнее, представлена незримо, как некая цель, по которой ведется пальба. Мы видим камни, летящие только в одну сторону, знакомимся только с контрвозражениями. Тем более необходимо объяснить, куда и почему летят камни.

Дело в том, что «принципы невозможности» оказались стеснительными для неумной фантазии, и прежде всего, первый из них: невозможно превзойти скорость света. Этот принцип практически ограничивает сферу активной деятельности наших потомков сотней — другой ближайших к Солнцу звезд, в большинстве своем тусклых и холодных. А дальше летать нет смысла, слишком долго ждать возвращения. Примириться с таким огра-

ничением фантастика не хочет, поэтому в разных странах разные авторы предлагают десятки способов побить или обойти неприятный предел скорости. В этом сборнике со своим парадоксальным способом выступает кибернетик Конрад Фиалковский. Он предлагает космонавтам будущего («Трансформаторий») уходить в прошлое лет на двести, а потом, не торопясь и не превышая скорости света, двести лет лететь к отдаленной цели.

Впрочем, решение это наталкивается на другой «принцип невозможности» — невозможно перемещаться во времени в обратном направлении: из настоящего в прошлое, из будущего в настоящее. Скептики напоминают, что, отправившись в прошлое, герой может встретить там и убить самого себя. А если герой убит, кто же отправился в прошлое и убил себя? В рассказе «Телехронопатор» Януш А. Зайдель сдержанно, со свойственной ему обстоятельностью рассматривает логические возможности и непротиворечивые варианты путешествия во времени, ищет пути осуществления фантазии, не нарушающие логики.

Одна из самых волнующих и, пожалуй, самая распространенная тема фантастики — это встреча с космическими братьями по разуму. Здесь на пути мечтателей не стоит непреодолимый барьер невозможного. Даже крайние скептики не отрицают вероятности существования иных цивилизаций в космосе, но добавляют, что такие цивилизации должны встречаться крайне редко, необыкновенно редко, одна на миллион, на сто миллионов, на миллиард звезд, поскольку столь же редки условия, похожие на земные: планета, освещенная средним солнцем, отсутствие резких перемен в течение миллиардов лет, умеренная температура в пределах жизнедеятельности белка, наличие воды и кислорода, твердая суша, прозрачная атмосфера и т. д. И уж во всяком случае, как ут-

верждают скептики, на Марсе и Венере разумной жизни быть не может.

А фантастам так хочется скорей межзвездной встречи!

Марсиане просто не желают с нами встречаться, не показываются, отводят глаза,— считает Чеслав Хрущевский («Фиолетовое озеро Оах»). Гости из космоса бывают на Земле. Только они притворяются обыкновенными людьми, поэтому мы их не обнаруживаем («Посещение» того же автора). Гости из космоса совсем иные, чем мы. Может быть, они микроскопически малы и мы их не замечаем (Я. А. Зайдель, «Станный, незнакомый мир»).

Как уже говорилось, для скептиков одним из аргументов является то, что в космосе необыкновенно редко встречаются подходящие для возникновения разумной жизни физические условия. И вот энтузиасты отвечают: разум не обязательно должен быть подобен человеческому. Возможно нечто принципиально иное. На Земле разумное общество состоит из разумных особей, а Станислав Лем в романе «Солярис» рисует разумный океан, некий общепланетный разум, слитный, единый, не дробящийся на особи — второй вариант разумной жизни на планете. Развивая эту идею, Кш. Борунь предлагает нам третий вариант — «Третью возможность»: разумное общество, состоящее из неразумных особей, некое подобие муравейника. Даже и название рассказа подчеркивает его полемическую направленность: третья возможность из незамеченных скептиками — сторонниками обязательного единообразия разумных существ.

Спор физиков с лириками, пожалуй, является продолжением старого спора энтузиастов со скептиками, только он шире, резче и принципиальнее, потому что позиции сторон еще более расходятся, да и предмет спора становится значительнее.

Физики — это и есть прежние энтузиасты науки, счи-

тающие, что ее возможности неограниченны. Лирики же полагают, что наука обещает больше, чем может, и немало напортила в прошлом и настоящем. Лирики беспокоятся за природу и человека, недолголюбивают технику, относятся к ней с подозрением, склонны поэтизировать прошлое, любоваться человеческими чувствами, опасаясь, что машина может их загубить.

В сборнике позиции лириков представлены в основном рассказами М. Кучиньского, Ч. Хрущевского, А. Чеховского, а позиции физиков — рассказами К. Фиалковского, Я. Зайделя, Кш. Боруна, С. Вайнфельда. У последнего проскальзывают и лирические мотивы. Так случается в фантастике. Лем тоже менял свои взгляды: сначала был ярко выраженным физиком, а потом стал не менее убежденным лириком.

Итак, лирики не очень доверяют техническому прогрессу. И прежде всего с опаской относятся к достижениям кибернетики, к чересчур умным машинам, которые сначала избавят людей от работы, а потом сделают их ненужными, поработят и вытеснят («Правда об электричестве» А. Чеховского). Они предостерегают о последствиях мечтаний о безделье. Но им как бы отвечает Стефан Вайнфельд своим рассказом «Случай Ковальского», который дал название всему сборнику. В будущем, даже самом благоустроенном будущем, где человек по-прежнему будет занимать определяющее положение, найдется место для подвига, говорит он.

Рассказ Анджея Чеховского «Человекообразный» — тоже предостережение, но предостережение от бессмысленных, никому не нужных исследований, придуманных славолюбивыми учеными. Вот создали они лабораторным путем разумное существо, вывели мыслящего потомка гиббона. И получилось несчастное, одинокое создание, некое подобие столь же несчастного искусственного мон-

стра, созданного полтора века назад Мери Шелли и Франкенштейном. По мнению лириков, не только ученые, но и фантасты ставят ненужные цели. У Кшиштофа Боруны есть большая повесть «Грань бессмертия», уже опубликованная издательством «Мир», в которой автор рассказывает о путях преодоления смерти, о последствиях, личных и общественных, о переживаниях человека, победившего смерть. Лирик Чеслав Хрущевский разделяется со всей проблемой просто. В одном из не вошедших в настоящий сборник рассказов он повествует о планете, населенной бессмертными, единственная мечта которых — выведать тайну, как это люди ухитряются умирать раз и навсегда. В рассказе «Год 10000» он столь же решительно осуждает мечту об управлении временем. Оказывается, никому, кроме влюбленных, не нужно останавливать время. А смысл резкого рассказа «Сто Сорок Вторая» я бы изложил так: «Товарищи ученые и фантасты, оставьте нас в покое со своими предложениями о стандартном общем счастье. Дайте возможность каждому быть счастливым по-своему». Как именно? Может быть, и так, как счастливы герои того же автора, прошедшие по волшебной лестнице, по лестнице, где исполняются желания скромные, житейские.

Фантасты-физики принимают фантазии всерьез. Фантастические идеи — это их тема. Есть рассказы, посвященные исключительно изложению идей. Люди там играют вспомогательную роль. Персонажи безлики. Полнокровный характер — редкость (приятное исключение составляет рассказ Я. А. Зайделя «Колодец»). Лирики же, равнодушные к научным идеям, считают фантастику не темой, а методом, литературным приемом для изображения людей, проблем, ситуаций. Они легко переходят к ненаучной, так называемой «чистой», сказочной фантастике («Волшебная лестница» и «Порок души» Ч. Хрущевско-

го). Фантаст-физик потратил бы десяток страниц, чтобы убедительно рассказать, как была устроена лестница, каким образом улавливала желания и т. п. Лирику безразлична конструкция. Ему важен результат. У Андерсена — волшебные галоши, у Хрущевского — волшебная лестница. Задумал, прошел, исполнилось.

Фантастику как литературный прием можно применить и для сатиры на военщину («Я был мундиром господина полковника» А. Чеховского), и для пародии на безудержные фантазии суперфизиков, легко оперирующих самыми безумными несбыточными идеями («Времена трехдюймовых бифштеков» А. Чеховского). Пожалуй, и объект пародии тут же рядом, в этом же переплете. Это рассказы Фиалковского, самые фантастичные из вошедших в сборник. Я назвал Фиалковского «суперфизиком». Видимо, он принадлежит к тому молодому поколению, которое с самого начала верит в любые достижения науки, априорно считает выполнимым любое чудо. И тут он противостоит не только лирикам, но и основательным физикам типа Зайделя, склонным обстоятельно и фундаментально доказывать осуществимость мечты.

Пожалуй, кое-что прояснилось. Осел дым в комнате, и стало понятнее, кто где сидит, кто с кем спорит, на кого нападает. Можно теперь оценить, чья литературная аргументация убедительнее, ярче, доходчивее...

Но стоит ли заниматься этим в послесловии? Читатель сам сделает это в соответствии с собственными вкусами и взглядами. В нашем разнообразном сборнике каждый найдет автора себе по душе.

Г Гуревич

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Вайнфельд.</i> Случай Ковальского	5
Земля его предков	12
Бутылка коньяка	22
Кабинет безупречной красоты	27
Крылышко Гермеса	32
<i>К. Борунь.</i> Третья возможность	42
<i>А. Чеховский.</i> Я был мундиром господина полковника	68
Времена трехдюймовых бифштексов	77
Правда об электрике	85
Человекообразный	93
<i>Ч. Хрущевский.</i> Фиолетовое озеро Оах	107
Посещение	121
Порок души	147
Суд при незакрытых дверях	152
Волшебная лестница	157
Год 10000	163
Сто Сорок Вторая	174
<i>Я. А. Зайдель.</i> Колодец	183
Телехронопатор	212
Прогнозия	229
Странный, незнакомый мир	238
<i>Я. Бялецкий.</i> Абсолютное время	246

<i>М. Кучинский. Вечные</i>	258
<i>К. Фиалковский. Человек с ореолом</i>	268
Витализация	283
Трансформаторий	300
Его первое лицо	316
<i>Послесловие</i>	334

СЛУЧАЙ КОВАЛЬСКОГО

Сборник рассказов

Редактор *А. Белевцева*
Художник *В. Янкилевский*
Художественный редактор *Ю. Максимов*
Технический редактор *Ю. Экке*
Корректор *К. Водяницкая*

Сдано в производство 23/V 1968 г. Подписано к печати 5/IX 1968 г. Бумага № 2. $70 \times 108 \frac{1}{32} = 5,38$ бум. л. Печ. усл л. 15,05. Уч.-изд. л. 13,78. Изд. № 12/4479. Цена 69 коп. Зак. 1070.
Темплан 1968 г. изд-ва «Мир» пор. № 229.

Издательство «Мир»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97